

А. П. Хрѣновъ.

С
504

П О В О Л Г Ъ.

(Отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани).

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Э. Арнольда, Литейный проспектъ, № 59.

1893.

По Волгѣ.

12

12

12

А 91(С) 18 см. 9 1/2 стр. пр. 08
X91 А. П. Хрюновъ. ОРК и КГ
~~91(47)~~
~~2-91~~

П О В О Л Г Ъ.

(Отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани).

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.

КНИГОХ. ОБЛАСТНОЙ
3556

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

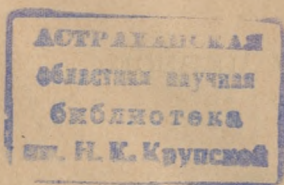
Типо-литографія Э. Аригольда, Литейный проспектъ, № 59.

1893.

2-3887

28802

Дозволено цензурою. Сиб., 9 августа 1893 г.

М 105-12 25

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію книги «По Волгѣ», мы, главнымъ образомъ, имѣли въ виду представить читателю не тѣ общеизвѣстныя указанія, которыя касаются описанія красоты самой Волги, описанія ея губернскихъ и уѣздныхъ городовъ съ точки зрѣнія ихъ живописности, или описанія всего касающагося только необходимыхъ вопросовъ для проѣзжающаго по р. Волгѣ: какъ напр., свѣдѣній о пароходномъ движеніи, о времени прихода пароходовъ къ попутнымъ пристанямъ, — нѣтъ, мы имѣли въ виду познакомить читателей съ тѣми только событіями, памятниками, о которыхъ до сего времени очень мало или даже совершенно неизвѣстно большинству изъ публики. Кромѣ того мы касались разныхъ вопросовъ торговли, промышленности, земледѣлія, которые въ настоящее время имѣютъ здѣсь громадное значеніе, касаясь при описаніи ихъ только самыхъ животрепещущихъ сторонъ. Вообще каждый изъ представленныхъ нами въ книгѣ отдѣловъ отличается своею особенностью, своею оригинальностью по части описанія событія или чего другаго.

Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ.

Благовѣщенскій монастырь	3
Нижегородскій Печерскій монастырь	11
Земледѣліе, скотоводство, садоводство и огородничество по бере- гамъ рѣки Волги	22
Трудъ и заработки на Волгѣ	35
75 лѣтъ существованія Нижегородской ярмарки	46
Историческія, достопримѣчательныя мѣста на Волгѣ	55
Печальныя, роковыя годы для обитателей Поволжья (1891-й и 1892-й годъ)	57
Измѣненіе русла и фарватера рѣки Волги и слѣдствіе подобнаго рода измѣненій	80
Очерки губернскихъ городовъ Поволжья	91
«Плѣнникъ» (разсказъ изъ преданій Жегулевскихъ горъ)	100

Благовѣщенскій монастырь въ Н.-Новгородѣ.

Посѣтивъ города и мѣстечки низоваго Поволжья, осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности ихъ, какъ въ историческомъ, такъ и другихъ отношеніяхъ, вы какъ бы невольно останавливаете свой взглядъ и вниманіе на такихъ предметахъ, которые своею внѣшностію хотя и не производятъ на васъ никакого впечатлѣнія. Однако, всматриваясь внимательнѣе въ эти, не имѣющія на первый взглядъ никакого интереса, достопримѣчательности, мы приходимъ къ совершенно противоположному мнѣнію: маленькія зданія въ нашихъ глазахъ становятся великими дворцами, маленькія церкви — великими соборами. И все это происходитъ вслѣдствіе того, что за этими предметами сохраняется ихъ историческій интересъ. Положимъ, что иногда интересъ очень ничтоженъ, все-таки вы никоимъ образомъ не можете отвернуть свой взоръ отъ этого памятника старины, уже въ силу числящейся за нимъ „самой старины“ и, затѣмъ, съ достаточнымъ вниманіемъ начинаете изучать находящійся передъ вами предметъ во всѣхъ деталяхъ. Къ такимъ-то древнимъ памятникамъ, за которыми не числится никакихъ особенныхъ, историческихъ дѣяній: или въ смыслѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ или въ смыслѣ ихъ великихъ дѣяній на пользу всего русскаго народа, которые, однако, не возможно обойти молчаніемъ, принадлежитъ Нижегородскій Благовѣщенскій монастырь, находящійся на правомъ берегу р. Оки, при впаденіи ея въ Волгу. — Посѣтивъ Нижній-Новгородъ и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательныя мѣста, вы отправляетесь на „Дятловы горы“, гдѣ вашимъ взорамъ представляется довольно миниатюрный, съ внѣшней стороны, древнѣйшій Благовѣщенскій монастырь, въ старые годы называемый „Благовѣщенскимъ, что на бичевѣ“. Основаніе этой обители относятъ къ началу тринадцатаго вѣка, т. е. къ тому времени, когда былъ основанъ самъ Нижній-Новгородъ. Доказательствомъ правильности этого предположенія служить то обстоятельство, что объ монастырѣ Благовѣщенскомъ упоминается

въ сказаніи о нападеніи на городъ мордвы восемь лѣтъ спустя послѣ его основанія. Отсюда свободно можно допустить, что если монастырь былъ основанъ не вмѣстѣ съ городомъ, то по крайней мѣрѣ ранѣе его.

Въ сказаніи о нападеніи мордвы на городъ и о раззореніи Благовѣщенскаго монастыря говорится такъ. Въ 1229 году на Нижній-Новгородъ напалъ мордовскій князь Пургасъ. Не смотря, однако, на всѣ усилія мордвы, имъ не удалось овладѣть городомъ: всѣ приступы ихъ были отбиты храбрыми гражданами. Разгнѣванный неудачею, Пургасъ съ своею разбойничьею толпою устремился къ Благовѣщенскому монастырю, находившемуся тогда ниже устья рѣки Оки, за чертою города. Разграбивъ монастырское имущество, варвары сожгли церковь и раззорили всѣ монастырскія постройки, такъ что отъ святой обители осталась одна груда камней. Почти около полутора вѣковъ послѣ этого роковаго событія монастырь находился въ развалинахъ, не находя благочестиваго жертвователя для возстановленія своего. Только спустя этотъ промежутокъ времени, изъ Золотой-Орды возвращался къ себѣ, въ Москву, митрополитъ Алексій. Вблизи развалинъ монастыря пастырь, остановившись для утоленія жажды изъ протекающаго здѣсь родника, возымѣлъ благое намѣреніе возстановить раззоренную обитель и, благодаря этому благочестивому желанію, въ 1371 году, самимъ московскимъ митрополитомъ Алексіемъ былъ освященъ первый выстроенный на развалинахъ, каменный храмъ во имя Благовѣщенія. Затѣмъ, по возстановленіи монастыря, на содержаніе братіи, а равно и на разныя другія потребности обители митрополитомъ московскимъ, вмѣстѣ съ нижегородскимъ княземъ Борисомъ Константиновичемъ, было сдѣлано множество пожертвованій, какъ изъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества. Да и послѣ этихъ первыхъ жертвователей по возстановленіи монастыря въ теченіи слѣдующихъ столѣтій являлась масса жертвователей, какъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ самымъ высшимъ сановникамъ, такъ и изъ лицъ самаго низшаго, земледѣльческаго класса: пожертвованія на монастырь шли отъ царей, митрополитовъ, князей, торговыхъ людей и крестьянъ, несшихъ дары на поминъ души.

Разсматривая жалованныя грамоты, мы находимъ, что при

Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, кромѣ монастырской братіи или, скорѣе, служителей, насчитывалось слишкомъ четыре тысячи душъ дарственныхъ крестьянъ. Благодаря подобнаго рода пожертвованіямъ, даже съ излишкомъ поступившимъ въ монастырь, обитель процвѣтала почти около четырехъ вѣковъ, т. е. отъ своего возстановленія въ 1371 году и до церковной реформы въ 1763 году, когда вышелъ указъ объ отобраніи у монастырей дарованныхъ имъ земель и крестьянъ и о назначеніи взамѣнъ этого казеннаго содержанія. Благовѣщенскому монастырю было ассигновано всего только 698 рублей въ годъ. Такая сравнительно скудная обезпеченность монастыря способствовала обѣднѣнію и упадку обители и только съ переводомъ Макарьевской ярмарки въ Нижній-Новгородъ дѣла монастырскія въ финансовомъ отношеніи начинаютъ значительно поправляться. Въ холерные годы 1830 — 31, 48, 53 и 60, на монастырскомъ кладбищѣ было погребено много богатыхъ купцовъ, умершихъ во время ярмарки; родственниками погребенныхъ были сдѣланы богатые вклады на вѣчное поминовеніе умершихъ, почему въ настоящее время Благовѣщенская обитель является вполне обезпеченною въ матеріальномъ отношеніи.

Изъ построекъ монастыря прежде всего обращаетъ на себя ваше вниманіе главный соборный храмъ, построенный въ 1649 году, по образцу воздвигнутаго въ четырнадцатомъ вѣкѣ московскимъ митрополитомъ Алексіемъ. Въ послѣдніе годы, благодаря усердію нѣкоторыхъ ревнителей благочестія, храмъ этотъ былъ подновленъ въ духѣ новѣйшей архитектуры; напримѣръ, своды покрыты желѣзомъ, вокругъ собора устроена галерея съ арками и т. д., короче сказать, отъ прежней, древней постройки не осталось почти ничего—все сдѣлано по новымъ образцамъ.

Въ соборѣ изъ древностей замѣчательна икона Корсунской Божіей Матери, писанная въ 993 году. Подъ изображеніемъ Божіей Матери находится надпись на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Прежде на ней было прекрасное старинное украшеніе; когда же архимандритомъ Паисіемъ были сдѣланы нѣкоторыя подновленія въ храмѣ, то и украшеніе было снято съ иконы и замѣнено новымъ. Икона эта, какъ полагаютъ, подарена московскимъ митрополитомъ Алексіемъ. Кромѣ этой иконы замѣчательны:

икона св. Алексія митрополита и подаренная казанскимъ митрополитомъ Тихономъ древняя дека со святыми мощами.

Вторая церковь — каменная, построенная во имя св. Алексія митрополита патріаршимъ ризничимъ Булгаковымъ. Подъ сводами этого храма покоится и прахъ создателя храма. Надъ гробницею сохранилась высѣченная на камнѣ надпись, указывающая на лѣта погребенія благочестиваго создателя. При храмѣ же находится пещера и родникъ. Въ настоящее время и эта церковь подверглась значительнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе произведенныхъ въ ней фундаментальныхъ перестроекъ.

Третья церковь—во имя Успенія Пресвятой Богородицы, какъ и предыдущія, перестроенная сообразно вкусу благоустроителей и замѣчательная по двумъ шатровымъ куполамъ, возвышающимся надъ крышею храма. — Четвертая церковь во имя св. Апостола Андрея Первозваннаго и, наконецъ, пятая—во имя возобновителя Благовѣщенской обители св. Алексія, митрополита московскаго. Этотъ послѣдній храмъ не столько замѣчателенъ своими богатыми украшеніями новѣйшаго времени, сколько тѣмъ, что въ стѣнахъ его покоится прахъ преосвященнаго Іереміи, епископа нижегородскаго и арзамасскаго, всю жизнь свою проведеннаго въ дѣлахъ церковнаго благоустройства, несмотря на массу встрѣчавшихся затрудненій.

Благочестивая дѣятельность и, вообще, вся жизнь преосвященнаго настолько интересна, что мы позволяемъ себѣ представить здѣсь краткую біографію этого благочестиваго, истиннаго подвижника вѣры христіанской. Преосвященный Іеремія, въ міру Иродіонъ Соловьевъ, происходилъ изъ бѣднаго, низкаго сословія; отецъ его былъ сельскій причетникъ. Первоначальное воспитаніе Соловьевъ получилъ въ духовной семинаріи, при чемъ въ виду крайней бѣдности родителей и необходимости возможно скорой помощи семинаріею, онъ думалъ закончить свое образованіе и, если Богъ благословитъ, занять мѣсто священника. Однако случайный разговоръ Соловьева съ товарищемъ, Иваномъ Борисовымъ, когда уже они оба были въ богословскомъ классѣ, о дальнѣйшей судьбѣ обоихъ, окончился твердымъ рѣшеніемъ поступить въ монахи. По окончаніи курса семинаріи Соловьевъ былъ назначенъ въ Сѣвскъ въ духовное училище инспекторомъ и учителемъ греческаго языка,

а Борисовъ поступилъ въ Кіевскую духовную академію. Недолго оставался Соловьевъ въ Сѣвскѣ. Мысль о постриженіи не давала ему покоя. Онъ отказался отъ должности и началъ готовить себя къ постриженію. Въ это время Соловьеву было предложено священство, однако онъ, несмотря на то, что, какъ самое мѣсто, такъ и невѣста очень понравились ему, внезапно отказался отъ всего и подалъ прошеніе объ опредѣленіи его послушникомъ въ монастырь. Назначеніе послѣдовало въ Брянскій Печерскій монастырь, куда и отправился Соловьевъ по едва проходимой дорогѣ. Какъ начальство, такъ и вся братія Печерскаго монастыря встрѣтили Соловьева крайне недовѣрчиво. Однако, ему недолго пришлось пробыть здѣсь. Четыре мѣсяца спустя послѣ поступленія будущаго преосвященнаго въ обитель, была получена бумага о назначеніи Соловьева комиссіею духовныхъ училищъ стипендіатомъ С.-Петербургской духовной академіи. Здѣсь Соловьевъ встрѣтилъ своего товарища по семинаріи и друга, Борисова (по постриженіи Иннокентія), въ должности профессора академіи. Такимъ образомъ друзья встрѣтились въ различныхъ званіяхъ: одинъ—учителя, другой—ученика. Соловьевъ кончилъ курсъ академіи безъ всякой ученой степени, упросивъ начальство объ этомъ, самъ имѣя въ виду безъ степени навсегда остаться простымъ іеромонахомъ. Однако ожиданія Іереміи не увѣнчались успѣхомъ: онъ быстро пошелъ въ гору и уже девятнадцать лѣтъ спустя послѣ оставленія имъ академіи, мы встрѣчаемъ преосвященнаго Іеремію на новооткрытой Кавказской и Черноморской епископской кафедрѣ, назначеннаго сюда съ Чигиринской епископской и викарной Кіевской митрополіи. Съ назначеніемъ преосвященнаго Іереміи на Кавказъ начинаются тяжелыя для него испытанія. Вскорѣ на него былъ сдѣланъ ложный доносъ раскольниковъ „на жестокое, яко-бы, обращеніе съ ними преосвященнаго“, слѣдствіемъ чего было отдѣленіе или переходъ въ вѣдѣніе оберъ-священника Кавказской арміи стараничныхъ церквей Терской и Кубанской областей. Слишкомъ тяжела, слишкомъ оскорбительна показалась возводимая, дерзкая, наглая ложь ни въ чемъ неповинному епископу, тѣмъ болѣе, что всѣ его стремленія, всѣ его желанія клонились, именно, къ благоустройству, къ процвѣтанію епархіи, управляемой имъ съ истинною пастырскою любовью и смиреніемъ. Преосвященный подалъ

прошеніе въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою объ увольненіи отъ управленія Кавказскою епархіею и дозволеніи отправиться въ Кіевъ на покой. Однако, графъ Протасовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, знавшій хорошо Іеремію, успѣлъ убѣдить его не покидать Кавказскую епископію. Уже подобное отношеніе Св. Синода къ преосвященному указываетъ, насколько былъ правиленъ доносъ! Іеремія согласился продолжать пасти Кавказскую паству, но не надолго. Уже черезъ годъ имъ было подано вторичное прошеніе съ просьбою объ удаленіи его съ Кавказскаго епископства. Резолюціею на это прошеніе было назначеніе Іереміи на кафедру Полтавской епископіи. Однако и здѣсь преосвященному не удалось найти себѣ того, что соотвѣтствовало бы его характеру и привычкамъ, какъ посвятившаго себя аскетическимъ подвигамъ. Подвластное ему духовенство явилось въ первый разъ къ владыкѣ для представленія во всемъ своемъ блескѣ, который, по словамъ самого Іереміи, поразилъ его, не привыкшаго къ роскоши, до безконечности. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что епископъ прожилъ въ Полтавѣ около четырехъ мѣсяцевъ и переѣхалъ въ Лубенскій монастырь, откуда онъ вскорѣ послалъ просьбу въ Св. Синодъ объ отставкѣ. И эта просьба не была уважена Синодомъ. Въмѣсто отставки преосвященный былъ назначенъ епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ. Самъ Іеремія въ своемъ дневникѣ рассказываетъ, что незадолго до назначенія его во епископа Нижегородскаго онъ видѣлъ во снѣ прекрасный жезлъ, который сильно понравился ему. Такимъ образомъ, когда пришло назначеніе отъ Синода, преосвященный, помня объ этомъ снѣ, отправился на вновь назначенное мѣсто служенія въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Посѣтивъ всѣ знакомыя мѣста, какъ наприм., Кіевъ, Сѣвскъ и друг., Іеремія прибылъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ ожидалъ встрѣтить все въ порядкѣ, достойномъ православной церкви. Однако въ дѣйствительности вскорѣ пришлось разочароваться во многомъ и принять мѣры къ скорѣйшему устраненію безпорядковъ, что въ свою очередь немедленно доставило только что прибывшему пастырю значительное число враговъ и, притомъ, враговъ, принадлежащихъ къ высшему кругу нижегородскаго общества. Преосвященный не убоился такихъ мощныхъ противниковъ и немедленно приступилъ къ дѣлу. Первое, на что имъ было

обращено вниманіе—это было совершенно ненормальное положеніе ярмарочнаго собора. Со своего основанія ярмарочный соборъ былъ причисленъ къ кафедральному собору, а вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ выходилъ подъ властію мѣстнаго архіерея. Изъ-подъ вѣдѣнія послѣдняго былъ исключенъ выборъ старосты и завѣдываніе церковными суммами. Свѣтское начальство не преминуло воспользоваться двумя послѣдними ограниченіями и съ помощію ихъ совершенно подчинило себѣ управленіе соборомъ. Преосвященный Іеремія прежде всего отстранилъ отъ служенія въ ярмарочномъ соборѣ кафедральнаго протоіерея и ключаря, назначивъ для сего младшихъ священниковъ и, затѣмъ, воспретилъ архіерейскому хору пѣть въ соборѣ, опредѣливъ для этого другихъ пѣвчихъ, такъ какъ архіерейскіе, кромѣ собора, участвовали своими голосами въ ярмарочныхъ увеселеніяхъ и черезъ это часто портили ихъ окончательно. Не понравилось распоряженіе преосвященнаго губернатору, который по окончаніи ярмарки отправился въ С.-Петербургъ жаловаться на Іеремію, но каковъ былъ результатъ—неизвѣстно. Въ слѣдующемъ году губернаторъ послалъ уже форменную бумагу оберъ-прокурору Протасову, которая однако привела къ окончательному уничтоженію вмѣшательства свѣтской власти въ дѣла церковныя. Окончательно же потерпѣлъ неудачу губернаторъ, представивъ графу Клейнмихелю отношеніе, въ которомъ указывалъ на непринятіе участія въ ремонтѣ собора строительной и дорожной комиссій, предоставивъ ремонтъ его собственнымъ средствамъ. Новый губернаторъ, князь Урусовъ, продолжалъ дѣло своего предшественника, но съ тѣмъ же и успѣхомъ.

Наконецъ, истомленный безплодною борьбою, преосвященный, отправилъ въ Петербургъ прошеніе объ увольненіи отъ занимаемой имъ пастырской должности. Св. Синодъ уважилъ наконецъ его просьбу, и преосвященный Іеремія былъ уволенъ на покой съ пенсією въ тысячу рублей. На покой онъ прожилъ 27 лѣтъ, не оставляя своей кельи въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, кромѣ только посѣщенія монастырскаго храма. Это былъ человѣкъ—по истинѣ христіанинъ, всегда проводившій свободное отъ дѣлъ время въ молитвѣ и совершеніи дѣлъ широкой благотворительности. Когда онъ умеръ, то масса благотворимыхъ имъ нищихъ и убогихъ

оплакивала его кончину. Погребенъ преосвященный, какъ нами было указано выше, въ Алексѣевской церкви Благовѣщенскаго монастыря, который, такимъ образомъ, является достопримѣчательностью, во 1-хъ, по своему древнему основанію, а во 2-хъ, какъ хранитель праха пастыря, котораго дѣянія на пользу церкви, стремленіе улучшенія во всемъ не достаточно поняты и оцѣнены. Это послѣднее обстоятельство и заставило насъ при описаніи древняго Благовѣщенскаго монастыря представить краткую біографію преосвященнаго Іереміи, дабы каждый могъ себѣ уяснить всѣ лучшія качества души пастыря, вынужденнаго почти во время своего церковнослуженія вести борьбу противъ коварства лицъ, ищущихъ только мірскихъ выгодъ, а не чего-либо другаго.

Нижегородскій Печерскій монастырь.

Нѣтъ возможности перечислить всѣ достопримѣчательныя, извѣстныя своими историческими событіями мѣста нашего дорогаго отечества; нѣтъ возможности составить себѣ ясное представленіе о всѣхъ драгоцѣнныхъ памятникахъ древняго русскаго искусства и зодчества, такъ какъ большая часть ихъ была уничтожена или рукою времени или рукою тѣхъ недалековидныхъ благотворителей, которые своею щедростію не столько способствовали сохраненію изящнаго стараго, сколько окончательному его уничтоженію, замѣняя прекрасную старину иногда крайне безобразною новизною. Многіе замѣчательные памятники погибли такимъ образомъ для насъ, не оставивъ даже малѣйшей возможности составить объ нихъ хотя-бы самое неясное представленіе. Между тѣмъ эти памятники иногда настолько интересны, что любители старины употребляютъ всѣ свои усилія, чтобы возстановить память о какомъ нибудь интересномъ событіи, связанномъ съ ними. И, дѣйствительно, благодаря энергіи любителей-тружениковъ, мы въ настоящее время имѣемъ массу драгоцѣннаго матеріала для изученія интереснаго прошлаго. Къ числу такихъ рѣдкостей причисляется и Нижегородскій Печерскій монастырь, находящійся на правомъ, возвышенномъ берегу рѣки Волги ниже Нижняго-Новгорода, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Судьба этого монастыря настолько замѣчательна, что нѣтъ возможности обойти ее молчаніемъ, не прослѣдивъ исторіи существованія монастыря отъ начала его основанія до настоящаго времени.

Печерскій монастырь былъ основанъ въ княженіе въ Москвѣ Іоанна Калиты, приблизительно около 1330 года. Нижнимъ-Новгородомъ въ то время владѣлъ князь Александръ Васильевичъ, старшій братъ Константина Васильевича, основателя великаго княжества Нижегородскаго. Въ это-то время явился въ Нижній изъ Кіево-Печерскаго монастыря монахъ Діонисій съ намѣреніемъ основать гдѣ-либо въ окрестностяхъ Нижняго свою собственную оби-

тель. Имъ было избрано мѣсто на правомъ берегу Волги въ трехъ верстахъ отъ Нижняго, гдѣ св. Діонисій поселился первоначально въ вырытой имъ самимъ пещерѣ. Вскорѣ слухъ о подвижникѣ распространился по разнымъ мѣстамъ Нижегородскаго и другихъ княжествъ и къ св. Діонисию начала являться для иноческихъ подвиговъ братія. Около пещеры, на склонѣ горы, была построена подвижниками церковь во имя Вознесенія Господня, которая послужила, такъ сказать, фундаментомъ при основаніи монастыря. Первымъ настоятелемъ вновь основаннаго монастыря былъ св. Діонисій, который управлялъ имъ 45 лѣтъ, т. е. до 1374 года, когда онъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа Суздальскаго и Нижегородскаго. Благодаря своей кротости, смиренію и другимъ прекраснымъ качествамъ души, св. Діонисій пріобрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Въ особенности уважали и любили его сыновья великаго князя Нижегородскаго, Борисъ и Андрей Константиновичи, хотя и самъ великій князь постоянно относился къ святому подвижнику съ глубокимъ почтеніемъ. Но болѣе всѣхъ любилъ Діонисія преподобный Сергій Радонежскій, считавшійся самымъ искреннимъ, самымъ душевнымъ его другомъ. Св. Діонисія знали и Константинопольскій патріархъ Ниль, всегда отзывавшійся съ великими похвалами о душевныхъ качествахъ Діонисія. Любилъ основателя Печерскаго монастыря и св. Алексій, митрополитъ Московскій, познавшій все величіе души подвижника. — Исторію Нижегородскаго Печерскаго монастыря, одного изъ старѣйшихъ русскихъ монастырей, можно раздѣлить на три періода, рѣзко разграниченные между собою двумя грустными событіями. Первымъ періодомъ можно считать исторію монастыря отъ начала его основанія и до 1597 года, когда обваломъ горы былъ разрушенъ старый монастырь, основанный св. Діонисіемъ. Періодъ этотъ обнимаетъ собою время около 270 лѣтъ и характеризуется быстро возвеличивающеюся славою и обогащеніемъ монастыря. Второй періодъ продолжается отъ 1598 года и до 1764 г., т. е. отъ дня возобновленія монастыря и до отобранія Императрицею Екатериною II подаренныхъ ранѣ монастырю земель и крестьянъ. Наконецъ, третій періодъ, послѣдній, обнимаетъ собою время отъ указаннаго лишенія монастыря его собственности и до настоящаго времени. Это — періодъ упадка благосостоянія Печерской обители,

ея об'єднѣнія и, наконецъ, окончательнаго раззоренія. — Первый періодъ, какъ я сказалъ выше, простирается отъ начала основанія монастыря. Уже при св. Діонисіи, столь авторитетномъ, уважаемомъ настоятелѣ, монастырь началъ быстро обогащаться вслѣдствіе громаднаго прилива пожертвованій отъ лицъ, начиная съ самаго высокаго сана и кончая простымъ крестьяниномъ. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, монастырю представилась возможность, какъ къ увеличенію числа братіи, такъ и созиданію новыхъ, каменныхъ построекъ. Не слѣдуетъ обходить молчаніемъ пожертвованія, приносимыя благочестивыми жертвователями. Князья жертвовали монастырю не только пустопорожнія мѣста, но своими открытыми грамотами дарили и всѣ заведенія и крестьянъ, имѣющихся при нихъ. Кромѣ подобныхъ пожертвованій, Печерскому монастырю иногда приносили въ даръ или иначе приписывали въ его собственность другіе монастыри, села съ ихъ церквами и т. д. Такъ великій князь Суздальскій Борисъ Константиновичъ, въ настоятельство св. Діонисія, на поминовеніе своего брата подарилъ монастырю три села съ имѣющимися въ нихъ храмами и нѣсколько деревень. По самыя громадныя пожертвованія послѣдовали отъ Московскихъ князей. Упомянемъ о вкладѣ въ монастырь, сдѣланномъ великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ. Въ 1514-мъ году великій князь своею грамотою пожаловалъ Печерской обители: Борисоглѣбскій Кидекшацкій монастырь, основанный около 150-ти лѣтъ ранѣе перваго, село Кидекшу и село Плесець. Съ Кидекшацкимъ монастыремъ перешли въ вѣдѣніе обители и многія вотчины, принадлежавшія ему и дарованныя въ разное время на поминовеніе государей. Благодаря столь громаднымъ пожертвованіямъ, Печерскій монастырь быстро достигъ самаго цвѣтущаго состоянія и украсился многими новыми церквами. Къ концу шестнадцатаго столѣтія въ немъ насчитывается шесть каменныхъ церквей съ колокольнями: во имя Вознесенія Господня, Покрова Пресвятой Богородицы, святителя и чудотворца Николая, св. Іоанна Богослова, св. Бориса и Глѣба и св. Сергія Радонежскаго. Не смотря, однако, на блестящее состояніе монастыря, на покровительство князей и вообще полную матеріальную обезпеченность и благоустройство, обитель подвергалась нерѣдко и значительнымъ бѣдствіямъ. Часто, напр., нападали на монастырь татары, бывшіе во

времена основанія обители господами надъ русскою землею; они разоряли села и деревни и тѣмъ причиняли великіе убытки монастырю. Однажды татары напали на самую обитель и выжгли ее до тла. Вся братія разбѣжалась въ разные мѣста и почти 60 лѣтъ монастырь находился въ запустѣннѣи. Только послѣ покоренія Казани монастырь снова началъ обживать. Однако внѣшніе враги не настолько разоряли обитель, какъ внутренніе, жившіе въ самыхъ стѣнахъ ея и занимавшіе въ монастырѣ самыя видныя должности. Благодаря своему положенію среди монастырской братіи, эти лица дѣйствовали не хуже даже татаръ; они положительно грабили казну и расхищали монастырское имущество, ведя самый безобразный, распутный образъ жизни. Изъ числа подобныхъ личностей выдается своими поступками архимандритъ Макарій, произведшій своимъ поведеніемъ и, вообще, легкомысленною жизнью большіе безпорядки въ монастырѣ, разогнавшій братію и, въ концѣ концовъ, обокравшій монастырь „въ чистую“. Въ Печерскихъ актахъ упоминается, какъ этотъ архимандритъ со своими старцами, вооружившись разнаго рода оружіемъ, напалъ на крестьянъ села Рубскаго, многихъ изъ нихъ изувѣчилъ, а крестьянскихъ дѣвухекъ неизвѣстно для чего взялъ съ собою въ монастырь. Ничѣмъ не лучше Макарія были: архимандритъ Симонъ и келарь Діонисій Омачкинъ. Первый изъ нихъ, отправляясь на постоянное жителство въ Спасо-Андроніевъ монастырь, выкралъ изъ кассы Печерской обители много денегъ. Второй—Діонисій Омачкинъ—во время своего келарства растрачивалъ массу монастырскихъ денегъ и имущества на себя и еще болѣе на своихъ многочисленныхъ родственниковъ и прихлебателей. Къ числу послѣднихъ принадлежали нѣкоторые изъ братіи, способствовавшіе Діонисию въ его безчестныхъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, выведенная изъ терпѣнія поступками келаря братія подала челобитную къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой, излагая всѣ неблаговидные поступки Діонисія, просила избавить ее отъ такого келаря.

Но всѣ эти бѣдствія, обрушившіяся на Печерскій монастырь, можно считать каплею въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, которое испыталъ монастырь 18-го іюня 1597 года. Это было въ день св. мученика Леонтія. Въ три часа ночи, оползла гора въ Печерскомъ монастырѣ, дѣйствіемъ подземныхъ ключей отдѣленная

отъ матерой земли. Хотя несчастій съ людьми не было, такъ какъ никто изъ старцевъ не находился въ кельяхъ, однако, самъ монастырь былъ совершенно разрушенъ. Разрушены всѣ каменные церкви, святыя ворота, кельи и прочія монастырскія зданія. Причиною этого страшнаго бѣдствія, какъ я упомянулъ выше, были подземные ключи, протачивавшіе мягкій слой земли, находящійся между верхнимъ слоемъ и материкомъ. Благодаря этому дѣйствию ключей, подъ землею образовалось пустое пространство. Только и монастырь началъ наконецъ, осѣдать, что было замѣчено еще за нѣсколько дней до оползня и что послужило предупрежденіемъ для разумнаго и предусмотрительнаго архимандрита Трифона принять нѣкоторыя мѣры къ сохраненію наиболѣе чтимыхъ иконъ, церковной утвари и другаго цѣннаго имущества. — Самое осѣданіе монастыря не выразилось въ слишкомъ сильной формѣ; слышенъ былъ только тихій гулъ, не сопровождавшійся ни землетрясеніемъ, ни колебаніемъ почвы, ни другими явленіями, могущими еще вначалѣ осадка причинить вредъ монастырскимъ зданіямъ. Осѣданіе обители выразилось только образованіемъ длинной земляной трещины. Этимъ дѣло однако не кончилось; подземные ключи продолжали свое дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока осѣвшій съ монастыремъ слой земли, потерявъ послѣднюю связь съ материкомъ, вслѣдствіе своего наклоннаго положенія не оползъ по твердому и гладкому слою каменнаго угля прямо въ рѣку. Замѣтимъ, что особыхъ несчастій ни съ людьми, ни съ монастырскимъ скотомъ не было, равно какъ и нѣкоторыя зданія остались цѣлы. Это произошло вслѣдствіе слишкомъ умѣренно-наклонной площади, съ которой совершился оползень, а поэтому весь монастырь со всѣми своими пристройками и слободою скатился, а не свалился, при чемъ это скатываніе было медленное, тихое, не сопровождавшееся особенно печальными результатами. Такъ кончился первый періодъ исторіи Печерскаго монастыря со дня его основанія.

При осмотрѣ мѣста оползня позади одной изъ церквей были найдены мощи старца-схимника. Все тѣло, равно ризы и гробъ остались неповрежденными; поврежденіе коснулось только незначительной части лица. Имя этого старца не было никому извѣстно; говорили только, что въ Печерской обители жилъ когда-то подвижникъ по имени Іоасафъ, который будто по смерти своей

погребенъ именно на этомъ самомъ мѣстѣ. Однако всѣ эти рассказы не привели ни къ чему положительному. Прибывшимъ въ Печерскій монастырь игуменомъ Дудина монастыря Евфиміемъ съ братіей былъ вынутъ гробъ изъ земли, мощи осмотрѣны и поставлены въ ровень съ землею, а надъ ними устроена гробница.

По освидѣтельствovanіи мѣста катастрофы оказалось, что почти половина каменныхъ церквей и многія монастырскія зданія пострадали не особенно сильно, такъ что можно было-бы приступить къ возобновленію ихъ. Однако самое мѣсто оказалось настолько опаснымъ для постройки, особенно каменныхъ зданій, что пришлось избрать другое, болѣе безопасное въ смыслѣ твердости грунта. Это новое мѣсто находится въ разстояніи версты отъ прежняго монастыря вверхъ по рѣкѣ, на правомъ же берегу ея. На мѣстѣ старой обители повелѣніемъ царя Θεодора Іоанновича былъ воздвигнутъ деревянный храмъ во имя Преображенія Господня. Храмъ этотъ сгорѣлъ въ 1782 году и на мѣстѣ его былъ вновь сооруженъ каменный, существующій по сіе время.

Вновь избранное для монастыря мѣсто оказалось слишкомъ неровнымъ и холмистымъ, почему царь Θεодоръ Іоанновичъ приказалъ выровнять его на казенный счетъ, построить на этомъ мѣстѣ деревянный храмъ во имя Вознесенія Господня, а также выстроить кельи для братіи и обнести монастырь оградой. Но не долго существовалъ этотъ деревянный храмъ. 30 лѣтъ спустя послѣ описанной катастрофы, вмѣсто него былъ воздвигнутъ великолѣпный соборъ Вознесенія Господня; далѣе, всѣ деревянные монастырскія строенія были перестроены въ каменные и монастырь достигъ еще большаго величія и славы, каковою пользовался до своего разрушенія. Между тѣмъ вклады и пожертвованія не прекращались. Цари своими грамотами утверждали за монастыремъ прежніе вклады великихъ князей и сами съ своей стороны не оставляли монастырь своими милостями. Достойному примѣру земныхъ владыкъ слѣдовали и ихъ вѣрнопопдаанные; всякій изъ нихъ вносилъ лепту въ монастырскую казну: кто дарилъ землю, кто — скотъ, кто жертвовалъ драгоценныя вещи. Изъ вещей, пожертвованныхъ монастырю, замѣчательенъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы въ кіотѣ, обложенный въ серебрянную вызолоченную ризу. Риза изъ красной рѣзбы, вѣнецъ у Богородицы чеканный,

вызолоченный съ лазоревымъ яхонтовымъ кругомъ, унизанный жемчугомъ; другой вѣнецъ жемчужный. Вмѣстѣ съ образомъ Знаменія Пресвятой Богородицы, въ томъ-же самомъ кіотѣ помѣщенъ Крестъ Господень, унизанный по сторонамъ жемчугомъ вмѣстѣ съ помѣщенными въ немъ частицами мощей: Іакова—брата Господня, Андрея Первозваннаго, архидіакона Стефана, Григорія Богослова.

Какъ я сказалъ, Печерскій монастырь, благодаря громаднымъ жертвованіямъ, достигъ цвѣтущаго благосостоянія. За нимъ числилось слишкомъ восемь тысячъ душъ крестьянъ. Благодаря этому, монастырю, владѣвшему и значительными земельными участками, представлялась возможность дѣлать громадныя запасы хлѣба, который, впрочемъ, употреблялся большею частію съ благотворительною цѣлью. Многіе изъ монастырскихъ крестьянъ были обучены разнаго рода ремесламъ, почему монастырь при постройкахъ или другихъ какихъ-либо работахъ всегда могъ воспользоваться бесплатнымъ трудомъ. Но не однѣ только монастырскія работы производились этими ремесленниками. Монастырь отправлялъ ихъ въ разные города на казенныя заработки.

Немалую роль игралъ Печерскій монастырь и въ дѣлахъ государственныхъ. Такъ, когда въ 1612 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ Козьма Мининъ возбудилъ Нижегородцевъ идти освобождать отечество отъ поляковъ, архимандритъ Печерской обители Θεодосій вмѣстѣ съ выборными отъ всѣхъ сословій лицами былъ посланъ къ князю Пожарскому: просить его принять начальство надъ Нижегородскимъ ополченіемъ. Послѣ освобожденія Россіи Θεодосій участвовалъ въ избраніи на царство Михаила Θεодоровича и подписалъ избирательную грамоту. Вообще, монастырь отличался крайнею отзывчивостію ко всѣмъ нуждамъ государства. Онъ посылалъ на государственную службу пѣшихъ и конныхъ людей изъ своихъ крестьянъ; отправлялъ значительныя суммы денегъ на жалованье ратнымъ людямъ и, наконецъ, доставлялъ въ войска массу хлѣба и фуража. Когда въ войнѣ съ Карломъ XII и турками послѣ разбитія русскихъ войскъ и отобранія у нихъ пушекъ явилась крайняя нужда въ металлѣ для отлитія новыхъ, Печерскій монастырь послалъ для этой цѣли болѣе 300 пудовъ колоколовъ и, кромѣ того, участвовалъ въ постройкѣ военныхъ кораблей въ Во-

ронезѣ. Вообще монастырь являлся всегда участникомъ избавленія всѣхъ угнетенныхъ и своимъ участіемъ избавлялъ массу сирыхъ отъ нужды и бѣдствій. При самомъ монастырѣ, въ его огромныхъ помѣщеніяхъ для богадѣленъ и больныхъ содержалось насчетъ обители множество дряхлыхъ и увѣчныхъ людей. Ко всему этому въ Печерскій монастырь присылались на исправленіе государственные преступники, которые и находились подъ постояннымъ надзоромъ и увѣженіями настоятелей. Короче, Печерскій монастырь во второмъ періодѣ исторіи своего существованія, по своему значенію, славѣ и богатству могъ быть причисленъ къ числу первыхъ монастырей въ Россіи. Наконецъ наступилъ 1764 годъ, роковой, какъ для Печерской обители, такъ и для другихъ монастырей. По указу Императрицы Екатерины II, всѣ монастырскіе земли, вотчины и крестьяне, принесенные въ прежнія времена въ даръ монастырямъ, безвозмездно отходили въ вѣдѣніе казны. Подобный указъ сразу повелъ многіе монастыри къ обѣднѣнью, запустѣнью и даже къ совершенному уничтоженію. Такая судьба постигла и Печерскій монастырь. При отобраніи крестьянъ и земельныхъ участковъ за монастыремъ числилось около 8,500 крестьянскихъ душъ и слишкомъ 6,000 десятинъ одной только пахатной земли. Можно судить поэтому, какимъ образомъ подѣйствовала столь большая утрата имущества на общій строй громаднаго монастырскаго хозяйства. Сколько нуждающагося люда осталось безъ пріюта, безъ крова, которымъ монастырь въ силу необходимости вынужденъ былъ отказать въ помощи! При составленіи монастырскихъ штатовъ Печерская обитель была включена въ первый классъ, седьмою по степени. Взамѣнъ отобраннаго у монастыря имущества ему было назначено на разныя потребности опредѣленное жалованье въ размѣрѣ двухъ съ небольшимъ тысячъ рублей. Къ этому жалованью, вслѣдствіе особаго благоволенія Императрицы, назначена прибавка въ размѣрѣ 300 руб. въ годъ, такъ что монастырь на свое содержаніе началъ получать около 2,400 руб. Ко всему этому, еще съ 1717 года прекратились вклады и пожертвованія. Монастырь такимъ образомъ очутился въ самомъ безвыходномъ положеніи: онъ еле-еле влачилъ свое существованіе. Подобное положеніе дѣлъ не могло продолжаться долго, такъ какъ жалованья не хватало ни на содержаніе братіи, ни на ремонтъ

монастырскихъ зданій. Болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ покинуть обитель и искать себѣ мѣста на чужой сторонѣ. И дѣйствительно, братія уходила, гонимая злою нуждою. Между тѣмъ монастырскія постройки, оставленные на произволъ судьбы, ветшали, обваливались и въ концѣ концовъ почти совсѣмъ разрушились. Поддержки ждать было не откуда. Однако Печерская обитель не испытала такого разрушенія, какъ другіе монастыри. Благодаря энергіи братіи, изъ скудныхъ монастырскихъ средствъ ежегодно удѣлялась незначительная сумма денегъ на ремонтъ зданій, которыя такимъ образомъ сохранились до настоящаго времени, хотя не въ томъ блестящемъ видѣ, въ которомъ онѣ представлялись до указа Императрицы Екатерины II, въ періодъ величія и славы обители.

Постараемся теперь сдѣлать краткій обзоръ монастырскихъ достопримѣчательностей. Самый древній по своему сооруженію, самый величественный храмъ въ Печерскомъ монастырѣ—это соборъ Вознесенія Господня, каменный пятиглавый. Онъ представляетъ изъ себя копію Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря въ Москвѣ. Соборъ этотъ, несмотря на позднѣйшія поправки, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ памятниковъ архитектуры семнадцатаго вѣка. Внутри собора для поддержки тяжелыхъ сводовъ устроены два массивныхъ столба. Внутреннее украшеніе собора сильно измѣнилось отъ разныхъ поправокъ, однако между иконами встрѣчаются нѣкоторыя, прекрасно сохранившіяся до настоящаго времени. Изъ такихъ иконъ обращаетъ на себя вниманіе прекрасно сохранившійся образъ св. Макарія съ чудесами. Въ этомъ же храмѣ находится и главная святыня монастыря—образъ Печерской Божіей Матери, принесенный основателемъ Печерской обители Діонисіемъ изъ Кіево-Печерской лавры. Около собора находится теплая церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы. Она соединена съ первымъ крытою галлереею и имѣетъ два выхода. Въ этой церкви устроена „усыпальница“ усопшихъ братій Печерской обители. Что касается живописи, то вся она передѣлана заново и не представляетъ особаго интереса. Въ усыпальницѣ замѣчательны иконы: Знаменія Пресвятой Богородицы и св. апостола Ѳомы. Въ общемъ—церковь отличается крайнею бѣдностію и запустѣніемъ. Церковь во имя св. Евфимія Суздальскаго первоначаль-

чально сохранялась безъ поврежденія; однако нѣкоторые изъ архимандритовъ-ревнителей о благолѣпнѣ монастырскихъ храмовъ, при помощи жертвователей, обновили этотъ храмъ и, хотя цѣль была вполне христіанская, все-таки самая древность вслѣдствіе этого подновленія погибла навсегда. Церковь во имя св. апостоловъ Петра и Павла была прежде назначена для больныхъ, почему и носила названіе больничной. Въ ней покоится тѣло епископа рязанскаго Палладія, бывшаго архимандритомъ Печерской обители. Далѣе замѣчательна по своей миниатюрности церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Эта церковь была домовою для преосвященнаго Іереміи. Первоначально она была выстроена вмѣстѣ съ кельями, находившимися съ нею въ связи; но вскорѣ пожаръ уничтожилъ какъ церковь, такъ и кельи, и первая долгое время находилась въ запустѣніи. Только уже при архимандритѣ Іаковѣ церковь эта была выстроена и отдѣлана заново. Преосвященный Іеремія любилъ эту церковь; въ ней онъ совершалъ часто литургію простымъ священническимъ служеніемъ безъ всякой архіерейской пышности. По слухамъ, въ этой церкви преосвященный принялъ тайно схиму отъ старца-схимника Мардарія. Всѣ остальные зданія монастыря представляютъ теперь картину разрушенія. Напр. жилище, занимаемое преосвященнымъ Іереміей, приходитъ въ крайнюю ветхость. Стѣны дома растрескались; красва съ теченіемъ времени уничтожилась; полъ, рамы настолько ветхи, что грозятъ скорымъ паденіемъ. Не мало и другихъ зданій въ монастырѣ находятся въ такомъ-же неприглядномъ состояніи; большая часть изъ нихъ переломана и отъ прежней, настоящей архитектуры не осталось даже слѣда. Точно также сильно повредилась монастырская колокольня, а что касается ограды монастыря съ ея башнями, то она вся истрескалась и, если-бы не подпорки, то, пожалуй, она вскорѣ обратилась бы въ развалины. Впрочемъ, послѣдняго ожидать придется не особенно долго. Годъ отъ году Волгою подмывается монастырскій берегъ; обвалъ послѣдняго происходитъ довольно быстро. Еще не такъ давно по дорогѣ въ монастырь можно было ѣздить на лошадахъ; въ настоящее-же время путь доступенъ только для пѣшеходовъ. Обмываніе берега такимъ образомъ вскорѣ грозитъ обваломъ монастырскихъ стѣнъ съ ихъ башнями.

Что касается монастырской ризницы, то она находится въ очень хорошемъ состояніи, вслѣдствіе сохранившихся старинныхъ пожертвованій. Особого вниманія заслуживаютъ: шитая золотомъ плащаница и пелены—даръ Строгоновыхъ—и другія замѣчательныя жертвованія. Но самымъ драгоцѣннымъ историческимъ матеріаломъ, какъ для монастыря, такъ и для всего Нижегородскаго края, служатъ: семь синодиковъ, писанныхъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи, и вкладныя книги 1641 года. При ризницѣ находится прекрасная библіотека. Въ ней находится множество рукописныхъ сборниковъ и рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ. Однако, весь этотъ драгоцѣнный матеріалъ лежитъ въ пыли и безпорядкѣ въ ожиданіи скорого уничтоженія.

Вотъ краткая исторія Нижегородскаго Печерскаго монастыря, одного изъ самыхъ древнихъ, замѣчательныхъ монастырей въ Россіи. Проѣзжая по Волгѣ мимо обители, вы невольно устремляете свой взоръ на замѣчательно красивое мѣстоположеніе монастыря и любуетесь величественною картиною ландшафта. Въ вашемъ умѣ невольно рисуются картины далекаго прошлаго, которыхъ очевидцемъ былъ этотъ старецъ-монастырь. Татарскій погромъ, междоусобица, нашествіе поляковъ и др. важнѣйшія событія происходили на глазахъ монастыря, и онъ большею частію принималъ немалое участіе въ теченіи этихъ событій. Какъ не пожалѣть теперь этого чуднаго старца, съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ приходящаго все въ болѣе и болѣе плачевное состояніе! Неужели уже Россія стала настолько бѣдна благочестивыми жертвователями, которые порадѣли-бы о поддержкѣ святой обители? При всемъ томъ мы не можемъ не обратить вниманія на тотъ грустный фактъ, какимъ образомъ богобоязненное, ревностное въ дѣлахъ религіи русское купечество, съѣзжающее въ Нижній-Новгородъ на ярмарку, не обратитъ вниманія на это грустное обстоятельство, тѣмъ болѣе, что Печерскій монастырь извѣстенъ всѣмъ и каждому своею великою благотворною дѣятельностію. Грустно и печально!

Земледѣліе, скотоводство, коневодство, садоводство, огородничество по берегамъ рѣки Волги (отъ Нижняго до Астрахани).

Всматриваясь въ обширную торговлю, производящуюся по городамъ и селеніямъ великой рѣки, разсматривая товары, составляющіе предметъ этой торговли, легко убѣдиться въ томъ, что всѣ продукты торговыхъ операцій можно раздѣлить на нѣсколько категорій, по мѣсту ихъ производства. Къ числу продуктовъ первой категоріи мы позволимъ себѣ причислить товары, такъ называемые, транзитные, т. е. такіе, которые вырабатываются на далекихъ окраинахъ нашего отечества, какъ напримѣръ, въ Сибири, или даже въ другихъ государствахъ и лишь только переправляются въ центральные города Россіи по рѣкѣ Волгѣ, какъ по удобному и дешевому пути сообщеній. Впрочемъ, эти товары не составляютъ группу „транзитныхъ“ въ полномъ смыслѣ сего слова. Часть ихъ сплавляется на судахъ до нѣкоторыхъ городовъ Поволжья и служитъ предметомъ купли мѣстныхъ жителей.—Ко второй категоріи мы относимъ тѣ товары, которые составляютъ продуктъ фабричной дѣятельности Поволжья и играютъ довольно видную роль среди другихъ предметовъ коммерціи. Но одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ торговли Поволжья составляетъ хлѣбъ. Благодаря плодородію почвы, въ особенности въ луговой или степной сторонѣ рѣки, земледѣліе составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства низоваго Поволжья. Постараемся сдѣлать болѣе точный обзоръ земледѣльческаго труда, начиная съ Нижняго-Новгорода. Весь правый берегъ рѣки Волги, причисляемый къ Нижегородской губерніи, населенный русскими, черемисами и чувашами, не отличается значительнымъ производствомъ хлѣба. Мѣстные жители обрабатываютъ лишь столько земли и засѣваютъ такое количество зерна, которое достаточно для удовлетворенія своей собственной нужды. Этому способствуетъ и

не особенно плодородная почва въ связи съ несовѣтъмъ благопріятными климатическими условіями. Засѣвается хлѣбъ, пригодный къ произрастанію въ средней полосѣ Россіи. Среди него болѣе всего распространена: рожь, овесъ, просо, греча, горохъ, картофель и др. Но всѣ эти продукты земледѣлія въ этихъ мѣстахъ Поволжья даютъ самый незначительный урожай, что въ свою очередь имѣетъ громадное вліяніе на развитіе земледѣлія. При такихъ же условіяхъ находится и противоположный степной берегъ Волги. Здѣсь земледѣліе находится въ такомъ же незавидномъ условіи, точно также благодаря неособенному плодородію почвы и климатическимъ условіямъ.—Направляясь далѣе внизъ по теченію рѣки, замѣчается сильное развитіе производства картофеля въ ущербъ производству зерноваго хлѣба въ Казанской губерніи, въ окрестностяхъ Казани. Подобнаго рода явленіе объясняется не столько пригодностію почвы къ описанному производству, сколько требованіемъ большаго количества картофеля существующими здѣсь паточными заводами, а слѣдовательно и хорошими цѣнами на него. Зерновой же хлѣбъ здѣсь точно также засѣвается только для удовлетворенія собственныхъ потребностей.—Направляясь далѣе, мы, наконецъ, достигаемъ съ праваго, нагорнаго берега рѣки южной части Симбирской губерніи, а съ лѣвой, степной—Самарской. Эти губерніи: первая въ своей средней, а вторая—сѣверной части служатъ рубежомъ или, скорѣе, началомъ той плодороднѣйшей полосы земли, которая своими необыкновенными урожаями съ давнихъ поръ положила начало громаднѣйшей Поволжской торговлѣ хлѣбомъ.—Не безынтересно будетъ подробнѣе взглянуть на производство земледѣльческихъ работъ, существующихъ въ этой счастливѣйшей мѣстности Поволжья. Но прежде чѣмъ приступить къ описанію всѣхъ подробностей и особенностей мѣстнаго земледѣлія, постараемся уяснить себѣ вопросъ: кто преимущественно занимается производствомъ тѣхъ громадныхъ посѣвовъ, которые даютъ миллионы пудовъ зерна, отправляемаго не только въ сѣверные города Россіи, но и за-границу. Въ указанныхъ губерніяхъ, къ которымъ далѣе причисляются губерніи Саратовская и Астраханская, земледѣліемъ занимаются всѣ классы общества. Здѣсь есть громадныя экономіи, принадлежація князьямъ, графамъ, потомственнымъ дворянамъ; есть участки, принадлежащіе

купцамъ, какъ собственные или арендуемые ими; наконецъ, существуютъ собственные земли мѣщанъ и крестьянъ. Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, имѣющихъ земельную собственность, въ плодороднѣйшей полосѣ Поволжья встрѣчается масса лицъ, занимающихся стемкою земли подъ посѣвъ у владѣльцевъ-собственниковъ и ищущихъ счастья въ такого рода предпріятіяхъ. Точно также городскіе земельные участки служатъ зачастую предметомъ усиленныхъ заботъ для пріобрѣтенія ихъ въ арендное содержаніе съ цѣлью производства собственного засѣва или съ цѣлью передачи въ аренду же другому лицу, на барышническихъ основаніяхъ. Последняго рода злоупотребленій мы коснемся въ послѣдствіи. — Такимъ образомъ мы видимъ, что необыкновенные урожаи, а слѣдовательно и выгода производства посѣвовъ привлекла къ себѣ массу лицъ, ищущихъ скорого и вѣрнаго, хотя въ послѣдніе годы очень обманчиваго, средства къ обогащенію. Естественно, что при такихъ алчныхъ побужденіяхъ со стороны любителей скорой наживы предпріятіе не даетъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые могли бы получиться при иномъ веденіи дѣла; однако, необыкновенное плодородіе почвы всегда выручаетъ даже такихъ легкомысленныхъ предпринимателей. Что касается почвы, то верхній слой ея представляетъ довольно толстый пластъ чернозема, подъ которымъ находятся различнаго рода другія наслоенія. Такого рода строеніе почвы наблюдается по всему обширному пространству Самарской губерніи. Однако, „нѣтъ правила безъ исключенія“; точно также и здѣсь среди плодороднѣйшихъ полей встрѣчаются значительныя пространства, называемыя „солонцами“, которыя не пригодны совершенно къ производству растительности. Смотри по толщинѣ черноземнаго пласта, опредѣляется качество, а слѣдовательно и цѣнность земли. Чѣмъ толще слой его, тѣмъ болѣе содержится въ немъ полезныхъ для произростанія злаковъ соковъ, а поэтому и земля не можетъ такъ скоро „выпахаться“, т. е. перестать производить хорошій урожай, и наоборотъ. Такого строенія почвы лѣваго, степнаго побережья Волги. Почва нагорнаго берега не вездѣ черноземная. Последняго, замѣтимъ, здѣсь встрѣчается незначительное количество и то въ низменныхъ мѣстахъ. Въ прочихъ мѣстностяхъ встрѣчаются различнаго рода наслоенія: суглинокъ, супесокъ и др. Однако, не смотря на всѣ эти,

отчасти не совсѣмъ благопріятныя для земледѣлія почвенныя условія, результаты посѣвовъ получаются на столько значительные, что не заставляютъ желать ничего болѣе лучшаго, а, наоборотъ, побуждаютъ въ особенности мѣстныхъ крестьянъ стремиться къ развитію, увеличенію запасекъ.

Перейдемъ теперь къ описанію нѣкоторыхъ особенностей черноземной почвы. Прежде всего занимающійся посѣвомъ долженъ строго соблюдать, чтобы не слишкомъ истощать почву, почему, именно, значительное число, какъ владѣльцевъ экономій, такъ и другихъ собственниковъ, отнюдь не позволяютъ производить посѣвъ ежегодно на одномъ и томъ же мѣстѣ. Чѣмъ земля дольше лежитъ „въ залежи“, т. е. не пашется, тѣмъ болѣе шансовъ на хорошій урожай. Далѣе, для большаго успѣха предпріятія слѣдуетъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не упустить время сѣва. Обыкновенно, какъ только растаетъ снѣгъ на поляхъ и они подсохнутъ на столько, что, какъ выражаются мѣстные земледѣльцы, „можно выѣхать на лошади“, т. е. поля еще очень сыры, слѣдуетъ приступать къ сѣву. Если пропустить это время, дать почвѣ высохнуть, то надѣяться на урожай нечего; при благопріятныхъ условіяхъ погоды онъ будетъ не выше средняго. Далѣе, одно изъ важныхъ условій составляетъ распределеніе количества сѣмянъ на десятину. Черноземъ любитъ, чтобы сѣвъ былъ произведенъ средній, т. е. не рѣдкій и не частый. Напримѣръ, на десятину высѣваютъ отъ 6 до 8 пуд. пшеницы. Подготовка земли подъ посѣвъ самая незатѣйливая. Пахутъ плугами землю одинъ разъ и затѣмъ сѣютъ хлѣбъ подъ борону. Существуютъ, правда, экономисты, которые стараются посредствомъ или нѣсколькихъ перепашекъ или посредствомъ другихъ какихъ-либо способовъ удобренія полей возвысить или поднять урожай, но, къ сожалѣнію, у насъ на Волгѣ такихъ предпріимчивыхъ владѣльцевъ слишкомъ мало; большая часть придерживается блаженной старины. Изъ зерновыхъ хлѣбовъ сѣются исключительно пшеница и рожь. Первая имѣетъ здѣсь почти всѣ свои разновидности, начиная съ разныхъ сортовъ бѣлотурки и кончая переродомъ. Посѣвы пшеницы занимаютъ громадные пространства земли и она является самымъ первымъ, въ смыслѣ количества отпуска ея, товаромъ въ Поволжской хлѣбной торговлѣ. За пшеницею, по

величинѣ посѣва, слѣдуетъ рожь, исключительно предназначаемая для продажи, такъ какъ мѣстные жители употребляютъ въ пищу пшеничный хлѣбъ. Изъ другихъ сортовъ хлѣба сѣется овесъ, просо, горохъ, но эти посѣвы не достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Гораздо важнѣе засѣвы подсолнечниковъ и арбузовъ. Нужно замѣтить, что эти два предмета торговли заняли видное мѣсто среди другихъ хлѣбовъ, отчасти вслѣдствіе значительнаго на нихъ требованія, въ особенности первыхъ, отчасти вслѣдствіе выгоды засѣва ихъ. Занимаются этимъ дѣломъ не только мѣстные земледѣльцы, но и городскіе жители, а также и прибывшіе сюда на заработки люди изъ разныхъ губерній, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода посѣвы отличаются своею доступностію производства при незначительныхъ затратахъ. Обыкновенно лица побѣднѣ снимаютъ землю подъ засѣвъ подсолнечниковъ, не дороже десяти, двѣнадцати рублей десятина. При сѣмкѣ земли допускается разсрочка платежа арендной платы, что еще болѣе облегчаетъ производство посѣва. Да и земля въ этомъ случаѣ сдается въ аренду самыми ничтожными участками, смотря по желанію арендатора и его состоянію. Подъ арбузы земля должна быть самая лучшая, т. е. по крайней мѣрѣ пятнадцати, двадцатилѣтняя „залежь“ или „цѣлина“. Цѣна за аренду такой земли отъ 35 до 50 рублей за десятину. Замѣтимъ при этомъ, на сколько выгодны бываютъ иногда въ особенности, какъ говорятъ, „къ году“, посѣвы арбузовъ. Въ общемъ затрата на аренду, посѣвъ, полку и караулъ бакчи достигаетъ не болѣе восьмидесяти рублей на десятину. Въ урожайный годъ владѣлецъ этой бакчи продаетъ ее торговцамъ за цѣну отъ двухъ сотъ до трехсотъ рублей за десятину. Не мудрено поэтому, что такіе громадныя барыши привлекаютъ массу предпринимателей попытать свое счастье. Часто на посѣвъ употребляются послѣднія, добытыя въ потѣ лица на самыхъ тяжелыхъ заработкахъ, деньжонки. Бѣднякъ хлопочетъ около посѣва самъ въ видахъ экономіи, а поэтому упускаетъ, можетъ быть, другой выгодный заработокъ, и вдругъ неурожайный годъ.... Прошли деньги, пропалъ трудъ, пропущено время для лѣтнихъ цѣнныхъ заработковъ и бѣднякъ остается въ безвыходномъ положеніи, проклиная себя за рискованный поступокъ, зачастую доводящій семью до суммы. И подобные случаи повто-

ряются сплошь и рядомъ, причиняя бѣднякамъ неисчислимые бѣдствія. Въ общемъ, однако, всѣ эти посылы до послѣднихъ неурожайныхъ годовъ, постигшихъ плодотворнѣйшія губерніи Поволжья, всегда обогачали лицъ, занимавшихся ими. Мы упомянули о злоупотребленіяхъ, встрѣчающихся при сдачѣ городскихъ земельныхъ участковъ въ арендное содержаніе съ торговъ. Эти злоупотребленія касаются, главнымъ образомъ, продѣлокъ являющихся на торги барышниковъ. Послѣдніе наносятъ цѣну до такой цифры, которая не посильна къ уплатѣ бѣдному городскому мѣщанскому обществу. Такимъ образомъ земельные участки остаются въ рукахъ барышниковъ, которые тотчасъ же дѣлаютъ предложеніе крестьянамъ сосѣднихъ съ сдаваемыми участками селеній. Послѣдніе, т. е. крестьяне, видя всю выгоду подобнаго рода аренды, даютъ барышъ сдатчикамъ и такимъ образомъ лишаютъ бѣдныхъ горожанъ принадлежащихъ имъ по праву доходовъ отъ обработки земли. Впрочемъ, городскія власти послѣднее время приняли нѣкоторыя мѣры къ уничтоженію подобнаго рода злоупотребленій, вмѣняя въ обязанность каждому, снявшему земельный участокъ, производить посылъ самому, но отнюдь не передавать его въ пользованіе другому лицу. Вотъ въ главныхъ чертахъ описаніе той важнѣйшей отрасли хозяйства, на которой зиждется благосостояніе не только лицъ, спеціально занимающихся этимъ дѣломъ, но и лицъ, заинтересованныхъ какимъ-либо образомъ въ немъ или въ качествѣ покупателей, или грузоотправителей и т. п.

Вторая, тоже одна изъ самыхъ важныхъ отраслей сельскаго хозяйства, — скотоводство. Эта отрасль хозяйства, по своей важности, повидимому должна бы находиться въ Поволжьѣ въ цвѣтущемъ состояніи, тѣмъ болѣе, что обработка земли здѣсь производится при помощи быковъ.

Между тѣмъ, побывавъ въ береговыхъ селеніяхъ Поволжскихъ губерній и прослѣдивъ указанную отрасль хозяйства, приходится убѣдиться въ совершенно противоположномъ. Правда, въ Нижегородской губерніи вы встрѣтите довольно хорошій рогатый скотъ, но не думайте, что это есть плоды улучшенія породы; нѣтъ! Все это покупается и покупается лишь въ самомъ незначительномъ количествѣ, для удовлетворенія своихъ нуждъ — и только. Въ низовыхъ, плодороднѣйшихъ губерніяхъ Волги, какъ напримѣръ,

Самарской, вы встрѣтите прекрасныхъ рабочихъ быковъ, не уступающихъ въ ростѣ и силѣ черкасскимъ; на этихъ быкахъ цѣлое лѣто производятся полевые работы: готовится пашня подъ посѣвы разныхъ хлѣбовъ. Число этого рогатаго скота, въ особенности въ значительныхъ экономіяхъ, достигаетъ иногда довольно солидной цифры, но по изслѣдованіи оказывается, что всѣ эти гурты куплены или въ далекихъ Уральскихъ или другихъ отдаленныхъ отъ Волги степяхъ и пригнаны оттуда для производства работъ. Коль скоро такой быкъ, какъ говорятъ, „изработался“, т. е. сталъ не пригоденъ для работы, онъ нѣкоторое время откармливается и затѣмъ продается на убой. Собственно своего скотоводства, своего разведенія скота—въ Поволжьѣ не встрѣчается. Есть, пожалуй, въ табунахъ свои доморощенные быки, но число ихъ на столько ничтожно, что не заслуживаетъ даже особеннаго вниманія. Въ такомъ же незавидномъ положеніи находится и разведеніе прочаго рогатаго скота, какъ овецъ, козъ и проч. Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ тому заключенію, что скотоводство, не смотря на его важное значеніе, которое должно бы было числиться за нимъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ Поволжья, находится въ самомъ плохомъ состояніи. Подобнаго рода явленіе кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что луговая сторона Волги, съ ея прелестными заливными лугами, покрываемыми ежегодно, съ наступленіемъ весны травами, служить незамѣнимымъ подспорьемъ или скорѣе необходимымъ условіемъ скотоводства. Очевидно, землевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ придерживаться принятой ими системы купли рогатаго скота.

Слѣдующая, не менѣе важная въ сельскомъ хозяйствѣ отрасль—коневодство. Эта отрасль находится въ Поволжьѣ въ болѣе лучшемъ состояніи, чѣмъ скотоводство. Этимъ коневодство обязано правому, гористому берегу Волги, который, благодаря свойству почвы, представляетъ нѣкоторыя неудобства для обработки ея помощію быковъ. Къ этому присоединяется еще извозъ, которымъ прибрежные жители занимаются въ теченіе зимняго времени въ видѣ перевозки товаровъ, содержанія земской почтовой гоньбы и другихъ подобнаго рода заработковъ, требующихъ крѣпкихъ, сильныхъ лошадей. Особенно рослыми, красивыми лошадьми славится Нижегородская губернія. Появленію или улучшенію породы

способствовала существовавшая здѣсь въ старину значительная почтовая гоньба и извозъ. Жители сначала приобрѣтали такихъ видныхъ коней по необходимости, но съ теченіемъ времени эта необходимость перешла въ „пристрастіе къ хорошимъ конямъ“ и въ настоящее время, когда уже не встрѣчается такой крайней необходимости въ лошадяхъ, вслѣдствіе изобрѣтенія другихъ способовъ къ перевозкѣ людей и товаровъ, жители Нижегородской губерніи не перестаютъ заботиться объ улучшеніи конской породы. На ряду съ этими прекрасными, крѣпкими, рослыми лошадьми стоятъ „кони-пигмеи“. Послѣдняя порода у занимающихъ значительную часть Нижегородской губерніи инородцевъ-черемисъ и чувашъ—играетъ важную роль въ хозяйствѣ. На сколько пригодны для сельскихъ работъ въ смыслѣ силы и выносливости эти малорослыя лошаденки—сказать трудно. Однако, чувашинъ, не смотря ни на какіе ваши доводы, не согласится вымѣнять своего породистаго пигмея или произвести скрещиваніе съ болѣе лучшими породами. Крайне интересна и упряжка, специально предназначаемая для этихъ коней. Смотря на лошадь, запряженную въ сани или телѣгу, какъ-то не вѣрится, что этотъ кукольный конь, въ своей дѣтской упряжкѣ, оказываетъ своему хозяину неоцѣнимую услугу при его сельско-хозяйственныхъ работахъ. На видъ эти лошади ниже вятскихъ, отличающихся точно также своею малорослостью; къ тому же онѣ уступаютъ послѣднимъ и въ дородствѣ.

Дѣлая обзоръ низовыхъ губерній Поволжья, мы встрѣчаемся со многими владѣльцами конскихъ заводовъ, содержащихся въ ихъ собственныхъ экономіяхъ. Многіе изъ этихъ заводовъ содержатся владѣльцами-любителями, поэтому заводы эти отличаются безукоризненнымъ содержаніемъ и прекрасными, породистыми жеребцами и матками. Для поддержанія породы ежегодно, по требованію коннозаводчиковъ, изъ Саратовской конюшни Государственнаго коневодства разсылаются по частнымъ заводамъ казенные жеребцы, чѣмъ имѣютъ въ виду не одно только, какъ я упомянулъ выше, поддержаніе породы, но и ея улучшеніе. Къ казеннымъ жеребцамъ допускаются также матки, принадлежащія крестьянамъ или другимъ лицамъ. И все это дѣлается для большаго совершенства породъ. На заводахъ въ описаніяхъ или, такъ

сказать, въ „родословной“ каждой лошади вы встрѣтите знаменитыхъ, прославившихъ себя на бѣгахъ рысаковъ, производившихъ описываемыхъ лошадей и передавшихъ имъ чистокровность породы. Въ конюшняхъ коннозаводчика встрѣчаются лошади различной степени чистокровности и различной породы. Здѣсь вы найдете прекрасныхъ чистокровныхъ рысаковъ, полукровныхъ, тяжело-возовъ и другихъ. И всѣ эти лошади обладаютъ всѣми лучшими достоинствами своей породы, такъ какъ большая часть владѣльцевъ не допускаютъ скрещиванія породъ, а вмѣстѣ и возможнаго ухудшенія племенныхъ качествъ извѣстной породы. Благодаря, такимъ образомъ, присутствію значительнаго для низовыхъ губерній числа конскихъ заводовъ, а, слѣдовательно и доступности къ улучшенію лошадей, хотя бы и въ крестьянскомъ быту, при помощи сообщенія съ заводскими жеребцами, замѣчается все большее и большее увеличеніе количества хорошихъ деревенскихъ коней-работниковъ. Многіе изъ нихъ, благодаря счастливому скрещиванію, усовершенствовались до такой степени, что трудно отличимы отъ заводскихъ. Слѣдствіемъ этого происходитъ то, что по низовымъ губерніямъ Поволжья встрѣчаются довольно хорошія лошади, что, однако, нисколько не мѣшаетъ землевладѣльцамъ покупать, въ прибавку къ своимъ доморощеннымъ, лошадей у казаковъ или калмыковъ, такъ какъ свои хорошія находятъ не мало покупателей съ предложеніемъ высокихъ цѣнъ, а послѣднее обстоятельство побуждаетъ хозяевъ лишиться лучшаго и замѣнить его худшимъ, отложивъ малую толику на черный день.

Такимъ образомъ изъ сдѣланнаго нами краткаго описанія коневодства въ низовыхъ губерніяхъ Поволжья мы видимъ, что оно находится здѣсь въ довольно хорошемъ состояніи, хотя во многомъ требуетъ еще большаго совершенства.

Благодаря почвеннымъ условіямъ праваго, нагорнаго берега Волги, благодаря пригодности почвы къ произростанію на ней фруктовыхъ деревьевъ, преимущественно яблонь, мы встрѣчаемъ массу садовъ вдоль всего праваго берега Волги, начиная съ Нижняго и кончая, пожалуй, Царицынымъ. Быстрому разведенію садовъ по указанному берегу не мало способствовала необыкновенная плодливость фруктовыхъ деревьевъ, посаженныхъ на означенной почвѣ, и особый вкусъ плодовъ. Кромѣ того разведеніе са-

довъ производилось замѣчательно быстро, что, понятно, поощряло, какъ любителей, такъ и предпринимателей къ разведенію или улучшенію садоводства. Съ теченіемъ времени многіе владѣльцы садовъ, благодаря постоянному своему пребыванію въ нихъ, постоянному строгому надзору за деревьями, наконецъ, благодаря изысканію средствъ къ улучшенію качества плода и устраненію неблагопріятныхъ условій для произростанія деревьевъ, сдѣлались на столько опытными въ дѣлѣ садоводства, что невольно приходится удивляться, откуда только могла появиться у поволжскихъ садоводовъ такая масса знаній въ дѣлѣ веденія правильнаго садоводства.

Въ стародавнія времена, впрочемъ, садоводство Поволжья представлялось далеко не такимъ совершеннымъ, какимъ мы находимъ его въ настоящее время. Въ садахъ садились деревья самыхъ обыкновенныхъ, простыхъ породъ, почему фрукты получались не особенно вкусные и не имѣющіе достаточной крѣпости для ихъ сохраненія. Затѣмъ и прививка, по незнанію или неопытности въ этомъ дѣлѣ самихъ владѣльцевъ, по необходимости должна была производиться посторонними лицами, хотя и получающими за свой трудъ приличное вознагражденіе, однако, частенько производившими прививку совершенно противно желанію владѣльца. Только съ теченіемъ времени, когда сами хозяева получили необходимыя свѣдѣнія по части прививки и узнали способность дикаря-дерева, по прививкѣ къ нему отводка отъ лучшей породы, производить плоды однородные съ тѣмъ деревомъ, отъ котораго взята привойка, дѣло быстро пошло къ совершенствованію. Подобнаго рода познанія сразу дали сильный толчекъ къ усовершенствованію садовыхъ деревьевъ. Начали прививать лучшія породы и тѣмъ улучшать достоинства получаемыхъ фруктовъ. Наряду съ этимъ были узнаны различныя болѣзни деревьевъ и средства къ ихъ устраненію, что точно также не мало принесло пользы при развитіи садоводства. Затѣмъ, было обращено вниманіе на своевременную поливку деревьевъ. Въ концѣ концовъ, благодаря всѣмъ этимъ усовершенствованіямъ, садоводство достигло своего настоящаго процвѣтанія и послужило однимъ изъ довольно выгодныхъ предметовъ торговли. Садоводство въ Нижегородской губерніи, хотя довольно значительно, однако, ограничивается лишь

посадкою въ садахъ болѣе простыхъ, болѣе способныхъ къ пере-мѣнѣ температуры воздуха породѣ яблонь, вишенъ и только. Южнѣе въ особенности въ Саратовской губерніи, садятся яблони всевозможныхъ породъ, при томъ самыхъ нѣжныхъ; садится дуля, вишня, малина, смородина, бергамотъ и др. Въ этихъ садахъ вы встрѣтите деревья, къ которымъ сдѣлана прививка отъ нѣсколькихъ породъ и поэтому производящихъ фрукты чуть-ли не десятки разныхъ по качеству и достоинству плодовъ деревьевъ. — Болѣе всего распространено и усовершенствовано садоводство въ Хвалынскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Замѣчательнѣйшій городъ Хвалынскъ. Онъ окруженъ съ трехъ сторонъ громадными садами, которые, соединяясь другъ съ другомъ, представляютъ одинъ сплошной фруктовый лѣсъ. Никогда, однако, садоводство не находилось въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, никогда садоводы не получали такого вознагражденія за свой трудъ, какъ лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ. Нужно замѣтить, что въ восточныхъ степяхъ по всему ихъ пространству не было садовъ, поэтому ежегодно къ сбору яблоковъ, въ концѣ іюля и августа мѣсяцевъ, съѣзжалась на берега Волги масса казаковъ и другихъ покупателей фруктовъ. Садоводы наживались и еще болѣе старались улучшать и распространять свои сады. Не мало фруктовъ шло и „въ верхи“. Съ теченіемъ времени страсть къ большей наживѣ оказала великую услугу началу возникновенія садоводства и въ другихъ, отдаленныхъ отъ Волги губерніяхъ и проникло въ отдаленныя мѣста Сибири. Садоводы-промышленники завели свои питомники, въ которыхъ сѣяли сѣмена фруктовыхъ деревьевъ, по достиженіи послѣдними опредѣленнаго возраста, такъ называемымъ, „присадкамъ“ дѣлалась прививка и они продавались, хотя и по довольно высокимъ цѣнамъ, но уже способными приносить плоды. Такимъ образомъ въ настоящее время въ степяхъ, гдѣ въ старыя времена каждый считалъ бы за безразсудство допустить мысль о разведеніи садовъ, въ настоящее время встрѣчаются прекрасныя садики, вполне удовлетворяющіе требованіямъ хозяевъ. Года два тому назадъ однимъ изъ предпріимчивыхъ садоводовъ, слышавшимся о хорошихъ цѣнахъ за присадки въ восточной Сибири, была отправлена изъ Хвалынска во Владивостокъ значительная партія ихъ и тѣмъ было положено начало развитію волжскаго са-

доводства на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ государства. Самый конечный пунктъ садоводства Поволжья—Астрахань отличается отъ другихъ губерній Поволжья тѣмъ, чтъ въ садахъ здѣсь, кромѣ свойственныхъ описаннымъ нами выше мѣстамъ плодовыхъ деревьевъ, растетъ виноградъ и другіе, произрастающіе въ теплыхъ странахъ фрукты. Правда, нѣкоторые любители пытались разводить виноградъ, черешни и др. тому подобныя деревья и кустарники въ садахъ Саратовской и Самарской губерній, какъ отличающихся не особенно суровыми зимами, однако, попытки эти не привели ни къ чему положительному. Виноградъ давалъ плоды, но ягоды выросли очень мелкія и притомъ не имѣли того вкуса, который свойственъ винограду, растущему въ своихъ родныхъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ изъ всего вышесказаннаго мы можемъ ясно понять, въ какомъ состояніи находится садоводство Поволжья, давшее начало распространенію его и въ другихъ мѣстахъ государства, до самыхъ отдаленныхъ окраинъ его. Послѣдніе годы оказались крайне неблагопріятными для садовъ. Засуха уничтожила около половины фруктовыхъ деревьевъ; оставшіяся цѣлыми въ теченіи всего этого времени не приносили плодовъ. Многіе владѣльцы, живущіе только садами, благодаря неурожаю, очутились въ крайне незавидномъ положеніи; даже многіе изъ нихъ вынуждены были продать ихъ, не имѣя надлежащихъ средствъ на производство садовыхъ работъ. Съ грустію приходится смотрѣть на тѣ сады, въ которыхъ годъ, два тому назадъ росли громадныя яблони, приносившія по двадцати, двадцати-пяти пудовъ каждая, вкуснѣйшихъ яблоковъ, и въ настоящее время превратившіяся въ „новичковъ“, съ насаженными въ нихъ молодыми присадками. Понятно, это случайность, но случайность, оказавшая крайне вредное вліяніе на благосостояніе Поволжскаго садоводства.

На ряду съ садоводствомъ стоитъ огородничество. Послѣднее, по своему развитію, стоитъ на довольно низкой ступени. Огородничествомъ, пожалуй, занимаются всѣ жители селъ и деревень, но эта отрасль хозяйства занимаетъ среди другихъ отраслей самое послѣднее мѣсто; ею занимаются только, такъ сказать, „для домашняго обихода“. Однако, этого нельзя приписать подгороднымъ селеніямъ. Жители ихъ занимаются огородничествомъ въ видахъ

коммерческихъ цѣлей, снабжая необходимыми овощами городскихъ обывателей. Встрѣчаются даже такія селенія, которыя заняты исключительно однимъ только огородничествомъ и, притомъ, разведеніемъ одной какой-либо его овощи, напр., капусты, огурцовъ и т. п. Все это зависитъ или отъ свойства почвы, весьма пригодной къ произростанію той или другой овощи, или отъ какого-либо неудобства производить на этихъ мѣстахъ другіе посѣвы, или, наконецъ, въ виду выгоды подобнаго рода производства. При большихъ городахъ имѣются спеціальныя огороды, находящіеся подъ надзоромъ спеціалистовъ-огородниковъ, однако эти огороды при ихъ ничтожномъ количествѣ не могутъ быть приняты за мѣрило общаго состоянія огородничества Поволжья. Замѣтимъ, кстати, что занятію огородничествомъ, а, слѣдовательно, и развитію его препятствуютъ другія работы. Такъ мы видимъ, что даже въ самыхъ значительнѣйшихъ экономіяхъ овощи сбываются въ самомъ незначительномъ количествѣ, только для самихъ владѣльцевъ, для всѣхъ-же остальныхъ служащихъ всѣ необходимые продукты покупаются на городскихъ или сельскихъ базарахъ. При этомъ, обходя овощные ряды, вы не встрѣтите очень многихъ овощей, которые составляютъ изысканныя приправы къ кушаньямъ гастрономовъ и о которыхъ въ Поволжьѣ очень многіе не имѣютъ даже никакого понятія. На базарахъ вы увидите самыя обыкновенныя, самыя распространенныя, грубыя овощи: капусту, хрѣнъ, огурцы, рѣпу, рѣдьку и т. п. Я забылъ упомянуть еще о тыквѣ. Этотъ огородный фруктъ самый излюбленный у поволжскихъ жителей. Онъ употребляется ими во всѣхъ видахъ: вареный, пареный, жареный, тушеный. Изъ него готовится и первое, и послѣднее блюдо для поволжскихъ любителей кулинарныхъ изготвленій. Такимъ образомъ мы видимъ, что, хотя огородничество и производится по всему Поволжью, какъ необходимая отрасль хозяйства, однако оно не достигаетъ такого громаднаго размѣра, какъ другія производства. Все это, конечно, вполне зависитъ отъ условій, тормозящихъ это дѣло.

Трудъ и заработки на Волгѣ.

Выдь на Волгу; чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурлаки идутъ бичевой.

Изстари славится великая русская рѣка Волга-матушка; изстари зовется она кормилицей русскаго народа, такъ какъ съ самыхъ древнихъ временъ давала и даетъ заработокъ сотнѣ тысячъ рабочихъ рукъ. И не одни только приволжскіе жители находятъ здѣсь себѣ обезпеченіе; на Волгу идутъ со всѣхъ концовъ Россіи труженики, и далекій путь, соединенный съ массою различнаго рода затрудненій, обезпечивается хотя и не легкою, но вѣрною работою, дающею средства къ существованію. Замѣтимъ, кстати, что для работы нужны здѣсь не однѣ только грубыя, сильныя, могучія руки: работаютъ на Волгѣ и женщины и дѣти, и трудъ этотъ вполне соотвѣтствуетъ способностямъ и силѣ каждаго. Самая кипучая дѣятельность начинается со вскрытіемъ рѣки и продолжается до замерзанія ея, хотя дѣятельность эта не прекращается и въ зимнее время года: работа — круговая, безостановочная, непрерывная...

Вглядываясь пристальнѣе въ самый характеръ заработковъ на Волгѣ, можно раздѣлить ихъ по мѣсту производства на двѣ категории: на заработки, производящіеся собственно на самой рѣкѣ, и на тѣ, которые происходятъ по берегамъ ея. Къ числу первыхъ принадлежатъ тѣ безчисленныя работы, которыя представляются при сплавѣ баржей, бѣлянъ, различнаго рода мелкихъ судовъ и плотовъ. Я не указываю на пароходы, какъ пассажирскіе, такъ и буксирные, потому что трудъ на нихъ извѣстенъ всѣмъ и каждому и не представляетъ особаго интереса. Плыветъ пароходъ по рѣкѣ, матросы заняты мытьемъ палубы, очереднымъ дежурствомъ, на случай промѣра фарватера рѣки, исполняютъ „мелкую работу“; подходит пароходъ къ пристани, начинается нагрузка и

выгрузка товаров; надѣвается лямка, въ руки берется крюкъ, безъ котораго не можетъ работать ни одинъ матросъ, ни одинъ грузчикъ, и, затѣмъ, начинается бѣготня съ парохода на пристань и обратно. Слѣдуетъ замѣтить, что во время работы матросы или грузчики не ходятъ ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ; каждый изъ нихъ старается идти какъ можно быстрее, хотя бы у него за плечами и былъ даже восьмипудовый грузъ. Оно и естественно: чѣмъ скорѣе относится грузъ, тѣмъ меньше тяги испытываетъ носильщикъ. Я говорю о матросахъ и носильщикахъ; разница между ихъ работою заключается въ томъ, что на обязанности матроса, кромѣ службы по пароходу, лежитъ выгрузка товаровъ на пристань, причемъ матросъ получаетъ жалованье отъ пароходной компаніи. Грузчикъ нанимается отъ агента пароходной пристани для нагрузки товара съ пристани на пароходъ и это жалованье взыскивается съ товаротправителя. Матросъ одѣтъ въ установленную пароходскую форму; грузчикъ одѣтъ въ своеобразный костюмъ: на немъ надѣта обыкновенно теплая фуфайка, по всей вѣроятности, имѣющая своимъ назначеніемъ защиту отъ давленія груза. На ногахъ — лапти или какія либо мягкія черевички для большаго удобства ходьбы по деревяннымъ сходнямъ. Такова работа матроса и грузчика пароходскихъ товаровъ. — Изъ другихъ должностей на пароходахъ заслуживаетъ вниманія должность лоцмановъ. Вся ихъ служба сосредоточивается около руля. Повидимому, трудъ невеликъ, но, если взглянуть хорошенько въ обязанности, возложенныя на лоцмана, то онѣ представляются довольно серьезными и важными. Дѣйствительно, лоцманъ во время хода судна править имъ, а, слѣдовательно, участь, судьба его нѣкоторымъ образомъ находится въ рукахъ лоцмана, такъ какъ отъ знанія, отъ изученія имъ фарватера рѣки зависитъ правильный, безопасный ходъ парохода или другаго какого либо судна. Нужно отдать справедливость волжскимъ лоцманамъ: ихъ опытность, ихъ знаніе дна рѣки поистинѣ изумительны. Стоитъ познакомиться съ лоцманомъ, разговориться про его службу и затронуть его слабую струну касательно измѣнчивости фарватера Волги, и вы услышите обстоятельный разсказъ про то, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ находится камень или мель, какой она величины, когда она образовалась и т. п. Невольно теперь возникаетъ вопросъ: откуда мо-

гутъ явиться такія познанія? Есть-ли это плодъ спеціальнаго изученія или результатъ опытности, приобретаемой долготѣннымъ пребываніемъ лоцмана на суднѣ? Объяснить это не особенно трудно. Должность лоцмана можно назвать наслѣдственной: она обыкновенно переходитъ отъ отца къ сыну и т. д. Вообразите себѣ человека, служащаго на какомъ либо суднѣ лоцманомъ. У него рождается сынъ и, едва только онъ начнетъ подростать, какъ отецъ беретъ будущаго служаку на судно, и послѣдній постепенно начинаетъ присматриваться къ занятіямъ отца, при чемъ получаетъ свѣдѣнія, необходимыя для каждаго управителя судномъ. Служба обыкновенно получаетъ начало въ должности простаго матроса и сынъ служитъ подъ присмотромъ отца, руководимый опытностью послѣдняго, до тѣхъ поръ, пока не представится ему самостоятельная должность кормчаго. Служба лоцмановъ слишкомъ продолжительна; часто въ этой должности находятся лѣтъ по 50-ти—60-ти и чѣмъ старше лоцманъ, тѣмъ болѣе ему почета и уваженія за его опытность.—Въ общемъ эта должность одинакова на всѣхъ волжскихъ судахъ, начиная съ самыхъ значительныхъ и кончая самыми ничтожными суденышками. Въ настоящее время служба лоцмановъ на баржахъ гораздо проще. Дѣло въ томъ, что теперь баржи, предназначенныя для доставки грузовъ съ „низовъ“, исключительно поднимаются буксирными пароходами и лоцману, ѣдущему на баржѣ, приходится только слѣдить за тѣмъ, чтобы его судно шло въ слѣдъ парохода и тѣмъ самымъ не тормозило-бы ходъ или скорѣе быстроту послѣдняго.

Служба матросовъ на баржахъ гораздо проще, нежели на пароходахъ, потому что баржевой матросъ избавленъ отъ той тяжелой работы, которая представляется пароходскому матросу при выгрузкахъ на пристаняхъ. Онъ слѣдитъ за чистотою на баржѣ; слѣдитъ за тѣмъ, чтобы во время значительнаго лѣтняго зноя своевременно усыпать палубу пескомъ, дабы отъ жары не таяла смола, которою промазаны соединенія палубныхъ досокъ; слѣдитъ, наконецъ, за еженедѣльною обязательною пробивкою баржи и вообще за всѣмъ тѣмъ, что относится къ ходу или стоянкѣ судна. При спускѣ баржи или сплавѣ мелкихъ судовъ обязанности лоцмановъ зачастую являются болѣе сложными. Происходитъ это вслѣдствіе того, что гонка этихъ судовъ производится

не буксирными пароходами, а парусами. Необходимо поэтому часто мѣнять паруса; въ случаѣ тихой погоды идти на шестахъ, а иногда и высаживаться на берегъ, чтобы поднимать судно бичевою.—Сплавъ такъ называемыхъ бѣлянъ не представляетъ особаго труда для нанявшихся спустить ее внизъ по рѣкѣ до опредѣленнаго мѣста. Бѣляна плыветъ по водѣ безъ всякой посторонней помощи при помощи опущеннаго съ кормы груза или лота, во 1-хъ, препятствующаго ей вертѣться на водѣ во всѣ стороны и, во 2-хъ, дающаго ей опредѣленное направленіе.—Совсѣмъ другое представляетъ сплавъ дровъ или лѣса. Какъ первыя, такъ и второй связываются въ плоты и прикрѣпляются связями одинъ къ другому, такъ что соединеніе это представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ громаднаго плавучаго моста, снесеннаго откуда-то сверху рѣки и плывущаго внизъ по теченію. Работа на плотяхъ постоянная, заключающаяся въ непрерывномъ дѣйствіи у рулей. Обыкновенно у скрѣпленныхъ плотовъ бываетъ два руля: одинъ на переднемъ плоту впереди его, а другой—сзади послѣдняго. При помощи этихъ рулей сплавщики управляютъ всѣмъ плотомъ, что является необходимымъ въ виду различнаго направленія струи теченія воды, а слѣдовательно возможнаго наноса плотовъ на берегъ, а кромѣ того боковаго вѣтра, прибивающаго ихъ къ берегу. Работа производится такимъ образомъ: около каждаго изъ рулей становятся человѣкъ по пяти—шести сплавщиковъ и всѣ въ одинъ разъ начинаютъ дѣйствовать рулями, сообразно тому направленію, откуда является препятствіе для свободнаго движенія плотовъ. Часто случается, что, несмотря на дружныя усилія сплавщиковъ, плоты накатываютъ на берегъ или на мель. Тогда всѣ сплавщики немедленно спускаются въ воду и стараются столкнуть плоты въ глубь. И подобныя ванны случается принимать бѣднякамъ-сплавщикамъ въ самую непогоду, въ сильный холодъ и дождь. Частенько бурною рѣкою разбиваются плоты и тогда несчастнымъ приходится подвергаться смертельной опасности, спасая свою жизнь. Самое житіе сплавщиковъ на плотяхъ крайне незавидно. Среди одного изъ нихъ наложенъ слой земляныхъ пластовъ, а на него насыпана земля и глина; это—очагъ, на которомъ сплавщики готовятъ себѣ обѣдъ. Рядомъ съ очагомъ устроень незатѣйливый шалашъ, въ которомъ хранятся жизненные продукты пловцовъ и

гдѣ иногда они сами находятъ защиту отъ холода и непогоды. Интересно теперь знать, какое вознагражденіе получаютъ эти страдалцы за свой трудъ. Обыкновенно хозяинъ нанимаетъ на сплавъ „огульно“, т. е., плата назначается прямо до мѣста причала цѣlostію безъ обозначенія срока прибытія къ назначенному мѣсту. Если погода стоитъ благопріятная, если дуетъ попутный вѣтеръ, то сплавъ производится безъ задержки и сплавщики получаютъ на человѣка изъ остатковъ мало-мальски достаточную сумму денегъ за трудъ. Когда-же погода стоитъ неблагопріятная, слѣдовательно препятствующая свободному ходу плотовъ, то проходитъ слишкомъ много времени въ стоянкахъ по различнымъ безопаснымъ мѣстамъ для защиты плотовъ отъ разбитія, и часто эти произвольные отдыхи доводятъ сплавщиковъ до самого печальнаго положенія: условленные за сплавъ деньги проѣдаются на стоянкахъ, и сплавщикъ бываетъ вынужденъ отправиться домой по образу пѣшаго хожденія, Христовымъ именемъ. Многіе сплавщики тонутъ во время бурь при разбитіи плотовъ и напрасно родные проводятъ время въ нетерпѣливомъ ожиданіи своего родственника, отправившагося на сплавъ съ цѣлью заработать нѣсколько грошей для поддержки своего незавиднаго хозяйства.—Кромѣ описанныхъ заработковъ на судахъ съ обычными товарами, предназначенными для различнаго рода потребностей, громадный заработокъ находитъ себѣ масса рабочихъ на такъ называемыхъ нефтянкахъ. Ежегодно изъ Баку въ Астрахань привозится масса нефтяныхъ товаровъ: керосинъ, сырая нефть, мазуть и проч. По доставкѣ ихъ въ Астрахань начинается перекачиваніе товаровъ въ рѣчныя баржи для сплава „въ верхи“. При этомъ нужно замѣтить, множество баржей принадлежатъ различнымъ пароходнымъ обществамъ и по окончаніи нагрузки буксируются вверху по рѣкѣ и размѣщаются по разнымъ мѣстамъ Волги, вблизи пристаней, для доставки нефти проходящимъ пароходамъ. Естественно, что на каждой такой нефтянкѣ должны быть служащіе-матросы и поэтому комплектъ рабочихъ увеличивается довольно солидною цифрою. Перекачка нефти или другихъ ея измѣненій въ Астрахани производится посредствомъ всевозможнаго рода системъ машинъ. Не всѣ пароходныя общества имѣютъ свои нефтянки; большая часть изъ нихъ для отопленія своихъ пароходовъ покупаютъ нефть съ чужихъ баржей,

разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ Волги. Купля обыкновенно производится такимъ образомъ. Пароходъ въ теченіе навигаціи забираетъ нефть съ чужой нефтянки и даетъ росписку въ забираемомъ количествѣ товара. Расчетъ за все производится обыкновенно по окончаніи навигаціи.

Вотъ главные виды труда и заработковъ, представляющихся рабочему люду на самой рѣкѣ Волгѣ, т. е. принадлежащихъ, по указанному въ началѣ статьи раздѣленію, къ заработкамъ первой категоріи. Повторяю еще разъ, что мною описаны здѣсь только главные ихъ виды, но не упоминается о безчисленныхъ наймахъ на сплавъ на мелкія суда, нагруженные незначительнымъ количествомъ товара, поэтому нуждающіяся не въ слишкомъ большомъ количествѣ рабочихъ рукъ. При томъ и сплавъ такихъ судовъ при помощи буксирныхъ пароходовъ не представляетъ такой выгоды, какъ примитивный способъ перевозки товаровъ при помощи бичевы или паруса. На такія суда обыкновенно и нанимаютъ людей не особенно знакомыхъ съ сплавнымъ дѣломъ, лишь бы только они могли мало-мальски удовлетворительно исполнять приказанія завѣдующаго или «главнаго распорядителя» на суднѣ.

Что касается вознагражденія, получаемого рабочими при различнаго рода наймахъ, то указать точно на размѣры его нѣтъ никакой возможности, такъ какъ существуетъ масса причинъ, способствующихъ увеличенію или уменьшенію вознагражденія, а слѣдовательно и постоянному колебанію цѣнъ.

Приступимъ теперь къ описанію заработковъ второй категоріи, т. е. тѣхъ, которые происходятъ по берегамъ рѣки. — Первое и самое видное мѣсто между ними занимаетъ нагрузка и выгрузка судовъ. Да оно и естественно. Волга, служа путемъ сообщенія для торговаго и промышленнаго класса людей, принимаетъ грузы для передвиженія изъ одного мѣста въ другое, помѣщенные только въ суда, наиболѣе пригодныя для плаванія по ней, поэтому весьма понятно, что непремѣннымъ слѣдствіемъ этого и является нагрузка и выгрузка товаровъ. Какъ первая, такъ и вторая имѣетъ массу разновидностей, смотря по роду товаровъ, предназначенныхъ къ нагрузкѣ или выгрузкѣ. Однако, самую выдающуюся работою является „работа на ссылкѣ хлѣба“ и выгрузкѣ лѣса. Всѣмъ и каждому извѣстно, какая

масса хлѣба ежегодно сплавляется вверхъ по Волгѣ, поэтому можно себѣ представить, сколько рабочихъ рукъ нужно для отправки и доставки этого товара.—Закупка хлѣба мѣстными и верховыми купцами, прїѣзжающими специально съ этою цѣлью, начинается по окончаніи полевыхъ работъ и продолжается почти до открытія навигаціи слѣдующаго года. Хлѣбъ ссыпается въ амбары, откуда со вскрытіемъ рѣки нагружается въ баржи, предназначенныя къ отплытію „въ верхи“. На ссыпку хлѣба нанимаются всѣ способные носить какой-либо грузъ. Здѣсь работаютъ мужчины, женщины, мальчики и дѣвочки. Разница въ работѣ та, что первые носятъ хлѣбъ, насыпая въ мѣшки по пяти пудовъ, а прочіе одинъ, два пуда, смотря по силѣ.—Грузить нанимаютъ съ сотни или чаще съ тысячи пудовъ. Собирается артель, которая беретъ на себя грузку. Дабы каждый изъ членовъ артели выработалъ, что приходится на его долю, условливаются носить хлѣбъ изъ амбаровъ на баржу опредѣленнаго размѣра мѣшками, такъ что при помощи подобнаго рода условія трудъ каждого изъ рабочихъ уравнивается и всѣ получаютъ одинаковое вознагражденіе за работу. Плата за нагрузку различна, смотря по разстоянію, которое долженъ проходить грузчикъ отъ амбара до баржи. Иногда, впрочемъ, вслѣдствіе слишкомъ далекаго мѣсто-нахожденія амбара, хлѣбъ подвозится къ берегу на лошадахъ и затѣмъ уже ссыпается въ баржу грузчиками.—Работа производится артелью по условію. Обыкновенно ее дѣлятъ на такъ называемые залогі. Залогомъ называется извѣстное количество мѣшковъ, которое долженъ внести на баржу каждый грузчикъ „подрядъ“, безъ отдыха. Послѣ этого полагается „покурить“, т. е. отдохнуть нѣсколько минутъ и, затѣмъ, снова приниматься за работу. Повидимому трудъ не особенно тяжелый; однако стоитъ прослѣдить за всѣмъ тѣмъ, что испытываетъ грузчикъ, и придется убѣдиться, что вознагражденіе получается „не даромъ“. Спросите грузчика вечеромъ послѣ работы, что онъ чувствуетъ, и вы получите категорическій отвѣтъ: „болно плечи, да ноги горять, какъ въ огнѣ“. Плечи болятъ отъ тяжести мѣшка, а ноги отъ чрезмѣрной, быстрой ходьбы по деревяннымъ сходамъ. Ко всему этому беспокоитъ пыль при насыпкѣ хлѣба въ мѣшокъ и высыпкѣ на баржѣ. Въ жаркое время грузчикъ потѣетъ, пыль

пристаеѣтъ къ мокрому тѣлу и производить сильный зудъ. — Въ прежніе, урожайные годы, грузка считалась однимъ изъ выгодныхъ заработковъ на берегу; зарабатывали по 1 р.—1 р. 50 к. Послѣдніе годы измѣнили плату. Теперь грузчикъ вырабатываетъ отъ 50 до 70 коп. въ день и то иногда съ трудомъ приходится добиться этого заработка, такъ какъ вслѣдствіе повторяющихся частыхъ неурожаевъ замѣчается особый наплывъ рабочихъ. — Кромѣ грузки хлѣба производится нагрузка и выгрузка другихъ товаровъ. Самыми тяжелыми, самыми неудобными считаются: желѣзо, соль и негашеная известь. Первое, въ особенности листовое желѣзо, связывается въ стопки, приблизительно по восьми пудовъ каждая; при нагрузкѣ носильщикъ еще не испытываетъ такой тяги, потому что ему приходится идти по ровному мѣсту; наоборотъ, при выгрузкѣ необходимо выносить грузъ вверхъ по лѣстницѣ изъ трюма баржи; нужно видѣть, сколько труда, сколько усилій употребляетъ рабочій, чтобы выбраться на верхъ палубы, и тотчасъ можно заключить, какія мученія претерпѣваетъ этотъ несчастный бѣднякъ-труженикъ. — Соль точно также считается не совсѣмъ удобнымъ для грузчиковъ товаромъ. По рассказамъ ихъ, несмотря, напримѣръ, на одинаковый вѣсъ ея въ кулѣ съ другими товарами, соль оказываетъ болѣе сильное и болѣе ощутительное давленіе на плечи рабочихъ. — Но самая мучительная работа—это работа на негашеной извести. Прежде всего при выгрузкѣ известь насыпается въ трюмъ въ мѣшки; поднимается при этомъ столбъ пыли, которая, проникая въ ротъ, носъ, осаживаясь на тѣлѣ, производитъ раздраженіе слизистыхъ оболочекъ, часто сопровождаемое кровоистеченіемъ. Кожа краснѣетъ, пухнетъ; чувствуется какое-то жженіе и зудъ. Во избѣжаніе подобнаго рода испытаній рабочіе завязываютъ себѣ платками носъ и ротъ, даже надѣваютъ на лицо маски, но всѣ эти мѣры предосторожности оказываются не вполне дѣйствительными, такъ какъ ѣдкая пыль проникаетъ черезъ самыя незначительныя отверстія и производитъ свое дѣйствіе. При такой работѣ требуется опытность, сноровка. Бывали случаи, что еще небывалый рабочій, благодаря своей неопытности, по окончаніи работы, не зная свойства извести, причинялъ себѣ еще болѣе мученій. Желая избавиться отъ зуда, онъ идетъ въ баню, моется,

однако этимъ самымъ только усиливаетъ жженіе и зудъ. Опытные грузчики, „бывалые на извести“, какъ они себя величаютъ, тотчасъ намазываютъ тѣло деревяннымъ масломъ, мажутъ имъ во рту и пускаютъ нѣсколько капель въ носъ. Это средство, по увѣреніямъ рабочихъ, самое дѣйствительное и всегда находится подъ руками. Но самое вредное дѣйствіе известъ оказываетъ на глаза. Взгляните на грузчика, болѣе всего работавшаго на извести, и вы замѣтите человѣка съ воспаленными, постоянно слезящимися глазами.

Впрочемъ, эта работа, вслѣдствіе своей трудности и вознаграждается лучше всѣхъ другихъ, хотя охотниковъ на нее находится очень мало, несмотря на всю ея заманчивость.

Изъ другихъ разновидностей нагрузки и выгрузки, заслуживающихъ особаго вниманія, какъ по своей особенноти, такъ и по тягости производства ихъ, на Волгѣ не встрѣчается. Я говорю это, не принимая въ расчетъ выгрузки лѣса. Въ Нижнемъ-Новгородѣ во время ярмарки производится, напримѣръ, нагрузка и выгрузка товара, предназначеннаго для ярмарки или уже проданнаго на ней; въ Казани грузятъ мыло, кожи; въ Хвалынскѣ—яблоки; въ Камышинѣ — арбузы; но вся эта работа на столько проста и незатѣйлива, что не заслуживаетъ отдѣльнаго описанія ея.—Обращаясь теперь къ выгрузкѣ лѣса, прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о способахъ его сплава. Выше мы упоминали о плотяхъ и бѣлянахъ; указывали на устройство первыхъ; но главное, первенствующее значеніе остается за послѣдними. Бѣляна, собственно, не есть какое-либо особой конструкціи судно, специально предназначенное для сплава лѣса; это—тотъ-же лѣсъ, только скрѣпленный особымъ образомъ для удобства сплава. Скрѣпа производится посредствомъ деревянныхъ гвоздей, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы не портить скрѣпляемыхъ деревъ. На видъ бѣляна похожа на громаднхъ размѣровъ баржу, въ которую съ самаго дна ея и на нѣсколько аршинъ выше бортовъ грузится всевозможнаго сорта лѣсъ. На верху всей этой громады помѣщаются нѣсколько деревенскихъ новенькихъ домиковъ различной величины, предназначенныхъ для продажи „на низахъ“, всегда имѣющихъ недостатокъ въ лѣсныхъ и строительныхъ матеріалахъ. Мы не беремся точно указать, сколько бѣляна вмѣщаетъ въ себѣ

лѣса, — скажемъ только, что, когда видишь эту громаду, плывущую плавно по теченію рѣки, то невольно передъ глазами представляется небольшая деревушка, построенная на громаднѣмъ, деревянномъ фундаментѣ, возвышающемся на нѣсколько сажень надъ поверхностію воды и имѣющемъ чуть-ли не одинаковую по размѣру величину въ глубь воды. Достигнувъ мѣста своего назначенія, бѣляна становится на якорь. Если хозяинъ ея задумалъ перепродать весь лѣсъ „огуломъ“, то ожидается покупатель и выгрузка замедляется. Если-же продажа въ розницу производится отъ самого хозяина, то немедленно нанимается артель рабочихъ, которые обыкновенно берутъ подрядъ на всю выгрузку. Рабочими являются бурлаки, народъ сильный, выносливый, привыкшій къ самому тяжелому труду. Бурлакъ не обращаетъ вниманія, какова работа: подь силу она или нѣтъ; онъ увѣренъ въ себѣ; и поистинѣ нужно удивляться мощи этихъ приволжскихъ богатырей, работающихъ за троихъ каждый. На видъ эти люди кажутся лѣнивыми, неповоротливыми, но взгляните на нихъ во время работы, и вы убѣдитесь совершенно въ противоположномъ. Бурлакъ работаетъ какъ лошадь; онъ не знаетъ усталости; и только для большаго возбужденія и бодрости во время работы затягиваетъ пѣсенку. Кто не знаетъ этихъ заунывныхъ, грустныхъ пѣсень, наводящихъ тоску на посторонняго человѣка! Но бурлакъ не тоскуетъ отъ этихъ печальныхъ звуковъ: онъ не любитъ веселья, да, впрочемъ, и веселиться не приходится, когда напрягаются всѣ силы и потъ градомъ льется съ напряженнаго лица. Въ прежнія, старыя времена бурлаки исключительно занимались тягою судовъ бичевою вверхъ по Волгѣ, но въ настоящее время вслѣдствіе появленія буксирныхъ пароходовъ этотъ трудъ уничтожился и бурлаки занялись другою, подходящею работою: работою тяжелой, изнурительной, но сходной съ прежнею. Такою, напримѣръ, работою и является разгрузка бѣлянъ. Самымъ важнымъ пунктомъ сплава лѣса, т. е. бѣлянъ (такъ сказать, мѣстомъ ихъ обыкновеннаго причала) служить Царицынъ, откуда лѣсъ большею частію перевозится по желѣзной дорогѣ на Донъ для сплава на югъ. Въ Царицынѣ поэтому чаще всего встрѣчается работа для бурлаковъ.

Берегъ Волги при городѣ гористъ, поэтому разгрузка совер-

пашется еще съ большимъ трудомъ. Носять бурлаки лѣсъ по одному, по два; накопецъ нужно выгрузить громадное бревно. Берутся они за дерево артелью и подъ пѣсню „дубинушка ухнеть!“ или „эй, ухнемъ!“ тяжелая ноша сносится на берегъ. Этимъ дѣло еще не кончается; нужно грузъ поднять на нѣкоторую высоту. Снова поэтому затягивается пѣсня-не пѣсня, а что-то вродѣ этого. „Еще вы-ыше, еще вы-ыше!“ затягиваетъ одинъ; „еще выше!“ вторитъ дрогой; „еще вы-ыше“ подхватываютъ остальные — и дружными усилиями поднимается длинное, громадныхъ размѣровъ бревно на крутизну берега. — И не въ одномъ Царицынѣ, а во многихъ приволжскихъ мѣстахъ слышатся эти заунывные пѣсни, подбодряющія неутомимыхъ тружениковъ; вездѣ, по всему пространству матушки Волги раздаются онѣ; подъ ихъ грустный напѣвъ привыкъ трудиться волжскій работникъ, и работа кажется ему легче и время идетъ скорѣе.

Вотъ самые важные, самые выдающіеся заработки на Волгѣ. Много помогаютъ они бѣднякамъ при отысканіи средствъ къ существованію, но много они уносятъ и силъ, и здоровья. Много бѣдняковъ-рабочихъ находятъ здѣсь преждевременную утрату здоровья отъ непомѣрныхъ усилій, а иногда и смерть. Но русскій человѣкъ не особенно „гонится“ за этимъ; ему-бы лишь побольше выработать, а все остальное, какъ онъ говоритъ, „въ волѣ Божіей“.

Есть еще одинъ промыселъ на Волгѣ, который точно также даетъ заработокъ массѣ рабочихъ. Это—рыбный промыселъ.

Ежегодно раннею весною нанимается промышленниками на ватаги множество рабочихъ и работницъ. Работа здѣсь крайне разнообразная: одни рабочіе специально занимаются ловлею рыбы, другіе—сортировкой ея; третьи—пластуютъ рыбу и, наконецъ, нѣкоторые солятъ, или вялятъ, или коптятъ рыбу. Эта работа болѣе всего привлекаетъ къ себѣ народа въ низовьяхъ Волги, гдѣ производится главный, самый значительный ловъ. Работа не постоянная, временная, зависящая отъ времени, такъ называемаго, „хода рыбы“.

Замѣтимъ, что рыбною ловлею занимаются по всему пространству Волги, но здѣсь онъ является болѣе ограниченнымъ.

75 лѣтъ существованія Нижегородской ярмарки.

(Историческій очеркъ).

20-го іюля 1892 года исполнилось 75 лѣтъ со дня открытія Нижегородской ярмарки или, точнѣе, переноса существовавшаго уже около двухъ сотъ лѣтъ торжища близъ Желтоводскаго или Макарьевского монастыря—Макарьевской ярмарки—въ Нижній-Новгородъ. Первоначальная исторія послѣдней крайне темна и, если считать повѣствованія объ ней за достовѣрныя, то онѣ начинаются съ 1624 года. Въ означенный годъ Муромскій инокъ Авраамій, возобновивъ пришедшій въ ветхость монастырь, перенесъ въ него съ Унжи икону св. Макарія и съ тѣхъ поръ 25-е іюля (день св. Макарія) сдѣлался высокоторжественнымъ днемъ для Макарьевского монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сборищемъ въ Макарьевъ для торжища массы купцовъ.

По преданію, Макарьевскій монастырь былъ основанъ преподобнымъ Макаріемъ; при немъ была сооружена и первая церковь во имя Животворящей Троицы. Однако не долго продолжалась тихая жизнь иноковъ; въ 1439 г. на обитель напали татары, разрушили ее, иноковъ перебили, а самого Макарія взяли въ плѣнъ и отвели въ Казань. Хотя вскорѣ Макарій и возвратился изъ плѣна, однако онъ поселился на Унжѣ, гдѣ и преставился. Монастырь оставался въ развалинахъ, какъ мы и упомянули выше, до 1624 г., когда возобновилъ его инокъ Авраамій. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ предоставилъ въ даръ монастырю сборъ съ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Макарьевъ на торгъ 25-го іюля. Вся власть надъ ярмаркой сосредоточивалась тогда въ рукахъ архимандрита монастыря: онъ распоряжался всѣмъ при помощи своихъ монаховъ, правительство же совершенно не касалось ярма-

рочныхъ дѣлъ. Такъ все шло до 1718 года, когда по указу Петра Великаго ярмарка, а равно и сборы съ нея, перешли въ вѣдѣніе коммерцъ-коллегіи и ярмаркѣ назначенъ былъ срокъ отъ 29 іюня до 8 іюля, дабы купцамъ не опаздывать на ярмарки въ Сѣвскъ и Королевецъ. За нѣкоторыя, дарованныя монастырю льготы Петръ обязалъ монастырь содержать стражу изъ 300 иноковъ. Однако, не смотря на указъ Петра Великаго, монахи не переставали быть настоящими распорядителями на ярмаркѣ, отдавая лишь отчетъ въ дѣлахъ коммерцъ-коллегіи. Такъ дѣло шло до воцаренія Елисаветы Петровны, когда ярмарка была окончательно отобрана въ казну. Все болѣе и болѣе развивающаяся торговля, а слѣдовательно и потребность въ помѣщеніяхъ, заставила правительство озаботиться постройкою новыхъ номеровъ лавокъ, что и было исполнено въ скоромъ времени. Но всѣхъ этихъ построекъ достаточно было только для нѣсколькихъ ярмарокъ, что уже ясно было признано въ царствованіе императрицы Екатерины II. Однако средствъ на сооруженіе не доставало, и постройка затянулась. Не желая расходовать на ярмарку казенныхъ денегъ, Екатерина II отдала ее на откупъ ярославскому купцу Барсову, который, сдѣлавшись такимъ образомъ полнымъ хозяиномъ ярмарки, началъ обременять пріѣзжающихъ купцовъ непомѣрными поборами, что отзывалось крайне неблагопріятно на общемъ ходѣ дѣла. Въ виду этого откупъ былъ уничтоженъ и ярмарка передана въ вѣдѣніе Нижегородской Палаты. Въ это время явилась уже неотлагаемая потребность увеличить число ярмарочныхъ построекъ, на что необходима была большая сумма денегъ, которой въ государственномъ казначействѣ въ излишкѣ не находилось. Явился казанскій купецъ Евреиновъ, который предложилъ Правительству сдать ему на откупъ ярмарку съ условіемъ: во 1-хъ, ежегодно вносить въ казну по 28 тысячъ рублей денегъ, во 2-хъ, выстроить на свой счетъ новый гостинный дворъ по указанію Правительства. Откупъ долженъ былъ продолжаться 20 лѣтъ. Правительство согласилось на предложеніе Евреинова, который по своимъ дѣйствіямъ на ярмаркѣ явился достойнымъ послѣдователемъ Барсова. Видя весь вредъ монополіи, Императоръ Александръ I велѣлъ уничтожить откупъ, отобравъ отъ Евреинова завѣдываніе ярмаркой и скупивъ въ казну всѣ матеріалы, заготовленные имъ

для постройки условленныхъ ярмарочныхъ зданій. На всѣ эти потребности Правительство ассигновало уже свои спеціальныя средства и въ скоромъ времени на ярмаркѣ былъ сооруженъ новый гостинный дворъ съ массою нумеровъ лавокъ. Постройка обошлась около двухъ милліоновъ рублей, каковая сумма, впрочемъ, была вскорѣ возвращена съ доходовъ отъ ярмарки, доходившихъ до ста слишкомъ тысячъ рублей въ годъ. На такихъ началахъ стала существовать Желтоводская или Макарьевская ярмарка до окончательнаго перевода ея въ 1816 году въ Нижній-Новгородъ.

Сдѣлаемъ теперь краткій обзоръ, какъ устройства Макарьевского монастыря, такъ и прилегавшихъ къ нему ярмарочныхъ и другихъ строеній. Въ старо-давнія времена Макарій состоялъ изъ Кремля, обнесеннаго толстыми каменными стѣнами съ высокими башнями, Китай-города, прилегающаго къ Кремлю, и точно также обнесеннаго стѣнами. Торгъ производился около Китай-города. Въ Кремлѣ въ 1659 году былъ выстроенъ соборъ по образцу Московскаго Успенскаго собора. Въ этомъ соборѣ висѣло паникадило, представлявшее копію того паникадила, которое было похищено французами изъ Успенскаго собора въ 1812 году и про которое императоръ Іосифъ, увидѣвъ, сказалъ: „это — серебряный лѣсъ“. Въ 1859 году, въ понедѣльникъ на Пасхѣ обрушился главный куполъ собора и паникадило было уничтожено; насколько былъ силенъ ударъ обрушившагося купола, можно судить по тому, что запертыя на замокъ желѣзныя двери собора растворились отъ страшнаго напора воздуха. Въ настоящее время Макарій представляетъ полную картину разрушенія. Отъ стѣнъ Китай-города не осталось и слѣда, лишь только годъ отъ году все болѣе и болѣе разрушающійся монастырь напоминаетъ о старомъ, когда-то знаменитомъ Макаріи, теперь переименованномъ въ Старый-Макарій. — Какъ мы упомянули, ярмарка была устроена близъ Кремля. Кромѣ казенныхъ корпусовъ, многими купцами рядомъ съ ними были выстроены собственныя лавки. Вся ярмарка была окружена каналомъ и по распоряженію начальства строжайше было запрещено всѣхъ торгующимъ имѣть въ лавкахъ огонь. Совсѣмъ другое было за каналомъ. Тамъ нашли себѣ притонъ масса трактировъ, харчевень и другихъ подобнаго рода заведеній для услады тѣла и души. Здѣсь торговцы отдыхали послѣ дневныхъ трудовъ, иногда

заканчивая отдыхъ шумною оргіею. Ярмарочныя постройки были расположены отъ Волги приблизительно на версту, доставка товаровъ вслѣдствіе массы холмовъ и песку была крайне затруднительна, почему ежегодно приходилось дѣлать отъ ярмарки до берега деревянныя настилки. Все это вмѣстѣ съ другими неудобствами доставляло много затрудненій для торговаго люда и въ концѣ концовъ послужило одною изъ причинъ перевода ярмарки въ Нижній-Новгородъ.

Напротивъ самаго Макарія, съ праваго берега рѣки Волги, въ нее впадаетъ рѣка Сундовикъ, протекающая среди горъ по ущельямъ. По теченію этой рѣки ближе къ Волгѣ находится гора Лыска, а выше ея гора Олень. Въ ущельѣ, а равно и по склону первой горы расположено село Лысково, играющее въ настоящее время довольно видную роль въ промышленномъ и торговомъ мірѣ. Между лысковцами и макарьевцами существовала старинная распря изъ-за ярмарки. Иногда ссоры принимали болѣе обостренный характеръ и оканчивались драками и убійствами. Дѣло въ томъ, что лысковцы съ завистью смотрѣли на своихъ лѣнтяевъ-сосѣдей, безъ всякаго труда обезпечивающихъ свое существованіе. Обыкновенно жители Макарьева отдавали въ наймы пріѣзжимъ купцамъ свои дома и тѣмъ обезпечивали свое годовое существованіе. Кромѣ того громадный доходъ давалъ извозный промыселъ. Насколько дорога была плата за лошадей, можно судить по разсказу одного значительнаго лица, съ котораго запросили 30 рублей за то, чтобы отвезти въ церковь, находившуюся не далѣе версты отъ занимаемой имъ квартиры. Лысковцы завидовали макарьевцамъ, и эта зависть наконецъ перешла въ ненависть. Главной причиною этого было еще то обстоятельство, что масса купцовъ проѣзжала черезъ с. Лысково, а кромѣ того и товары провозились черезъ него же для того, чтобы съ большими трудностями и расходами переправиться къ Макарьеву и тамъ ждать покупателей. Лакомый кусокъ такимъ образомъ исчезалъ отъ лысковцевъ и переходилъ къ лѣнтяямъ-макарьевцамъ. Изъ всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ на ярмарку, на правомъ берегу оставались только желѣзо и соль. Но и отъ этихъ товаровъ лысковцамъ приходилось мало дохода. Дѣло въ томъ, что по ту сторону рѣки Волги монастырю принадлежалъ участокъ земли подъ

названіемъ пустынь архидіакона Стефана, на которой и размѣщались поименованные товары: желѣзо и соль. Отъ этой же пустыни былъ устроенъ монастырскій перевозъ черезъ Волгу, что доставляло купцамъ нѣкоторое удобство при производствѣ торговыхъ операцій, почему грузы желѣза и соли и складывались на монастырской землѣ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, въ рукахъ монастыря находилась вся ярмарка.

Сдѣлаемъ теперь краткое описаніе всей ярмарки въ смыслѣ размѣщенія торговцевъ по корпусамъ согласно роду ихъ товаровъ. На Макарьевской ярмаркѣ подобнаго расположенія, напоминающаго нынѣшнюю благоустроенную Нижегородскую ярмарку, не замѣчается. Тамъ, можно заключить, скорѣе самъ купецъ избиралъ для себя мѣсто „повыгодиѣе и побойчѣе“, почему рядомъ съ чайною продажей попадалась торговля иконами и т. д., Такое расположеніе товаровъ, разбросанныхъ по разнымъ концамъ ярмарки, естественно представляло затрудненіе при выборѣ товаровъ и зачастую самая ничтожная купля отнимала довольно много времени. Но это неудобство все-таки можно считать каплею въ морѣ сравнительно съ тѣми, которыя способствовали переводу ярмарки въ Нижній. Первое изъ нихъ, какъ я и упомянулъ выше, это неудобство доставки товаровъ на ярмарку вслѣдствіе песчанаго и холмистаго берега Волги близъ Макарія. Второе неудобство Макарьевской ярмарки заключалось въ расположеніи ея на низменномъ берегу рѣки. Съ наступленіемъ весны, во время разлива Волги, всѣ ярмарочныя строенія затоплялись водою, поэтому купцамъ, нерасторговавшимся въ ярмарку, не возможно было оставлять товаръ до другаго года, да къ тому-же отсутствіе стражи въ неторговое время, а слѣдовательно опасность со стороны воровъ, тоже доставляло не мало заботъ купечеству. Какъ мы сказали, тяжелые товары (желѣзо и соль) оставались сложенными на правомъ берегу рѣки Волги. Многимъ купцамъ приходилось въ одно и то же время вести торговлю въ двухъ мѣстахъ, что крайне неблагопріятно отзывалось на общемъ ходѣ ихъ торговыхъ операцій, потому что въ то время, когда на одномъ берегу производилась торговая сдѣлка, а слѣдовательно хозяинъ былъ занятъ, въ то время неожиданно являлся покупатель на другой сторонѣ съ запросомъ на товаръ. И время шло

для покупателя въ ожиданіи прибытія хозяина, часто являвшася только на другой день. Мы не станемъ упоминать о разныхъ побочныхъ причинахъ, представляющихъ затрудненія, а перейдемъ къ описанію неотъемлемой принадлежности всякой ярмарки—ярмарочныхъ увеселеній. На ярмаркѣ находился театръ. По мнѣнію компетентныхъ лицъ обстановка театра была вполне приличная: игра артистовъ, декорации, репертуаръ разыгрываемыхъ пьесъ — „все было приспособлено по образцу Петербургскаго и Московскаго театровъ“. Единственнымъ недостаткомъ театральной обстановки было освѣщеніе. Горѣло сало въ плашкахъ, распространявшее по театру копоть и зловоніе. Не смотря на все это, театръ ежедневно былъ полонъ и охотно посѣщался публикою. Кромѣ театра на ярмаркѣ было много другихъ развлеченій: лоттерей, фортунокъ и т. п.; лучшими призами являлись копѣечныя зеркала, грошевыя конфекты и проч. въ томъ-же родѣ. Самымъ-же любимымъ и болѣе всего посѣщаемымъ публикою мѣстомъ была кукольная комедія. Понятно, здѣсь не можетъ быть даже и рѣчи объ искусствѣ, но вмѣсто этого въ кукольной комедіи русскій челоуѣкъ видѣлъ все близкое его сердцу, онъ съ удовольствіемъ любовался, какъ куклы бились лбами, дрались, плясали по русски, а хозяинъ комедіи, къ великому наслажденію публики, изъ-за сцены велъ разговоры за куколь, пересыпая ихъ остротами площаднаго свойства, большею частью самими бессмысленными. Не лишнимъ будетъ упомянуть о московскихъ артистахъ, прибывшихъ на ярмарку поправлять свое состояніе послѣ разоренія Москвы французами въ 1812 г. и имѣвшихъ здѣсь громадный успѣхъ.

Неблагоустройство ярмарки побудило, наконецъ, принять нѣкоторыя мѣры къ устраненію его. Въ Макарьевъ былъ посланъ государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, для изслѣдованія ярмарки и для составленія полнаго описанія ея. Уже въ то время зародилась мысль о переводѣ ярмарки, но дѣло затянулось вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ причинъ. Только неожиданный случай помогъ скорому рѣшенію вопроса и рѣшилъ дальнѣйшую судьбу Макарьевской ярмарки.— Къ концу ярмарки 1816 года на ней произошелъ пожаръ, въ нѣсколько часовъ уничтожившій положительно всѣ ярмарочныя зданія. Говорятъ, что пожаръ про-

изошелъ отъ поджога, но достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Во время пожара погибло много еще нераспроданнаго товара и нѣкоторые купцы потерпѣли страшные убытки. Извѣщенное о происшедшемъ правительство тотчасъ озаботилось о сооруженіи вновь ярмарочныхъ зданій, дабы не встрѣтилось препятствій къ ярмаркѣ слѣдующаго года. Изъ государственнаго казначейства была назначена къ отпуску уже ассигнованная на производство работъ сумма денегъ, но по приказанію Императора отпускъ ея былъ приостановленъ вслѣдствіе донесенія канцлера гр. Румянцева.

Въ донесеніи своемъ канцлеръ описывалъ всѣ неудобства ярмарки въ Макарьевѣ и въ концѣ концовъ указывалъ на необходимость переноса ея на другое мѣсто. Последнимъ пунктомъ имъ былъ намѣченъ Нижній-Новгородъ. По разсмотрѣніи донесенія графа, Высочайше повелѣно было начальнику путей сообщенія немедленно отправиться въ Нижній, изслѣдовать мѣстность и тотчасъ приступить къ постройкѣ необходимыхъ зданій. Начальникъ путей сообщенія Бетанкуръ, сопровождаемый свитою инженеровъ, отправился въ путь и по прибытіи на мѣсто, не теряя времени, приступилъ къ производству изысканій. Первоначально было предположено построить ярмарку между городомъ и Печерскимъ монастыремъ, какъ мѣстомъ пребыванія св. Макарія, однако, отъ этого предположенія вскорѣ пришлось отказаться. По изслѣдованіямъ инженеровъ затрудненіями явились: слишкомъ высокій подъемъ на ярмарку воды, а во вторыхъ, чрезвычайно дорого стоящее устройство береговыхъ спусковъ. Тогда все вниманіе было обращено на лѣвый берегъ Оки, при впаденіи ея въ Волгу. Это мѣсто оказалось самымъ подходящимъ для устройства ярмарки, почему и было рѣшено приступить къ работамъ.—Еще ранѣе этого московское, ярославское и макарьевское купечество, услыхавъ про имѣющія произойти въ недалекомъ будущемъ перемѣны насчетъ ярмарки въ Макарьевѣ, т. е. переводъ ея въ Нижній, послало въ Москву ходатайство: „оставить все по старому“. Купцы въ оправданіе своей просьбы представляли многія, яко-бы по ихъ мнѣнію существенныя неудобства подобной перемѣны. Однако, это ходатайство не было принято въ Москвѣ и дѣло пошло своимъ чередомъ. Бетанкуръ присту-

пиль къ постройкѣ. Рѣшено было первоначально укрѣпить грунтъ земли, для чего были забиты сваи, а чтобы послѣднія не подверглись обсыханію въ грунтѣ, были проведены подземныя трубы отъ Баранцева и Мещерскаго озеръ. Сверхъ свайной бойки уже клали фундаментъ, на которомъ должны были производиться постройки. Однако, подобныя прочныя сооруженія не обошлись для Бетанкура безъ непріятностей.

Роскошная жизнь его, блестящая обстановка, пикники и другія, дорого стоющія увеселенія побуждали увеличивать въ смѣтахъ цѣны на матеріалъ и работы, слѣдствіемъ чего было то, что почтенный строитель попалъ подъ судъ.—Первыя ярмарочныя постройки были временныя, такъ какъ правительство, не вполнѣ увѣренное въ блестящемъ успѣхѣ предпріятія, не хотѣло рисковать слишкомъ большими суммами. Когда-же, въ 1817 году, состоялась въ Нижнемъ первая ярмарка, давшая совершенно неожиданныя результаты, то было окончательно рѣшено приступить къ сооруженію постоянныхъ ярмарочныхъ зданій. Въ 1818 году, въ день св. Макарія, 25-го іюля, епископомъ Моисеемъ послѣ совершенія богослуженія въ присутствіи городскихъ властей и строителей была произведена закладка собора и новыхъ построекъ: гостиннаго двора и другихъ. Соборъ былъ сооруженъ во имя св. Животворящей Троицы, съ двумя придѣлами: во имя св. Макарія и св. Александра Невского. Гостинный дворъ былъ освященъ въ 1822 году. Правильное, удобное для торговли расположеніе ярмарочныхъ зданій не заставляло желать ничего болѣе лучшаго. Важныя неудобства были всѣ устранены.

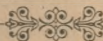
Было обращено вниманіе и на такіе товары, какъ соль и желѣзо. Чтобы не тратить времени и труда на ихъ перевозку на ярмарку, устроена Сибирская пристань, гдѣ въ баржахъ представляются покупателю товары.

Ярмарка, съ переводомъ ея въ Нижній, начала все болѣе и болѣе развиваться и, наконецъ, достигла того громаднаго значенія, которое числится за нею въ настоящее время.—Въ особенности выдается по изяществу архитектуры отдѣлка нынѣшняго, новаго главнаго дома и новаго гостиннаго двора, сооруженнаго за послѣдніе годы.—Въ концѣ описанія слѣдуетъ упомянуть о пресловутомъ Кунавинѣ, лежавшемъ въ былое время на лѣвомъ-же

берегу рѣки Оки и славившемся своими чудными увеселительными заведеніями, прославленными кутежами купцовъ и купеческихъ сынковъ. По преданію, на мѣстѣ Кунавина находился лишь одинъ трактиръ, содержавшійся вдовою-красавицей. Приѣзжающіе гости звали ее кумою и при первой встрѣчѣ привѣтствовали красавицу словами: „кума—вина!“ Этотъ возгласъ и послужилъ къ прозванію мѣста—Кумавинымъ, или позднѣе Кунавинимъ. По другому преданію, Кунавино получило свое названіе отъ денежнаго значка „куны“, которымъ татары собирали пошлину за перевозъ.

Въ настоящее время Кунавино соединено съ ярмаркою массою различнаго рода построекъ.

Историческія, достопримѣчательныя мѣста на Волгѣ.

*****

Въ указаніи историческихъ, достопримѣчательныхъ мѣстъ Поволжья мы не будемъ касаться исключительно описанія тѣхъ городовъ и мѣстечекъ на Волгѣ, которые были свидѣтелями событій, имѣвшихъ вліяніе на судьбу всего русскаго народа, но постараемся указать и мѣста, за которыми признается населеніемъ слава событія мѣстнаго характера, оказавшаго въ тѣ времена вліяніе на его собственный бытъ. Чтобы не повторять одного и того-же, мы не приведемъ здѣсь описанія губернскихъ городовъ и ихъ историческаго значенія, указываемаго нами въ очеркахъ ихъ, а прямо перейдемъ къ другимъ достопримѣчательностямъ рѣки, начиная отъ Нижняго. Ниже Нижняго-Новгорода, верстахъ въ 3-хъ по теченію Волги, на правомъ берегу ея находится Печерскій монастырь, описанный нами выше въ отдѣльной статьѣ.

Далѣе внизъ по Волгѣ, на лѣвомъ берегу ея, верстахъ въ 20-ти отъ Нижняго, расположенъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, достопамятный по своимъ печальнымъ событіямъ, которыя обрушивались на братію монастыря. Такъ, объ одномъ изъ подобнаго рода событій гласитъ подпись на памятникѣ, сооруженномъ по убиенной братіи: „На семъ мѣстѣ погребена избіенная братія сея обители. Сіе бысть въ 1439 году во время великаго князя Василія Васильевича. Бысть нашествіе агарянь на Россію и напали на сію обитель и побили братію, а ины взята въ плѣнъ съ преподобнымъ Макаріемъ и привели къ своему воеводѣ и отпусти ихъ воевода и прииде преподобный Макарій и погребе братію на семъ мѣстѣ“. Въ монастырѣ есть соборъ во имя св. Троицы, совершенно забытый и заброшенный, про таинственность котораго въ народѣ существуетъ много легендъ. Последнее несчастіе обрушилось на монастырь въ 1816-мъ году, когда всѣ монастырскія и ярмарочныя зданія были истреблены пожаромъ и монастырь лишился главныхъ своихъ доходовъ отъ ярмарки, когда она была переведена въ Нижній-Новгородъ.

Уже отъ Казани правый берегъ Волги достигаетъ при своемъ протяженіи до Симбирска значительной высоты. Ниже Симбирска высота его достигаетъ самой высшей точки подъема, который только можно встрѣтить на всемъ протяженіи Волги. Эти горы, начинаясь почти отъ г. Ставрополя и простираясь до д. Жегулей, лежащей на сѣверномъ концѣ изгиба рѣки, называемаго „Самарскою Лукою“, носятъ названіе Жегулевскихъ горъ. Послѣднія служили безопаснымъ притономъ для волжскихъ разбойниковъ, грабившихъ проходившія мимо суда, безъ всякой отвѣтственности передъ закономъ. Въ Жегуляхъ много кургановъ, носящихъ названіе „Стенькиныхъ“. По преданію здѣсь находился нѣкоторое время извѣстный разбойникъ Стенька Разинъ, о походе котораго въ народѣ сохранилось множество легендъ.

Жегули считаются главною достопримѣчательностью великой рѣки. Кромѣ Стенькиныхъ кургановъ возвышается еще масса холмовъ, носящихъ различныя названія, напр.: „Молодецкій камень“, „Караульный Бугоръ“ и др. Всѣ эти холмы получили свое названіе отъ жившихъ здѣсь разбойниковъ. Верстахъ въ 28-ми выше Самары на лѣвомъ берегу Волги возвышается продолговатый холмъ. Онъ стоитъ отдѣльно отъ другихъ; растительности на немъ никакой. Прозывается онъ „Царевъ Курганъ“. На вершинѣ этого кургана замѣтны слѣды существовавшей нѣкогда башни, но когда и кѣмъ была она устроена—неизвѣстно. О происхожденіи кургана существуетъ крайне невѣроятная легенда. Въ древнія времена проходилъ мимо этого мѣста какой-то царь съ огромнымъ войскомъ. Желая оставить по себѣ какую нибудь память, онъ велѣлъ каждому изъ своихъ воиновъ принести по горсти земли или камню и складывать все въ кучу. Такимъ образомъ образовался курганъ, названный «Царевымъ».

Что касается другихъ замѣчательныхъ мѣстъ на Волгѣ кромѣ упомянутыхъ, то замѣтимъ, что они встрѣчаются почти на каждомъ шагу. Мы однако не будемъ перечислять ихъ всѣхъ по порядку, но только укажемъ для примѣра хоть на Царицынъ съ его окрестностями, извѣстный по первымъ дѣйствіямъ самозванца Емельки Пугачева.

Печальные, роковыя годыны для обитателей Поволжья.

(1891-й и 1892-й годъ).

Привольныя, плодородныя, обширныя степи лѣваго берега Волги въ ея среднемъ и низовомъ теченіи въ особенности, также правый, нагорный берегъ, не уступающій своимъ плодородіемъ лѣвому, если уже и не производительностію одинаковаго по результатамъ урожая хлѣбныхъ растений, то другими отраслями сельскаго хозяйства, изстари привлекали сюда множество искателей болѣ легкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣ прибыльнаго труда. — Мы не будемъ упоминать о томъ отдаленномъ прошломъ, когда юго-восточныя приволжскія степи служили только прекрасными пастбищами для кочевниковъ, а прямо начнемъ съ описанія состоянія земледѣлія за послѣднее столѣтіе, коснувшись отчасти причинъ и слѣдствій столь быстраго его развитія и, наконецъ, указавъ или скорѣе упомянувъ, по мѣрѣ возможности подробно, о печальномъ, роковомъ для массы земледѣльцевъ низоваго Поволжья 1891-мъ годѣ.

Первоначально земледѣліе въ низовомъ Поволжьѣ велось довольно плохо: занимались имъ большею частію коренные обитатели Поволжья, которые не отличались особымъ стремленіемъ къ развитію своего труда, хотя земледѣліе и у этихъ непредпріимчивыхъ работниковъ находилось, можно сказать, въ очень хорошемъ состояніи, благодаря необыкновенному плодородію самой почвы. Но вотъ постепенно начали являться изъ разныхъ мѣстъ необъятнаго нашего отечества лица, алчущія наживы, лица денежныя, капиталныя, которыя, видя всю выгоду пріобрѣтенія и обработки земли, приступили къ покупкѣ участковъ въ вѣчное владѣніе, а въ случаѣ затрудненій, часто встрѣчающихся въ осо-

бенности послѣднее время, съемкѣ земли въ арендное содержаніе и, затѣмъ, возможно болѣе выгодному эксплуатированію ея. Еще ранѣе капиталистовъ, въ благодатныя мѣста Поволжья явились переселенцы изъ средней и сѣверной полосы Россіи. Наслышавшись о плодородномъ краѣ отъ лицъ, ходившихъ на заработки на Волгу, или даже зачастую сами, во-очію убѣдившись въ привольномъ, ни въ чемъ не испытывающемъ нужды житьѣ-бытьѣ поволжскихъ крестьянъ, эти, постоянно нуждающіеся, вѣчно жалующіеся на недостатокъ даже въ предметъ первой необходимости для поддержки семей своихъ, страдалцы продавали свой послѣдній скарбъ, бросали бесплодную землю и отправлялись искать счастье на берегахъ Волги, покупая по самой ничтожной цѣнѣ залежь, которой, можетъ быть, еще никогда не касалась соха или плугъ и которая въ первый-же годъ обработки покрывала не только всѣ расходы по ея приобрѣтенію, но кромѣ того обезпечивала своихъ новыхъ хозяевъ средствами безбѣднаго существованія. Такія переселенія совершались цѣлыми обществами и мы находимъ въ настоящее время множество селеній, въ особенности въ Самарской губерніи, состоящихъ изъ прежнихъ жителей другихъ странъ Россіи, переселившихся сюда, по ихъ собственнымъ словамъ, „вслѣдствіе невозможности за бесплодностію почвы жить въ родной сторонѣ“.—Изъ всего описаннаго мы можемъ вывести то заключеніе, что въ мѣста Поволжья пришельцевъ тянула полная обезпеченность труда и даже болѣе: возможность крайне легкаго, если не обогащенія, то обезпеченія себя. Слѣдствіемъ же всего этого было развитіе земледѣлія: увеличеніе площади запашекъ, приобрѣтеніе лучшихъ сѣмянъ для посѣвовъ, замѣна ручнаго труда машинами и, въ концѣ концовъ, значительное увеличеніе отпускной хлѣбной торговли.

Интересно знать, каковъ урожай получался въ обѣтованной приволжской землѣ, дабы вполне уяснить себѣ стремленіе чужестранцевъ въ эти мѣста. Замѣтимъ, что почва луговой, степной стороны р. Волги—черноземная, т. е. верхній слой ея представляетъ различный по толщинѣ слой чернозема. Не подвергавшаяся еще обработкѣ, такая земля при благопріятной для посѣва погодѣ даетъ или вѣрнѣе давала, какъ намъ передавали старожилы, до сорока слишкомъ мѣшковъ на десятинѣ, т. е. болѣе трехсотъ пу-

довъ; или урожай былъ приблизительно между „самой сороковой—самой пятидесятой“, тогда какъ въ сѣверной полосѣ Россіи самый лучший—„сама двѣнадцатая, пятнадцатая“. Отсюда ясно, сколь привлекательными казались для постороннихъ подобные результаты труда. Однако такіе урожаи происходятъ не постоянно: земля „выпахивается“ и урожай становится менѣе, но все-таки настолько значителенъ, что съ избыткомъ окупаетъ затраченный на обработку трудъ. При большихъ владѣніяхъ обыкновенно землѣ дается отдыхъ, т. е. она лежитъ извѣстное количество времени въ залежи.

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что жители селеній луговой стороны Волги, какъ коренные, такъ и пришлые поселенцы, блаженствовали, т. е. не испытывали ни въ чемъ недостатка. Не хуже жилось и въ горной сторонѣ. Здѣсь почва точно также отличалась значительнымъ плодородіемъ; посѣвы давали не меньшіе урожаи; кромѣ того по берегу Волги разводились сады, своимъ громаднымъ урожаемъ фруктовъ дававшіе возможность побережнымъ жителямъ самостоятельно заниматься только садоводствомъ, предоставляя занятіе обработкою земли другимъ лицамъ, живущимъ на значительномъ разстояніи отъ рѣки.—Такимъ образомъ земледѣльцамъ въ низовомъ Поволжьѣ, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу, жилось очень легко. Къ тому и обработка земли отличалась крайнею простотою и легкостью. Въ степяхъ обрабатывали плугомъ, въ горной сторонѣ сохою. Пахали только одинъ разъ, а, затѣмъ, и сѣвъ.—Въ прежніе годы засѣвали исключительно пшеницу, но съ теченіемъ времени на-ряду съ нею начала сѣяться и рожь, такъ какъ и она давала урожаи, нисколько не уступающіе пшеницѣ.

Посмотримъ теперь на самый образъ жизни поволжцевъ, касаясь преимущественно сбыта ими хлѣба и расхода денегъ. Въ этомъ отношеніи всю группу земледѣльцевъ мы позволимъ себѣ съ крайнею осторожностію, не оскорбляя личнаго чувства, раздѣлить на двѣ категоріи: луговыхъ и горныхъ. Луговые обитатели, отличаясь болѣе мягкимъ, болѣе слабымъ характеромъ, къ тому-же склонностію жить „какъ слѣдуетъ“, при этомъ немного смѣломъ желаніи не особенно заглядываютъ въ будущее, вполне полагаясь на свою кормилицу, матушку-степь: хлѣбъ, за исключеніемъ

остатка на свое пропитаніе и будущій посѣвъ, продается весь, иногда безъ выжиданія даже надлежащихъ цѣнъ, а деньги, полученные за товаръ, немедленно уходятъ въ чужія руки за покупки какихъ-либо зачастую излишнихъ бездѣлушекъ для чадъ своихъ и домочадцевъ. Не мудрено поэтому, что въ послѣдніе годы, при самомъ началѣ недородовъ, у жителей луговой стороны скорѣе почувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ и финансахъ и они скорѣе приступили къ продажѣ самыхъ необходимыхъ предметовъ хозяйства, лишая себя даже возможности продолжать самостоятельно свой трудъ. Конечно, не всѣ степняки отличаются подобнаго рода безпечностію; есть между ними лица, крайне бережливыя, расчетливыя, но мы рѣшаемся высказать приведенный нами выше взглядъ на всю степь согласно словамъ самихъ-же степняковъ, безъ особаго стѣсненія высказывающихъ о себѣ свое собственное мнѣніе.—Обитатели горной стороны отличаются твердостью характера и вообще большею расчетливостію въ домашнемъ обиходѣ. Горный житель—не степнякъ; онъ трудно поддается на уловки „искателей тумаконъ“, т. е. лицъ, живущихъ единственнымъ промысломъ обмана простыхъ людей, а скорѣе самъ поймаетъ на удочку смѣлаго охотника до чужихъ денегъ, конечно, съ „не совсѣмъ пріятными послѣдствіями“ для любителя. У горнаго жителя, какъ хозяина, хранится всегда „копѣечка на черный день“.—Такъ-то жили и поживали поволжцы до начала 1886 года: „ни заботы, ни печали; все шло какъ по маслу“. Правда, иногда мѣстами нѣкоторыя селенія испытывали неурожаи: или вслѣдствіе бездождія, или вслѣдствіе истребленія посѣвовъ насѣкомыми, вродѣ полоской саранчи или другихъ, или, наконецъ, посѣвы терпѣли отъ сусликовъ, однако всѣ эти неурожаи являлись мѣстными, не могшими вліять на цѣны хлѣбовъ по всему Поволжью. Съ 1886 года замѣчается полнѣйшій недородъ по всему Поволжью, при томъ годъ-отъ-году дѣлающійся все болѣе и болѣе значительнымъ. На-ряду съ недородомъ хлѣба происходитъ совершенный неурожай кормовъ. Вслѣдствіе этого поволжцы испытываютъ двойной недостатокъ: въ хлѣбѣ и кормѣ для скота. Такого рода двойной недостатокъ ведетъ прежде всего къ продажѣ лишняго скота, дабы сохранить ничтожный остатокъ денегъ на покупку хлѣба, а полученные отъ продажи деньги из-

расходовать на кормъ оставшейся, не могущей быть проданной безъ явнаго ущерба для хозяйства въ смыслъ производства посѣва хлѣба, скотины. При этомъ, нужно замѣтить, цѣны на продаваемый скотъ достигли самыхъ ничтожныхъ цифръ, такъ какъ покупателей являлось слишкомъ мало, да и тѣ, которые производили куплю, рассчитывали или имѣли въ виду стоимость содержания животнаго въ теченіе зимняго періода времени при безпрерывно возрастающей цѣнѣ на кормъ.

Продажа крестьянами лишняго скота не могла однако спасти ихъ отъ дальнѣйшихъ бѣдствій, потому что неурожай хлѣба и корма продолжался. Гдѣ только возможно было занять сѣмянъ въ надеждѣ на будущій урожайный годъ, вездѣ было позанято. Крестьяне очутились въ самомъ незавидномъ положеніи.—Весною 1891 года были сдѣланы послѣднія усилія произвести посѣвъ; нѣкоторые крестьяне, у которыхъ не достало средствъ на приобрѣтеніе сѣмянъ, обратились въ экономіи съ предложеніемъ работать изъ половины, т. е. на обязанность свою крестьянинъ бралъ обработать своими средствами экономическую землю, засѣвая ее сѣменами экономіи, уродившійся хлѣбъ сжать и раздѣлить пополамъ.—Всѣ со страхомъ заглядывали впередъ; всѣхъ страшила мысль могущаго произойти неурожая по примѣру только что минувшихъ лѣтъ. Безпечный, довольный поволжскій крестьянинъ перемѣнился и, какъ говорится, „оробѣлъ“. Да и было съ чего „оробѣть“: посѣвъ 1891 года для крестьянина составлялъ все; на немъ основывалась вся его надежда на подъемъ совершенно пришедшаго въ упадокъ благосостоянія; на этотъ посѣвъ, какъ на послѣднюю карту, онъ ставилъ все свое послѣднее достояніе и съ невольнымъ трепетомъ ожидалъ результата игры, іюля мѣсяца.

При указаніи на недороды хлѣба съ 1886 года, мы преимущественно касались быта крестьянъ. Теперь посмотримъ, какъ велись во все это время, т. е. во время недородовъ, дѣла въ экономіяхъ. Чтобы яснѣе представить себѣ положеніе владѣльцевъ, мы позволимъ себѣ раздѣлить ихъ на нѣсколько группъ, имѣя въ основаніи этого дѣленія капиталъ и степень основательности каждаго изъ домовладѣльцевъ въ веденіи хозяйства. Къ первой группѣ я позволяю себѣ причислить капиталистовъ, которые, благодаря своимъ средствамъ, не только легко перенесли недороды, но даже

съ своей стороны дѣлали пожертвованія въ пользу бѣдняковъ. Вторая группа—это владѣльцы экономій съ незначительными средствами, живущіе единственно посѣвами. Эти лица должны были значительно сократить расходы и вообще въ эти печальные годы вести строгую экономію во всемъ, если не хотѣли закладывать свои участки. Третью группу составляютъ прогорѣвшіе, промотавшіеся владѣльцы, заложившіе свои экономіи въ какомъ либо учрежденіи. Въ счастливыя времена урожая эти весельчаки жили безъ всякой заботы: ежегодно, по окончаніи уборки хлѣба, производилась продажа его, изъ вырученныхъ денегъ вносились проценты за залогъ имѣній, а остатокъ расходовался на разныя хозяйственныя потребности и барскія причуды. Когда начались недороды, эти „баричи“ въ силу необходимости должны были опять-таки обратиться къ залогодателямъ съ просьбами дать имъ, для спасенія, денегъ подъ вторую закладную. Эти средства уже пришлось употребить не на личныя прихоти, а на уплату процентовъ за первый залогъ и на расходъ по посѣву 1891 года. Такимъ образомъ и эти господа находились въ отнюдь не лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне, употребившіе свое послѣднее имущество на посѣвъ въ надеждѣ на избавленіе отъ претерпѣваемыхъ бѣдствій. Я не буду описывать положеніе арендаторовъ; оно ясно само по себѣ. У арендатора тройная забота: уплатить аренду, возратить свои затраты и, наконецъ, получить что-либо за труды и хлопоты. Какъ-же и имъ было не опасаться за посѣвъ 1891 года?—Изъ всего описаннаго можно себѣ представить, съ какимъ, во 1-хъ, страхомъ производился всѣми посѣвъ; во 2-хъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ посѣвщики слѣдили за всходами хлѣбовъ и, затѣмъ, дальнѣйшимъ ихъ ростомъ.—Весна 1891 года была слишкомъ ранняя, такъ что и сѣвъ былъ сдѣланъ „чуть-ли не въ послѣднихъ числахъ марта“. Такое, небывалое на ихъ памяти явленіе заставляло очень многихъ хлѣбопашцевъ сильно и сильно призадуматься. Нѣкоторые предполагали въ немъ все хорошее, другіе наоборотъ. Но дружная весна, періодически проливаемые дожди, прекрасные всходы посѣвовъ—все это вначалѣ говорило за урожай и разсѣвало грустныя мысли. Но не долго пришлось утѣшать себя свѣтлыми надеждами: вскорѣ прекратились дожди и началась нестерпимая жара. Ко всему этому при-

соединилась „мгла“, еще болѣе способствовавшая выгоранію хлѣба. Во многихъ мѣстахъ хлѣбъ былъ сожженъ еще въ началѣ его роста, такъ что во время уборки не представлялось никакой возможности даже собрать солому для корма скота. Все Поволжье подверглось страшному неурожаю, въ конецъ раззорившему бѣдныхъ земледѣльцевъ, возлагавшихъ свою послѣднюю надежду именно на этотъ годъ. Сборы хлѣба были настолько ничтожны, что во многихъ мѣстахъ находили болѣе выгоднымъ не производить даже ихъ. Находились, правда, небольшія мѣстечки, гдѣ урожай былъ даже очень хорошій, но такихъ мѣстъ насчитывалось единицами, тогда какъ все въ окружности если и дѣлало сборъ посѣва, то дѣлало это для успокоенія своей совѣсти. Вообще, повторяю еще разъ, неурожай 1891 года былъ полнѣйшій, общій для всего Поволжья. — Теперь уже земледѣльцы не думали о томъ, какъ они будутъ производить посѣвъ на будущій 1892 годъ; напротивъ, всѣ ихъ мысли, всѣ ихъ грустные мечты сосредоточились лишь на разъясненіи вопроса, какъ будутъ они проводить жестокую, голодную зиму. Дѣйствительно, у многихъ не осталось уже ничего годнаго къ продажѣ, между тѣмъ семьи были довольно значительныя; заработковъ-же — положительно никакихъ. Въ эту-то тяжелую пору само Правительство подаетъ руку помощи голодающимъ; оно выдаетъ земствамъ ссуды, а уже земства покупаютъ хлѣбъ и выдаютъ нуждающимся, голодающимъ земледѣльцамъ. Не будемъ, однако, утѣшать себя ложною мечтою, что всѣ были обеспечены отъ нужды выдачею земскаго продовольствія; нѣтъ! находилось множество семей, хотя и получавшихъ хлѣбъ отъ земства, но буквально умиравшихъ съ голоду. Все это зависѣло отъ правилъ, установленныхъ для руководства къ выдачѣ. По правиламъ получать пособіе имѣли право только недостижшіе семнадцатилѣтняго возраста мальчики, дѣвицы и замужнія женщины; наконецъ, старики и старухи. Остальные члены семьи, т. е., понятно, мужчины считались работниками, могущими пріобрѣсти себѣ кусокъ хлѣба на пропитаніе, а поэтому, и лишенные права на получение ссуды. Вообразимъ себѣ семью, состоящую изъ трехъ взрослыхъ сыновей, еще нестарого отца и матери. По правилу пособіе получаетъ одна мать. Остальные члены, не смотря на свое согласіе работать даже изъ одного только хлѣба, за со-

вершеннымъ отсутствіемъ работъ, а слѣдовательно и наемщиковъ, вынуждены голодать, и изыскивать какія либо средства къ пріобрѣтенію пропитанія. Число такихъ несчастливцевъ еще болѣе увеличилось отъ того, что даже довольно значительныя экономіи въ виду неурожая рассчитали большую часть рабочихъ, оставивъ самыхъ лишь необходимыхъ и то съ условіемъ уменьшенія жалованья и принятія на себя лишнихъ обязанностей. Въ виду столь значительнаго народнаго бѣдствія, дабы дать заработокъ нуждающимся, во многихъ мѣстахъ были открыты общественныя работы, которыя, представляя возможность ежедневнаго труда, а слѣдовательно, и заработка, спасли тысячи людей отъ неминуемой голодной смерти. Въ своемъ описаніи этой трудной години мы не будемъ описывать подробно различныя учрежденія, специально назначенныя для помощи несчастнымъ, не будемъ упоминать о комитетахъ, имѣвшихъ въ своемъ назначеніи ту же цѣль, но будемъ касаться лишь частныхъ явленій, наиболѣе характеризующихъ тяжкое положеніе населенія. Самою главною причиною голоданія семей, даже получавшихъ пособіе на каждаго изъ членовъ, являлась неумѣренность и нерасчетливость. Извѣстно, что въ крестьянской семьѣ, если садятся обѣдать, то обѣдаютъ или, лучше сказать, ѣдятъ до тѣхъ поръ, пока, какъ говорится, „кусокъ не полѣзетъ обратно изъ горла“. При ограниченной выдачѣ ссуды (около пуда на мѣсяць) она истреблялась въ самый непродолжительный срокъ, а затѣмъ начиналась голодовка. — Семья собиралась и отправлялась странствовать — т. е. кормиться міромъ. Но можно-ли было отъ этого ожидать помощи, когда приходилось путешествовать по такимъ же голоднымъ мѣстностямъ? Поэтому почти ежедневно, живущимъ около большихъ дорогъ, приходилось видѣть изнуренныхъ голодомъ и дорогою страдальцевъ, возвращавшихся домой, гдѣ ихъ, по крайней мѣрѣ, ожидалъ одинъ лишь голодъ. Видя безуспѣшность странствованія, многіе голодающіе начали изыскивать средства дѣлать суррогаты хлѣба съ цѣлью увеличить количество его: примѣшивали различнаго рода примѣси, иногда очень неудачно, послѣ пріема которыхъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ открывались различныя болѣзни и тѣмъ увеличивались страданія еще болѣе. Въ эту печальную, грустную годину называли счастливецомъ того человѣка, у котораго семья состояла изъ малолѣтокъ. Руковод-

ствовались въ этомъ случаѣ, и не безъ основанія, тѣми доводами, что малютка не съѣсть въ мѣсяцъ пуда выдаваемой муки, слѣдовательно остатокъ пойдетъ въ пользу отца. При пяти, шести малолѣткахъ семья могла даже производить ежемѣсячно экономію. Такъ обстоятельства заставляютъ мѣнять взглядъ на жизнь; высказывать мнѣнія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя высказывались нѣсколько минутъ тому назадъ. Жалкая слабость человѣческаго характера!

Многія общества общими своими приговорами сдавали самые необходимые для своихъ хозяйственныхъ потребностей выгоны, а иногда даже уже спаханныя для себя подъ посѣвъ земли, и полученные деньги употребляли по раздѣлу между собою на покупку хлѣба. Однако, за какую цѣну могла быть произведена сдача земли при общей нуждѣ, при общемъ бѣдствіи? Если земля и снималась у крестьянъ въ аренду, то снималась кулаками, радующимися представившемуся случаю легкой наживы, за самую невѣроятную цѣну. Такъ, вполне обработанная десятина, сороковая (3200 кв. саж.) сдавалась за два рубля, тогда какъ обыкновенная ея сдача—десять, двѣнадцать рублей. Такое ненормальное положеніе въ сельскомъ хозяйствѣ, обусловливаемое крайнею нуждою крестьянъ, заставило Правительство обратить на это серьезное вниманіе. Въ виду явной эксплуатаціи барышниковъ рѣшено было отобрать сданную имъ крестьянами землю и возратить безвозмездно послѣднимъ для пользованія, тѣмъ болѣе что иначе совершенно прекращалась для земледѣльца возможность какъ-нибудь по немногу снова поправить свое хозяйство и уплатить деньги за выдававшуюся казенную ссуду на прокормленіе, а, затѣмъ, сѣмянъ казенныхъ на производство новаго посѣва, рѣшеннаго Правительствомъ къ непрерывному производству. Но обратимся нѣсколько назадъ. Сдача земель въ аренду за безцѣнокъ, понятно, способна была отдалить голодовку лишь на самый ничтожный промежутокъ времени. За нимъ слѣдовала опять такая же страшная нужда. Въ виду устраненія ея многіе рѣшались на послѣднее, отчаянное средство: продавали свои дома. Невозможно безъ грусти вспомнить, какъ эти голодные несчастливцы увеличивали свое несчастіе, оставаясь и безъ крова. Плата за проданныя убожища получалась баснословная, чему мы сами были свидѣтелями при такого рода продажахъ

въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи. Лишившись своего убѣжища, безпріютные страдальцы поселялись иногда изъ милости, иногда за плату, поселялись къ сосѣдямъ на квартиры, покупая себѣ хлѣбъ на вырученныя отъ продажи деньги въ ожиданіи быстро приближающейся весны, а съ нею и возможнаго избавленія отъ страшной нужды и лишеній, перенесенныхъ въ зимнюю пору.

Чѣмъ кормили крестьяне скотъ? Я уже упоминалъ, что большая часть посѣвовъ была выжжена зноемъ при началѣ ихъ роста, такъ что не было возможности вслѣдствіе низкорослости соломы производить уборку косою или серпомъ, почему многіе отказывались отъ работы. Однако нѣкоторые заботливые хозяева, хорошо зная, что своимъ кормомъ не „протащишь“ нужную скотину до весны, просили отступившихся отъ уборки хозяевъ дозволить пользоваться на ихъ посѣвѣ чѣмъ возможно. По разрѣшеніи эти труженики таскали съ корнемъ солому руками и такимъ образомъ увеличивали количество находящагося у нихъ корма. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти ухищренія, скотъ къ концу весны выносилъ такую же голодовку, какъ и люди, и масса, напримѣръ, лошадей была до такой степени заморена недостаткомъ пищи, что не могла уже выправиться ни весною, ни лѣтомъ наступившаго 1892 года, когда урожай кормовъ былъ значителенъ. Цѣны на кормъ доходили до невѣроятныхъ цифръ. Такъ за лежалую, трехгодичную солому платили отъ 10 до 15 рублей, да и этотъ незавидный кормъ трудно было достать за недостаткомъ кормовъ даже въ значительныхъ экономіяхъ, вынужденныхъ точно также прибѣгнуть къ куплѣ. Да и въ другомъ отношеніи многія экономіи терпѣли нужду, т. е. я хотѣлъ сказать не владѣльцы экономій, а тѣ несчастные, которые изъ милости были оставлены служащими за ничтожную плату при двойной работѣ. Экономіи ушли настолько далеко въ сокращеніи расходовъ по содержанію служащихъ, что взамѣнъ чистой ржаной муки выдавали для печенья хлѣба одну треть ржаной и двѣ трети ячменной муки. Сокращена была точно также выдача „приварка“.

Приближающаяся весна возвѣстила всѣхъ земледѣльцевъ о выдачѣ сѣмянъ на посѣвъ „отъ казны“. Опять воскресъ русскій челоѣкъ, опять у него зародилась надежда. Еще съ большею

охоту, съ большимъ рвеніемъ принялся онъ за трудъ, и надежды его оправдались: урожай 1892 года былъ настолько достаточенъ, что желать большаго послѣ перенесенныхъ трудовъ и страшныхъ лишеній было невозможно. У обитателей Поволжья, совершенно упавшихъ духомъ, опять начала воскресать надежда на возвращеніе прежнихъ, счастливыхъ годовъ.

Первоначальные недороды и, затѣмъ, положительный неурожай совершенно измѣнили жизнь, а можетъ быть, и прежній взглядъ на нее у обитателей Поволжья, заставивъ относиться ко всему крайне осторожно, крайне осмотрительно. Урокъ былъ данъ, хотя и крайне жестокой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне поучительный. — Разсматривая въ настоящее время положеніе крестьянъ пострадавшей мѣстности, приходишь къ самымъ печальнымъ выводамъ относительно ихъ положенія и относительно возможности исправить его, привести въ прежнее состояніе. Прежде всего нужно замѣтить, что крестьяне впали въ значительные казенные долги въ видѣ оброчныхъ статей и т. п., затѣмъ задолжали земству за продовольствіе и сѣмена и, наконецъ, разстроили все свое хозяйство, которымъ, нужно сказать, положили руку на сердце, большинству приходится обзаводиться почти чуть-ли не вновъ. Такое положеніе, въ особенности при срочныхъ платежахъ долговъ (земству въ теченіе трехъ лѣтъ) еще далѣе отсрочиваетъ улучшение хозяйства, что во всякомъ случаѣ не можетъ не повліять вредно на производство земледѣльческихъ работъ. Кромѣ того на посѣвъ весною 1892 года сѣмянъ было выдано въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поволжья настолько ограниченное количество, что, не смотря на урожай, сборъ былъ слишкомъ недостаточенъ для покрытія всѣхъ нуждъ; къ тому-же нужно было отложить хлѣбъ на прокормленіе себя и на посѣвъ будущаго года.

И такъ, резюмируя все вышесказанное, мы представляемъ себѣ ясно положеніе поволжцевъ, сначала не знающихъ ни горя, ни слезъ, затѣмъ, въ короткое время лишаящихся всего состоянія, голодающихъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, находящихся на краю гибели, отъ которой спасаетъ ихъ милостивая рука Правительства, и, въ концѣ концовъ, все-таки не могущихъ даже помыслить въ короткій, непродолжительный срокъ поправиться или, какъ говорится, „стать на прежнюю точку“.

Весна 1892 года началась „въ свое время“; посѣвы были произведены своевременно и вообще все говорило въ пользу произрастанія злаковъ и травъ. Еще ранѣе, зимою, многіе предсказывали урожай, основываясь на чрезмѣрномъ количествѣ выпавшаго снѣга. Теперь, съ наступленіемъ весенняго разлива Волги, указывали на значительное поднятіе его уровня, какъ на вѣрный признакъ урожая.

И дѣйствительно, съ самаго засѣва погода не переставала быть самою благопріятною: при умѣренной теплотѣ періодически проливались дожди. Радовался земледѣлецъ при взглядѣ на увеличивающійся день-ото-дня хлѣбъ; взглядъ отдыхалъ на необозримомъ темно-зеленомъ коврѣ вырастающей уже въ трубку пшеницы, засѣянной или на неизмѣримомъ пространствѣ степи луговой стороны Волги, или по отлогимъ холмамъ, буеракамъ, доламъ горнаго берега ея.—Несмотря на примѣры прежнихъ лѣтъ, когда вся картина посѣва мѣнялась въ нѣсколько дней, когда мгла въ три дня сдѣлала изъ зеленыхъ, только начинающихъ ростъ хлѣбныхъ злаковъ, совершенно желтые, на видъ готовые къ уборкѣ, несмотря на столь быструю измѣнчивость обстоятельствъ, земледѣлецъ радовался и веселился, какъ будто-бы ему было подсказано о невозможности въ этомъ году какихъ-либо злополучныхъ переменъ. Этотъ, такъ сказать, внутренній предвѣстникъ, подсказывающій всякому о благополучіи посѣвовъ и прекращеніи ужасныхъ бѣдствій, не предвозвѣстилъ, однако, о томъ страшномъ и ужасномъ бѣдствіи, которое надвигалось изъ отдаленныхъ мѣстъ Закаспійскаго края, о которомъ хотя и печаталось въ газетахъ и говорилось даже среди темной массы народа, но которому русскій людъ никоимъ образомъ не хотѣлъ вѣрить, ссылаясь на выдумки праздныхъ ученыхъ людей и на вранье газетъ. Увѣренность свою или, скорѣе, полное убѣжденіе въ правильности своихъ взглядовъ онъ основывалъ на отдаленности появленія болѣзни, а затѣмъ на милосердіи Божіемъ. Такимъ образомъ душевное спокойствіе почти до половины іюня мѣсяца не нарушалось ничѣмъ. — Когда холера стала приближаться все ближе и ближе, перешла даже въ Баку и другіе приморскіе города, Правительство немедленно озаботилось принятіемъ крайнихъ мѣръ противъ появленія страшной гостыи. На

многихъ проѣздныхъ пунктахъ были учреждены карантинныя, всюду по городамъ начали строиться холерныя больницы, производиться очистка улицъ, дворовъ, дезинфицироваться жилища, грязныя помѣщенія бѣдняковъ, отводиться кладбища для погребенія холерныхъ умершихъ. Понятно, что ко всему этому и медицинскій персоналъ былъ увеличенъ въ значительной степени противъ прежняго, при чемъ были назначены врачи, фельдшера и прочіе служащіе специально для борьбы съ заразою. Назначенныя Правительствомъ мѣры можно назвать самыми рациональными, самыми доступными по легкости исполненія для всякаго лица, въ смыслѣ ихъ дешевизны, такъ какъ нѣкоторыя мѣры предосторожностей возлагались къ исполненію на самихъ обывателей, и, наконецъ, по ихъ своевременности, т. е. объявленію о принятіи этихъ мѣръ для приведенія въ исполненіе задолго до появленія ужасной болѣзни.

Такъ казалась, и кажется, и будетъ казаться цѣлесообразность какого-либо мѣропріятія, всегда давно желанною и охотно исполняемою для развитаго класса людей; люди-же не развитые, не могущіе понять, представить себѣ пользы мѣропріятія, зачастую слушающіе отъ какихъ-нибудь праздношатающихся шалопаевъ совершенно противорѣчащія здравому смыслу поясненія, увлекаются ими и до такой степени вѣрятъ въ правдоподобность этихъ поясненій, что никакіе доводы, никакія разумныя увѣренія объ ихъ ошибкѣ въ убѣжденіи не приведутъ ни къ какому результату: человекъ дѣлается совершеннымъ истуканомъ, деревомъ.

Подобнаго рода неразвитыхъ личностей, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ Поволжья насчитываются милліоны.

Легко поэтому судить, какъ они взглянули на первыя мѣропріятія для борьбы съ холерою. Кстати нужно замѣтить, что Поволжье кишитъ старообрядцами, непримиримыми врагами медицины, считающими всякія лекарства „дѣломъ сатаны“, поэтому еще понятнѣе дѣлается, почему простонародіе съ самаго начала, или еще до начала эпидеміи стало въ самыя враждебныя отношенія къ принимаемымъ противухолернымъ мѣрамъ, выразившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поволжья въ довольно значительныхъ беспорядкахъ. Эти беспорядки возникли прежде всего въ Астрахани. Когда начались первоначальныя приготовленія къ встрѣчѣ

азіатской гостѣи, народъ, хотя смотрѣлъ на это враждебно, однако не позволялъ себѣ выразить открыто свою вражду; эпидемія появилась въ городѣ, холерныя больницы въ лицѣ ихъ служащихъ подавали помощь больнымъ и, казалось, все пойдетъ „своимъ чередомъ“; незваная гостѣя встрѣтитъ для себя „хорошій пріемъ“.

Однако, этому предположенію не суждено было совершиться. — Вскорѣ по городу начали ходить невѣроятныя, нелѣпыя, неимѣющіе даже тѣни основательности, слухи, будто врачи морятъ народъ, что въ холерныхъ баракахъ больныхъ связываютъ, живыхъ кладутъ въ гроба и, затѣмъ, живыхъ-же хоронятъ. — Къ ходящимъ по городу бессмысленнымъ нелѣпостямъ обыкновенно прибавлялось въ видѣ аргумента, конечно тоже вымышленное доказательство вродѣ нижеслѣдующаго. Одинъ больной, да и больной-то не холерный, забранный за какое-то неловко сказанное фельдшеру слово въ баракъ, уже влекомый для положенія во гробъ, вырвался изъ рукъ мучителей и прибѣжалъ домой, гдѣ и рассказалъ про всѣ видѣнныя имъ тиранства, производимыя надъ больными въ холерной больницѣ. Подобнаго рода слухи естественно разжигали большую и большую ненависть къ медицинскому персоналу и уничтожали въ тѣхъ, кто имѣлъ незначительную долю вѣры во врачебную помощь, эту слабую вѣру, невольно заставляя ихъ присоединяться къ противному лагерю. Наконецъ, въ одинъ моментъ вслѣдствіе распространившагося какого-то ложнаго слуха, какъ передавали бывшіе очевидцами безпорядковъ, слуха вродѣ того, будто-бы санитары зацѣпили желѣзными крючками какого-то заболѣвшаго на улицѣ человѣка и потащили въ фургонъ для доставки въ холерный баракъ, собрались въ разныхъ мѣстахъ города громадныя толпы народа. Результатомъ собранія черни были безпорядки, произведенные ею по городу, выразившіеся въ сожженіи холерной больницы, убійствѣ нѣкоторыхъ изъ служителей, кощунствѣ надъ умершими, вытасканными чернью изъ больницы въ гробахъ, доставленіи больнымъ ужасныхъ страданій перемѣщеніемъ ихъ изъ покойнаго больничнаго помѣщенія на улицу, явномъ неповиновеніи и даже вооруженномъ сопротивленіи властямъ, разгромленіи квартиръ врачей и массѣ другихъ безчинствъ.

Спрашивается, кто болѣе выдѣлялся своею свирѣпостію или

большимъ усердіемъ въ произведеніи безпорядковъ, кто, такъ сказать, шелъ впереди толпы? На этотъ вопросъ какъ-то не ловко, странно отвѣчать, потому что отвѣтъ, на первый взглядъ, кажется именно страннымъ и непонятнымъ. Оказывается, что впереди бунтующей толпы шли мальчишки, которые своимъ крикомъ „ура“ какъ-бы ободряли, подзадоривали взрослыхъ на совершеніе различнаго рода безчинствъ. И подобное явленіе,—предводительство мальчишекъ,—замѣчалось въ каждой собравшейся для безпорядковъ толпѣ.—Затѣмъ, въ толпахъ замѣчались лица, составляющія самые поддонки общества, выражаясь языкомъ древнихъ, „городская сволочь“, которую, пожалуй, не столько интересовали передаваемая изъ устъ въ уста сообщенія про яко-бы творящееся ужасающее, потрясающее до мозга костей безобразіе въ больницѣ для холерныхъ больныхъ, сколько самое производство безпорядковъ, во время которыхъ можно безнаказанно пріобрѣсти что-либо изъ чужаго движимаго имущества. Наконецъ, среди этого отребья находилось незначительное число собственно гражданъ, имѣющихъ осѣдлость, опредѣленные занятія. Эти послѣднія лица попадали въ толпы буяновъ скорѣе по своей глупости, нежели побуждаемые какими либо другими, опредѣленными, выработанными ими самими взглядами на происходившее въ городѣ противодѣйствіе страшной болѣзни. Впрочемъ, среди нихъ были люди и со взглядами, а именно такіе, о которыхъ я говорилъ выше, направляющіеся, можетъ быть, за своими учителями-пояснителями. Эта собравшаяся чернь, побуждаемая одними животными, табунными инстинктами, не признающая ничего Божественнаго, не признающая ни власти, ни закона, могла быть усмирена лишь одною силою. Убѣжденія были совершенно излишни и, если-бы еще можно было рассчитывать на нихъ, то развѣ только въ самомъ началѣ безпорядковъ, когда еще толпа, подобно дикому звѣрю, не увидала крови и огня. Когда-же начался разгромъ, никто не слушалъ благоразумныхъ увѣщаній, а руководствовался своими грубыми инстинктами. Такъ, даже увѣщаніе г. начальника губерніи не дѣйствовало на разъяренныхъ звѣрей въ человѣческомъ образѣ, производящихъ безобразія на основаніи самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ глупыхъ убѣжденій; лишь одна физическая сила быстро, въ одинъ моментъ смиряла, заставляла затихнуть возбужденныя страсти

толпы.—И что, въ этомъ случаѣ, болѣе всего интересно — это именно скорый, быстрый переходъ изъ одного состоянія въ другое, изъ самаго возбужденнаго въ самое тихое, смиренное, доходящее до раболѣпствованія, и все благодаря только единственно силѣ, угрожающей опустить свой Дамокловъ мечъ надъ безумно дѣйствующими головами черни. Все это весьма рельефно обрисовалось при безпорядкахъ въ Астрахани.

Теперь возвратимся нѣсколько назадъ; постараемся уяснить себѣ вопросъ: какіе, чьи мальчишки участвовали въ буйствѣ черни, откуда могли они появиться и могли стать впереди въ качествѣ зачинщиковъ? Это—дѣти бѣднѣйшихъ жителей города, населяющихъ самыя окраины города, населяющихъ тѣ отдаленныя улицы города, по которымъ, какъ выразился остроумно одинъ человѣкъ, посѣтившій эти окраины съ ихъ грязными улицами, „нѣтъ прохода ни днемъ, ни ночью; ночью—отъ взрослыхъ воровъ и мазуриковъ, днемъ отъ мальчишекъ, толпами накидывающихся на прохожихъ съ цѣлью дерзкаго приставанія къ нимъ, выражающагося или въ формѣ ругательства, или хватанія за платье, трости и т. п., или киданія въ прохожихъ камней, грязи, палокъ“.—Это дѣти улицы, воспитанныя подъ вліяніемъ людей, ищущихъ разныхъ мерзкихъ сценъ и скандаловъ. Не мудрено, поэтому, если эти дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, научаемыя или поощряемыя старшими, другъ передъ другомъ изощрялись въ изобрѣтеніи какихъ нибудь „фортелей“ для удовлетворенія, во 1-хъ, уже вкоренившейся въ нихъ страсти къ совершенію дурнаго поступка и, во 2-хъ, для утѣхи взрослыхъ, оцѣняющихъ поступки сообразно ихъ скабрёзости, а, затѣмъ, восхваляющихъ тѣхъ, которые умудрились сдѣлать самый гадкій „уличный подвигъ“. Спрашивается, какимъ-же образомъ родители дозволяютъ своимъ дѣтямъ портиться, развращаться на глазахъ у нихъ? Родители или сами получили ничѣмъ не лучшее воспитаніе, почему не только не поддерживаютъ, а наоборотъ, поощряютъ на смѣлые поступки своихъ дѣтей, или постоянно заняты заботою о дневномъ пропитаніи, препятствующемъ слѣдить за дѣтьми. Уличные-же воспитатели дѣтей—это то отребье, тѣ поддонки общества, которыя отвергли все человѣческое и погрузились въ омутъ пьянства, разврата и всего самаго худаго. Такимъ людямъ идти на произве-

деніе безпорядковъ, а можетъ быть, и возможное при этомъ совершеніе тяжкихъ преступленій, было не только не предосудительно, но, наоборотъ, радостно, пріятно.

Можно теперь судить, съ какимъ сбродомъ приходилось начальству имѣть дѣло! Весьма грустно, весьма тяжело вспомнить и о тѣхъ лицахъ, которыя, не щадя себя, смѣло шли на борьбу съ ужасною, страшною болѣзнію, шли на смерть, и вдругъ сдѣлались жертвою этихъ негодаевъ, незаслуживающихъ даже названія людей...

Я не описывалъ всѣ подробности астраханскихъ безпорядковъ, убѣжденный, что всѣ великолѣпно узнали про нихъ изъ газетъ, но для меня было важно разъяснить самые важные вопросы касательно безпорядковъ: кто были или къ какому слою общества принадлежали бунтовщики, откуда получились невѣроятные слухи о холерныхъ больницахъ, докторахъ и проч.

Теперь я перехожу къ безпорядкамъ въ Саратовѣ. Опять-таки я не коснусь подробностей, но постараюсь разъяснить только болѣе интересные вопросы, касающіеся безпорядковъ. Прежде всего, конечно, интересуется вопросъ о причинѣ возникновенія безпорядковъ: были-ли эти причины тождественны съ астраханскими или нѣтъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ приходится скорѣе положительно, развѣ только съ нѣкоторыми вставками, прибавленіями.—Какъ въ Астрахани, такъ и въ Саратовѣ, прежде всего появилось нелѣпное мнѣніе, что доктора морятъ больныхъ, что часто, не дождавшись кончины, больныхъ кладутъ въ гроба и, такимъ образомъ, живыхъ отвозятъ на кладбище для погребенія. Кромѣ того, въ Саратовѣ прибыли изъ Астрахани нѣкоторые сорванцы, видѣвшіе все происходившее въ Астрахани, люди безъ дѣла, перекочевывающіе изъ города въ городъ, живущіе на чужой счетъ и не думающіе о будущемъ. Эти общественные паразиты рассказывали съ увлеченіемъ про случившееся „на низу“, иногда съ большими добавленіями и поясненіями отъ себя, и тѣмъ самымъ ободряли саратовское отребье къ произведенію безпорядковъ. Въ концѣ своихъ рассказовъ, паразиты обыкновенно указывали на бесиліе властей и на совершенную безнаказанность. Подобные подбодряющіе рассказы производили надлежащее дѣйствіе; всякій вѣрилъ имъ и былъ готовъ на все. Этими-то сообщеніями, какъ

я упомянулъ выше, о безсиліи власти и безнаказанности, скорѣ всего можно объяснить себѣ ту дерзость, то нахальство, съ которымъ чернь собиралась въ бунтующія толпы, дерзко совершала убійства въ городѣ, разбивала квартиры врачей, не смотря на присутствіе въ Саратовѣ значительнаго количества войскъ. Взглядъ этотъ получаетъ еще болѣе доказательства своей основательности въ томъ отношеніи, которое выказала чернь къ назначеннымъ для прекращенія безпорядковъ частямъ войскъ на требованіе ихъ „разойтись“, а именно: бросаніемъ въ солдатъ камней и положительнымъ равнодушіемъ къ возгласу, страшному для всякаго человѣка при иныхъ обстоятельствахъ: „будемъ стрѣлять!“ и, наконецъ, къ холостымъ залпамъ. Только уже, когда было сдѣлано нѣсколько настоящихъ выстрѣловъ и когда безумцы увидѣли, что съ ними не шутятъ, толпы стали расходиться.—Въ общемъ-же картина безпорядковъ представляется такою-же, какъ и въ Астрахани: тѣ-же мальчишки, какъ зачинщики, впереди, а затѣмъ уже прочій сбродъ. Здѣсь точно также дѣйствія черни были устремлены, главнымъ образомъ, на уничтоженіе холерныхъ больницъ, избіеніе медицинскаго персонала и разбитіе квартиръ врачей—картина тождественная астраханской. Совершенно иное замѣчается при безпорядкахъ, послѣдовавшихъ вскорѣ за саратовскими, безпорядкахъ въ Хвалынскѣ, уѣздномъ городѣ Саратовской губерніи. Здѣсь они возникли задолго до появленія эпидеміи, когда городскія власти только что выработали подробный проектъ приведенія въ исполненіе рекомендуемыхъ Правительствомъ мѣръ и приступили было къ его выполненію. Въ произошедшихъ хвалынскихъ безпорядкахъ лежитъ совершенно другое основаніе, нежели астраханскихъ и саратовскихъ. Здѣсь не могло даже быть и рѣчи о холерныхъ больныхъ, заживо погребаемыхъ, о звѣрствахъ, совершаемыхъ въ холерныхъ баракахъ, потому что больныхъ еще не было и баракъ еще отстраивался; здѣсь былъ возможенъ лишь одинъ изъ ряда вонъ выходящій своею бессмысленностію, своею безразсудностію, слухъ, будто кто-то (въ сообщеніяхъ назывался этотъ „кто-то“ общимъ именемъ „агличанка“) подкупилъ городскихъ властей, а вмѣстѣ съ ними и представителя медицинскаго персонала для предстоящей борьбы съ эпидеміей, врача Молчанова, выморить всѣхъ несчастныхъ хвалынцевъ, исключая, по-

нятно, богачей. Откуда могъ появиться подобный слухъ, кто былъ его изобрѣтателемъ—развязать этотъ гордіевъ узелъ мы рѣшительно отказываемся даже отъ всякой попытки, да и врядъ ли кто другой позволилъ-бы дерзнуть на разрѣшеніе столь труднаго, столь безразсуднаго вопроса. Однако этотъ слухъ былъ принятъ за фактъ; его не опровергали,—ему вѣрили.

Въ видѣ достовѣрности этого факта указывали на какой-то листъ, яко-бы подписанный многими значительными гражданами, который, т. е. листъ, видѣли, читали. За поводомъ къ безпорядкамъ тоже дѣло не стало. Явился городской пастухъ и объявилъ, что въ главный источникъ городского водопровода положенъ начальствомъ ядъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ клали его, что вотъ у него и пузырьки съ ядомъ, положеннымъ туда. вмѣстѣ съ этимъ разсказывается о другихъ случаяхъ отравленія жителей города разосланными начальствомъ для этой цѣли нанятыми служащими. Въ одинъ моментъ сообщеніе пастуха облетаетъ весь городъ: собираются толпы черни и прямо нападаютъ на представителей власти, какъ на лицъ подкупленныхъ, согласившихся выморить всю городскую бѣдноту. Жертвою безразсудства черни становится одинъ врачъ Молчановъ, остальные успѣваютъ скрыться. Тогда чернь, розыскивая виновниковъ, нападаетъ на квартиры и дома ихъ, разбиваетъ, грабитъ и продолжаетъ распоряжаться, хозяйничать въ городѣ около трехъ сутокъ, пока не прибыло войско. Общая картина безпорядковъ опять-таки та-же, что въ Астрахани и Саратовѣ: мальчишки, кричащіе „ура“ впереди, — а за ними безумные взрослые. Что касается остальныхъ служащихъ медицинскаго персонала, назначенныхъ для борьбы съ холерою, кромѣ Молчанова, то про нихъ даже не упоминалось во время безпорядковъ; точно также какъ не упоминалось и о почти совершенно отстроенномъ, готовомъ къ принятію холерныхъ больныхъ, баракаѣ. Всѣ враждебныя дѣйствія толпы были направлены противъ городской администраціи, преимущественно членовъ городской управы, виновныхъ, по мнѣнію толпы, на основаніи первыхъ появившихся слуховъ.

Дѣлая краткій обзоръ происходившихъ безпорядковъ въ Астрахани, Саратовѣ и въ особенности Хвалынскѣ, вглядываясь пристальнѣе въ причины этихъ безпорядковъ, невольно задаешь себѣ

вопросъ: правда-ли то, что безпорядки произошли именно изъ-за описанных мною слуховъ, принятыхъ чернью за чистую монету? Не правда-ли, вопросъ очень щекотливый, въ особенности если при отвѣтѣ на него имѣть въ виду одни лишь описанные слухи. Самымъ важнымъ и трудно разрѣшимымъ является, конечно, вопросъ о безпорядкахъ въ Хвалынскѣ. Не вдаваясь во всѣ тонкости казуистики, возможно и вполнѣ естественно отвѣтить, что въ основаніи находилась другая причина, а слухъ о подкупѣ служилъ лишь поводомъ къ возбужденію; но вопросъ, что была за первоначальная причина, вызвавшая простой народъ на безумныя дѣянія, — указать на нее, за неимѣніемъ данныхъ, невысказуемо. Однако въ подтвержденіе правильности нашего взгляда можно только сказать, что трудно себѣ представить, чтобы въ концѣ девятнадцатаго вѣка нашлись простячки, повѣрившіе отъ чистаго сердца такимъ, напримѣръ, слухамъ, какимъ повѣрили въ Поволжьѣ. Изъ городовъ безпорядки проникли и въ селенія, но тамъ они не могли имѣть серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ были прекращаемы въ самомъ зародышѣ.

Коснувшись безпорядковъ, этого первоначального бѣдствія 1892 года, побудившихъ Правительство ввести въ губерніяхъ Поволжья строгія, стѣснительныя правила, а Саратовскую губернію объявить даже на военномъ положеніи, мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію всѣхъ ужасовъ, причиненныхъ незваною гостею. Когда въ низовыхъ городахъ народъ началъ умирать массою, всѣ познали предсказанную начальствомъ истину. Множество народа, пріѣхавшаго „съ верховъ“ для заработковъ, бросили все и поспѣшно устремились на пароходы, надѣясь по добру, по здорову убѣжать отъ заразы. Однако болѣзнь постигала многихъ въ пути, и они высаживались въ ближайшихъ городахъ для поправки въ холерные бараки; многіе изъ бѣжавшихъ достигали своихъ мѣстъ и уже здѣсь заболѣвали холерою. Такіе бѣглецы болѣе всего и способствовали распространенію эпидеміи, которая къ концу іюля приняла значительные размѣры. Народомъ овладѣла паника. Всякій боялся за себя, неувѣренный, проживетъ-ли онъ до вечера, хотя утромъ и всталъ совершенно здоровымъ. Недовѣріе къ врачамъ пропало въ виду серьезной опасности. Лица, можетъ быть недѣлю, двѣ тому назадъ отрицавшія всякую пользу докторскихъ

совѣтовъ, теперь немедленно прибѣгали къ нимъ при малѣйшихъ признакахъ болѣзни. Страхъ у простонародія увеличивался еще болѣе вслѣдствіе быстроты хода болѣзни, возможности умереть безъ покаянія и, въ концѣ концовъ, быть погребеннымъ, не удостоившись даже отпѣванія въ церкви.

Во время эпидеміи умершихъ отъ холеры было воспрещено вносить и отпѣвать въ церквахъ. Ихъ приносили въ заколоченныхъ гробахъ на паперть, гдѣ и совершалось отпѣваніе. Ко всему этому присоединялся еще ужасъ умереть въ полѣ за работою, вдали отъ дома и по существующимъ правиламъ быть похороненнымъ гдѣ нибудь въ степи, а между тѣмъ время было самое горячее, рабочее — уборка посѣвовъ. Многіе изъ рабочихъ, ожидавшихъ многого отъ жнитва, изъ страха передъ болѣзнію рѣшались заниматься менѣе выгодными работами, нежели ѣхать жать за нѣсколько десятковъ верстъ, рискуя даже и не повидать по отъѣздѣ ни родныхъ, ни своего пепелища. Дѣйствительно, во время страды происходило множество заболѣваній холерою и здѣсь больные были уже совершенно лишены всякой помощи.

Иногда даже близкія лица, пріѣхавшія работать вмѣстѣ, при первыхъ приступахъ болѣзни убѣгали, какъ говорится, кто куда попало, и оставляли больного на произволъ судьбы. Еще печальнѣе обнаруживалась лютость болѣзни въ семействахъ. Бывали случаи, что отъ семи, восьми членовъ семьи менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю, оставалось два, три человѣка, а частенько и ни одного. Въ послѣднемъ случаѣ домъ заколачивался и своимъ видомъ наводилъ еще болѣе ужасъ на сосѣдей. Обитатели Поволжья совершенно пали духомъ; это бѣдствіе, это несчастіе для каждаго было страшнѣе и ужаснѣе только что перенесенной голодовки, во время которой каждый голодающій могъ самъ предпринять что-либо для избавленія себя отъ смерти; здѣсь-же смерть появлялась, не смотря на всевозможныя, принятые заранѣе мѣры. Поэтому очень многіе заранѣе приготовляли себя на всякій случай къ смерти постомъ, молитвою, исповѣдью и причащеніемъ. Чѣмъ далѣе развивалась болѣзнь, тѣмъ болѣе люди дѣлались боязливыми; боялись даже близко подходить другъ къ другу, опасаясь заразы. Въ особенности подобные случаи часто замѣчались среди обывателей, вѣрящихъ заразительности болѣзни. Прочіе—возлагали всю

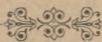
надежду на Всевышняго, съ нетерпѣніемъ ожидая наступленія холоднаго времени года.

Холерная эпидемія по числу бѣдствій, принесенныхъ ею множеству лицъ Поволжья, бѣдствій, не поддающихся даже описанію, какъ съ самаго начала появленія, такъ и послѣ даже ея прекращенія, можетъ считаться самою страшною, самою ужасною среди другихъ ударовъ судьбы, коимъ подвергалось Поволжье по крайней мѣрѣ въ послѣднее столѣтіе. Это бѣдствіе оказалось еще тѣмъ болѣе ужаснымъ, что оставило по себѣ печальный поминъ въ видѣ, напримѣръ, введенія въ Саратовской губерніи дѣйствія военныхъ законовъ; во 2-хъ, лишенія очень многихъ правъ чловѣческихъ и отсылки въ каторжныя работы безъ срока и, въ 3-хъ, печальнаго вѣчнаго сожалѣнія о безвременно погибшихъ, честныхъ страдальцахъ за свое стремленіе поработать, не смотря на явныя опасности, на пользу общества.

Итакъ передъ нами двѣ печальныя, двѣ ужасныя години, выпавшія на долю поволжцевъ: голодная и эпидемическая. Какъ первая, такъ и вторая не уступаютъ другъ другу, во-первыхъ, бѣдствіями, причиненными несчастнымъ обывателямъ, а, во-вторыхъ, самими послѣдствіями, оставленными, какъ воспоминаніе о печальныхъ, страшныхъ испытаніяхъ. Остается теперь рѣшить вопросъ, которая изъ годинъ была ужаснѣе по тѣмъ страданіямъ, которыя пришлось вынести народу, и по тому впечатлѣнію, которое каждая производила на переносящихъ, подвергающихся ея дѣйствіямъ. По нашему мнѣнію послѣдняя година, година эпидеміи, не можетъ быть даже сравниваема по своему ужасному проявленію съ голодовкою. Прежде всего, когда былъ удостовѣренъ полный неурожай въ Поволжьѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и полнѣйшій недостатокъ пропитанія, подготовленный еще недородами, начиная съ 1886 года, земство обратилось за помощью къ Правительству, которое явилось избавителемъ всѣхъ отъ нужды. Далѣе явились комитеты и другія благотворительныя учрежденія, которыя пришли на помощь страждущимъ. При этомъ помощь эта не можетъ сравниваться съ помощью при холерѣ уже по причинѣ ея вѣрности достиженія цѣли, тогда какъ помощь, оказываемая при холерѣ, сомнительная, не вполне вѣрная. Во время голодовки каждый изыскиваетъ себѣ средства на обезпеченіе себя, защиты

отъ бѣдствія въ будущемъ, при эпидеміи нѣтъ даже возможности объ отвращеніи отъ себя страшной болѣзни въ теченіе одного часа. Въ голодѣ человѣкъ лишается своего послѣдняго имуществва въ надеждѣ пріобрѣсти его послѣ, во время эпидеміи онъ теряетъ иногда самыхъ близкихъ, самыхъ дорогихъ существъ, незамѣнимыхъ ему никогда: ни сейчасъ, ни въ послѣдствіи, на которыхъ или для которыхъ онъ жертвовалъ собою, не щадя себя. Уже это послѣднее указаніе на бѣдствіе, приносимое холерою, въ видѣ утери самыхъ близкихъ существъ, даетъ основаніе признать за нею болѣе ужасное, болѣе страшное, болѣе тяжелое бѣдствіе, нежели за голодовкою. Мы можемъ представить нѣсколько случаевъ, бывшихъ въ годину эпидеміи, когда родители, узнавъ о преждевременной смерти своихъ дѣтей, находящихся гдѣ-либо на заработкахъ, отъ холеры, а потому, можетъ быть, и не удостоившихся церковнаго приготовленія къ отходу въ вѣчность, сами не выдерживали такого удара и заболѣвали разстройствомъ умственныхъ способностей. А развѣ мало значенія въ смыслѣ нравственной пытки, нравственнаго мученія имѣетъ тотъ постоянный страхъ, въ которомъ находится человѣкъ въ ожиданіи возможнаго заболѣванія!

Все, сказанное мною, вполне уясняетъ то состояніе поволжцевъ, въ которомъ они находились въ теченіе двухъ описанныхъ годинъ. Но каково-то было переносить имъ послѣднюю—„годину смерти?“ Вотъ всѣ наглядно описываемыя печальныя, роковыя годы для обитателей Поволжья.

Измѣненіе русла и фарватера рѣки Волги и слѣдствіе подобнаго рода измѣненій.

Изстари на Волгу стремился православный русскій людъ для разныхъ дѣлишекъ. Это стремленіе, имѣвшее, понятно, своего рода основаніе, годъ отъ году принимало все большіе и большіе размѣры и въ послѣднее время достигло своего апогея. Прибывали на Волгу большею частію люди дѣловые: или игравшіе здѣсь роль хозяевъ, или роль работниковъ. Но во время послѣднихъ навигацій, на пароходахъ стали замѣчаться пассажиры, стремящіеся на досугъ полюбоваться красотою прославленной рѣки, ея живописными берегами и достопримѣчательными мѣстностями — и только. Нѣкоторые изъ такихъ любителей природы не ограничивались однимъ лишь поверхностнымъ осмотромъ мѣстъ, расположенныхъ по берегамъ Волги, а равно и самой рѣки, но дѣлали описаніе всего видѣннаго ими, хотя часто въ самомъ сокращенномъ, самомъ сжатомъ видѣ. Къ такого рода описаніямъ, весьма неполнымъ, принадлежатъ и описанія измѣненій русла и фарватера рѣки: въ видѣ простыхъ перечней нахожденія этихъ мѣстъ; однако, въ нихъ не говорится о самомъ важномъ: это о вліяніи подобнаго рода измѣненій на матеріальную сторону городовъ, селъ, пароходныхъ обществъ и т. д. Приступая къ описанію измѣненій русла и фарватера Волги, мы не будемъ касаться причинъ измѣненій, представивъ это дѣло специалистамъ, — коснемся только описанія самаго процесса этихъ измѣненій и произведенныхъ ими послѣдующихъ явленій, оказывающихъ иногда значительное вліяніе на матеріальную сторону того или другаго лица.

Отправляясь отъ Нижняго-Новгорода внизъ по Волгѣ, мы встрѣ-

чаемъ одинъ изъ самыхъ важныхъ перекатовъ, находящихся на ней, такъ называемый «Телячій бродъ». Перекатами на Волгѣ принято называть тѣ мѣста рѣки, гдѣ фарватеръ ея настолько мелководенъ, что груженымъ, крупнымъ судамъ и большимъ пароходамъ, въ особенности въ лѣтнее время, въ періодъ мелководья, представляется масса затрудненій для прохода. Дно переката возвышено, каменисто, на подобіе каменной гряды, протянувшейся во всю ширину рѣки отъ лѣваго до праваго берега. Времени образованія этой гряды опредѣлить невозможно. Можно только сказать, что она существовала въ самыя стародавнія времена, но если на этомъ мѣстѣ не было переката, такъ причина заключается совершенно въ другомъ.

Замѣчено, что Волга годъ отъ году мелѣетъ все болѣе и болѣе; многія мѣста, покрытыя еще такъ недавно водою, представляютъ изъ себя въ настоящее время или открытыя мели или гривки, покрытыя разною растительностію, или что-нибудь подобное. Это общее измѣненіе рѣки имѣло, конечно, громадное вліяніе на уменьшеніе глубины перекатовъ, а, слѣдовательно, и соединенные съ нимъ: затрудненія прохода судовъ и большіе расходы на устраненія этихъ затрудненій. Расходъ—случайный, но и самый необходимый.—Мы не станемъ описывать подробныхъ изслѣдованій переката значительнымъ числомъ инженеровъ, не станемъ упоминать о массѣ проектовъ, скажемъ только, что послѣднимъ, конечнымъ сооруженіемъ была плотина, проведенная наискось отъ лѣваго берега къ правому, недоходящая, впрочемъ, до него на нѣсколько десятковъ сажень. Цѣль сооруженія этой плотины заключается въ томъ, чтобы устремить всю массу воды въ это искусственное, узкое русло и тѣмъ поднять уровень воды или, пначе, углубить фарватеръ на какой-нибудь дюймъ, полъ дюйма, недостающіе до нормы. Содержаніе подобнаго рода плотины обходится водяной коммуникаціи не дешево. Во-1-хъ, плотина требуетъ строгаго наблюденія за ея исправностію; во-2-хъ, ежегодно весной происходятъ большіе наносы песку и т. п., что требуетъ точно также нѣкоторыхъ

мѣропріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и излишнихъ расходовъ. Мы разсмотрѣли одно изъ измѣненій фарватера рѣки Волги. Упомянемъ, что подобнаго рода измѣненій на ней считается крайне мало.—Разсмотрѣли сооруженія для устраниенія неудобствъ плаванія въ этихъ мѣстахъ, — наконецъ, коснемся того случая, когда, не смотря на всѣ заботы водной коммуникаціи, плаваніе дѣлается, если и не совершенно невозможнымъ, то доступнымъ только для судовъ средней величины. Это случается обыкновенно въ сухое, жаркое лѣто. Волга мелѣетъ до того, что въ перекатахъ масса воды, какъ я указывалъ выше, устремленная хотя и въ узкій проходъ, уже не можетъ углубить фарватеръ до нормы, вслѣдствіе своего недостатка. Большія суда доходятъ до переката и останавливаются. Приходится ждать и ждать неизвѣстно сколько времени: это—дѣло случая; все зависитъ отъ прибыли воды. Прольетъ гдѣ-нибудь въ верхахъ сильный дождь,—въ итогъ поднятіе уровня рѣки. Стоянки судовъ у перекатовъ причиняютъ иногда громадныя убытки товаровладѣльцамъ и пароходнымъ обществамъ. Случается такъ, что рискованный продавецъ заключаетъ условіе продажи товара съ доставкой къ опредѣленному сроку, обезпечивая послѣднюю значительною неустойкою. Точно также и пароховладѣлецъ даетъ обязательство довести суда къ назначенному мѣсту въ условленное время подъ условіемъ платежа «штрафа». И вдругъ для плановъ обоихъ непреодолима преграда—перекать. Первоначально начинается комичное высчитываніе оставшагося до срока времени, ежеминутное наблюденіе надъ уровнемъ воды и, наконецъ, гаданіе, когда настанетъ счастливый день. Случается, что все обходится благополучно, но бываетъ и совершенно обратное. Иногда хозяинъ, рассчитавъ, что выгоднѣе перегрузить товаръ на мелкія судна, чѣмъ рисковать громадною неустойкою, тотчасъ приступаетъ къ работѣ и часто весьма удачно для своего кармана. Хотя убытокъ за перегрузку очевиденъ, однако, онъ все-таки не такъ великъ, какъ неустойка. Въ нашемъ описаніи мы прямо указали на «Телячій бродъ»,

совершенно умолчавъ о состояніи русла и фарватера до переката. Измѣненій въ руслѣ рѣки до этого пункта не замѣчается; что же касается измѣненій фарватера, то оно происходитъ, можно сказать, постоянно. Тамъ, гдѣ недавно находилась огромная мель, тамъ сейчасъ свободно бѣгаютъ пароходы и другія суда. Мель же, оказывается, перенесена на другое мѣсто и въ видѣ песчаной косы тянется на далекое пространство по направленію теченія. Нужно замѣтить, что подобнаго рода измѣненія общи для всего громаднаго пространства теченія рѣки и требуютъ поэтому постоянного, тщательнаго просмотра или провѣрки фарватера для обезпеченія безопаснаго плаванія судовъ.

Направляясь далѣе внизъ по Волгѣ, мы достигаемъ Казани. Городъ находится въ семи верстахъ отъ устья, т. е. отъ того мѣста, гдѣ находятся пароходскія конторки. Устьемъ это мѣсто называется потому, что здѣсь впадаетъ въ Волгу рѣка Казанка. Противъ конторокъ находится много построекъ, предназначенныхъ для разнаго рода коммерческихъ предпріятій: лавокъ, гостинницъ, трактировъ и т. д. Всѣ эти строенія, вслѣдствіе своего положенія на лѣвомъ, низменномъ берегу рѣки, въ весеннее половодье заливаются водою. Но все это для насъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ фактъ измѣненія здѣсь рѣкою Волгою своего кореннаго русла. Теченіемъ воды послѣдовательно отмывается лѣвый, песчаный берегъ, причемъ отмываемая земля относится внизъ по теченію; въ то же время берегъ правой стороны, отъ находящихся здѣсь Услонскихъ горъ, съ теченіемъ времени дѣлается болѣе и болѣе пространнымъ, что указываетъ на отходъ рѣки. Слѣдствіемъ этого было то, что строенія на устьѣ приходилось переносить далѣе отъ берега уже раза три. И подобнаго рода отмываніе берега совершается правильно, постоянно уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Существуетъ легенда, будто-бы въ отдаленнѣйшія времена Волга протекала около той возвышенности, на которой впослѣдствіи былъ выстроенъ г. Казань. Легенда эта на основаніи многихъ данныхъ лишена всякаго основанія. Можно только те-

перь раздумывать о настоящемъ положеніи Волги: далеко-ли она отойдетъ къ городу или нѣтъ—и только.—Спускаясь внизъ по рѣкѣ до г. Самары, мы не замѣчаемъ особенно рѣзкихъ измѣненій въ руслѣ рѣки. Замѣчается лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ незначительный отходъ рѣки отъ горнаго берега. Этотъ отходъ прекрасно вырисовывается при осмотрѣ мѣстности съ парохода. Вдали отъ воды обыкновенно виднѣются горы; между ихъ подножіемъ и рѣкой на низменномъ пространствѣ, покрытомъ бывшимъ когда-то дномъ рѣки кустарникомъ, повторяю, и вырисовывается то количество пространства, на которое отошла рѣка отъ берега. Впрочемъ эти ничтожныя измѣненія встрѣчаются и до Самары довольно часто. Что касается фарватера, то онъ измѣнивъ въ этихъ мѣстахъ, какъ и отъ Нижняго-Новгорода до Казани, развѣ только съ нѣкоторымъ различіемъ въ предѣлахъ Жегулевскихъ горъ.

Далѣе на очереди по важности стоитъ пространство рѣки Волги у г. Хвалынска. Значеніе этого мѣста заключается для насъ, какъ въ рѣзкомъ измѣненіи здѣсь самого русла, такъ и фарватера рѣки. Для большей ясности, мы сдѣлаемъ первоначально описаніе положенія Волги подѣ Хвалынскомъ въ настоящее время.

Рѣка здѣсь раздѣляется островомъ на двѣ части, изъ которыхъ та, которая протекаетъ вдоль лѣваго берега, носитъ названіе «коренной Волги», а та, которая течетъ вдоль праваго—«Воложки». Встарину, рассказываютъ, было совершенно наоборотъ. Коренная Волга считалась у праваго берега, а лѣвая обтекала островъ кругомъ и составляла часть правой—коренной. Плаваніе судовъ совершалось около города, при чемъ суда выше Хвалынска проходили вдоль самаго подножія горъ праваго, нагорнаго берега. Съ теченіемъ времени, однако, главная струя воды раздѣлилась и часть ея устремилась въ лѣвую, луговую сторону, гдѣ та стала отмывать отъ берега значительные куски земли, унося внизъ по теченію, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивая русло оттока Волги. Въ то же самое время правое, на-

стоящее, коренное русло начало мелѣть и, въ концѣ концовъ, когда теченіе все болѣе и болѣе устремлялось въ луговую сторону, дошло до такого мелководья, что даже суда средней величины не могли проходить свободно вдоль праваго берега. Съ этихъ поръ роль обоихъ протоковъ, равно какъ и самое названіе ихъ перемѣнилось. Плаваніе судовъ стало производиться по главному потоку около лѣваго берега Волги. Что касается «Воложки», то около самаго города она еще на столько пригодна для подхода судовъ, что всѣ пристани пассажирскихъ и существующаго здѣсь перевознаго парохода находятся «въ самомъ центрѣ города». Впрочемъ, къ концу лѣта трудность подхода большихъ пароходовъ съ полнымъ грузомъ на столько значительна, что конторки къ большому огорченію мѣстныхъ, дѣловыхъ людей переводятся внизъ по теченію рѣки, почти за черту города, при чемъ сообщеніе между ними и городомъ затрудняется песчаною отмелью, тянущеюся до самаго берега. Вотъ главное измѣненіе рѣки подъ Хвалынскомъ. Однако, игра рѣки этимъ не окончилась. Систематическое отмываніе лѣваго берега продолжалось и при томъ на столько значительно, что невольно обратило вниманіе владѣльца экономіи, которая прилежала къ упомянутому берегу. Въ то же самое время лежащій по срединѣ рѣки островъ, составляющій собственность города, началъ незамѣтно увеличиваться и въ концѣ концовъ достигъ громаднхъ размѣровъ. Владѣльцемъ экономіи были приглашены землемеры для провѣрки участка; оказалась громадная разниа между прежнимъ количествомъ десятинъ и настоящимъ. Составилось убѣжденіе, что отмытыя десятины, отнесенныя водою къ острову, пошли на увеличеніе его площади, что давало поводъ къ требованію удовлетворенія. Начался судебный процессъ, стоявшій большихъ издержекъ тяжущимся сторонамъ, прошедшій всѣ судебныя инстанціи и, наконецъ, окончившійся въ пользу владѣльца экономіи, который взаимъ утерянныхъ десятинъ на материкъ получилъ триста слишкомъ десятинъ земли на островѣ, понятно, кромѣ судебныхъ издер-

жекъ. Описанный нами процессъ на первый взглядъ является крайне оригинальнымъ въ смыслѣ своего происхожденія; однако, нужно замѣтить, что подобнаго рода судебные процессы здѣсь не составляютъ рѣдкости, такъ какъ явленіе вродѣ только-что описаннаго нами: — отмытіе земли въ одномъ мѣстѣ и нанесъ ея на другое — составляетъ обычное явленіе. Ниже Хвалынска, нѣсколько выше с. Алексѣвки, Волга замѣтно отошла влѣво, образовавъ значительное низменное пространство, покрытое лѣсомъ и кустарникомъ. Это пространство противъ указаннаго села образуетъ съ берегомъ материка затонъ, гдѣ зимуютъ пароходы. Смѣло можно утверждать, что и это низменное пространство было покрыто въ прежнее время водою; и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, величественная Волга несла тихо свои свѣтлыя воды, но всеизмѣняющее время и склонная къ переменамъ рѣка сдѣлала все по своему.

Особенно удивляться этимъ измѣненіямъ невозможно, если только внимательно прослѣдить за переменами на Волгѣ, начиная съ ея вскрытія, разлива, обмелѣнія и замерзанія.

Ниже Алексѣвки, въ луговой сторонѣ Волги, на берегу ея, расположено получившее извѣстность, вслѣдствіе своей громадной торговли хлѣбомъ, с. Балаково. Это село, относительно положенія его при рѣкѣ, можно назвать крайне неудачнымъ. Дѣло въ томъ, что Волга, не смотря на свою склонность къ постояннымъ измѣненіямъ фарватера, въ теченіе многихъ лѣтъ остается неизмѣнною для лѣваго, Балаковского берега. Здѣсь, при селѣ, вдоль всего берега находится мель, которая съ трудомъ позволяетъ плавать даже въ небольшихъ лодкахъ. Пассажирскія конторки находятся на значительномъ разстояніи отъ берега и доставка пассажировъ съ приходящихъ пароходовъ, въ особенности при неблагоприятной погодѣ, производится съ довольно значительными затрудненіями, а иногда, пожалуй, и серьезною опасностію. Волга, между тѣмъ, не смиляется надъ участію села и настойчиво продолжаетъ оставаться неизмѣнною для Балакова, тогда какъ въ другихъ

мѣстахъ эти измѣненія ея ожидаются или даже встрѣчаются съ крайнимъ неудовольствіемъ. — Наконецъ, спускаясь далѣе внизъ по рѣкѣ, встрѣчая на пути тѣ-же самыя измѣненія, которыя нами описаны выше, мы достигаемъ группы острововъ, расположенныхъ на довольно значительномъ протяженіи рѣки Волги. Всѣ эти острова довольно значительны, покрыты или травой или лѣсомъ и по своимъ очертаніямъ сходны другъ съ другомъ, опредѣлить настоящее русло рѣки въ этомъ мѣстѣ положительно невозможно; это дѣло специалистовъ или природныхъ «волгарей», знающихъ свою кормилицу-матушку, «какъ пять пальцевъ». — Вы доѣзжаете на пароходѣ до острововъ; вашъ пароходъ устремляется въ какой-нибудь протокъ между островами и, затѣмъ, начинаетъ лавировать по другимъ протокамъ до тѣхъ поръ, пока, проплывъ среди этого лабиринта, не достигнетъ снова нераздѣльно, величественно текущей рѣки. — Во время плаванія по протокамъ, куда вы ни устремите взоръ, вамъ представляются одинаковые по величинѣ протоки, такъ что каждому изъ нихъ вы согласны придать значеніе главнаго русла рѣки Волги. — Теперь у насъ возникаетъ вопросъ: являются-ли эти острова самобытными, т. е. существовавшими въ этомъ мѣстѣ съ незапамятныхъ временъ, или они представляютъ результатъ уже извѣстнаго намъ явленія на Волгѣ, т. е. являются наносными? Мы не беремъ на себя смѣлости отвѣтить на этотъ вопросъ категорически въ томъ или другомъ смыслѣ, все равно какъ не можемъ указать на время существованія ихъ. Однако думаемъ, что и эти острова ни что иное, какъ произведеніе рѣки Волги. Къ этому убѣжденію мы приходимъ изъ наблюденій надъ берегами острововъ, которые у однихъ изъ нихъ отмываются постепенно водою и отмытая земля приносится къ другимъ и увеличиваетъ ихъ площадь, что хорошо замѣтно по отлогости береговъ. Мы, повторяю, высказываемъ одни только предположенія, но никакъ не можемъ убѣждать въ справедливости нашихъ словъ. Группа этихъ острововъ довольно живописна, и вы съ удовольствіемъ наслаждаетесь видами

безпрерывно мѣняющихся передъ вашими глазами разнообразныхъ ландшафтовъ. Пароходъ приближается къ Саратову. Городъ видѣнъ «какъ на ладони». Однако, взглянувъ на направленіе рѣки, приходишь къ тому убѣжденію, что ѣхать приходится еще довольно далеко и, притомъ, пристать къ пристани гдѣ-то на довольно значительномъ разстояніи отъ города, такъ какъ передъ вашими глазами представляется громадное песчаное пространство, отдѣляющее городъ отъ Волги.—Дѣйствительно, пристани находятся на Волгѣ, по сую сторону песку, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.—Саратовъ въ этомъ отношеніи несчастливѣе описаннаго нами Хвалынска. Передъ Саратовымъ точно также, какъ и передъ Хвалынскомъ, находится островъ. Этотъ послѣдній дѣлитъ Волгу на «коренную» и «Воложку». Прежнее положеніе этихъ двухъ водораздѣловъ находилось по отношенію къ городу въ томъ видѣ, въ какомъ и около Хвалынска: суда безпрятственно плыли вдоль праваго берега и приставали къ городу, что въ настоящее время возможно только въ половодье. Когда коренная Волга перемѣнила свое русло и главное ея теченіе, т. е. вся масса воды устремилась вдоль лѣваго берега рѣки, на которомъ расположена слобода Покровская, прежняя Волга, теперь превратившаяся въ «Воложку», начала мелѣть и, наконецъ, обмелѣла до такой степени, что по спадѣ водъ плаваніе по ней даже мелкихъ судовъ сдѣлалось невозможнымъ. Пароходамъ, идущимъ сверху, необходимо огибать южную часть острова и затѣмъ уже, сдѣлавъ поворотъ, снова подниматься вверхъ до пристаней, расположенныхъ на «Воложкѣ» вдоль городской набережной.—Однако, обмелѣніе «Воложки» не остановилось на этомъ. Послѣдніе годы оно достигло своего крайняго предѣла. Подходить судамъ къ городу сдѣлалось совершенно невозможнымъ. Пристани все далѣе и далѣе спускались внизъ по рѣкѣ и, наконецъ, вслѣдствіе важныхъ неудобствъ подобнаго рода спусковъ, онѣ были переведены за островъ, на коренную Волгу. Городу пришлось, какъ говорится, «раскрывать свой кошелекъ». Во 1-хъ, необходимо было

устроить мостъ, хотя и черезъ сильно обмелѣвшую, однако еще имѣющую нѣсколько «дюймовъ» глубины «Воложку». Далѣе, вслѣдствіе песку, нанесеннаго на островъ и покрывающаго толстымъ слоемъ все пространство между «Воложкою» и Волгою, необходимо было принять мѣры для болѣе удобнаго сообщенія, въ особенности при возкѣ тяжелыхъ товаровъ изъ города на пристани и наоборотъ. Пришлось сдѣлать деревянные настилки вдоль всего пространства, стоящія, конечно, не дешево; при этомъ настилки эти необходимо снимать осенью во избѣжаніе весенняго половодья, могущаго совсѣмъ унести ихъ теченіемъ. Лѣтомъ-же снова приступать къ размѣщенію по старому мѣсту. Такого рода перемѣщенія соединены, понятно, со своего рода неудобствами и требуютъ ежегодныхъ, довольно значительныхъ денежныхъ расходовъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что подобнаго рода неудобство и затрудненіе является для громаднаго, торговаго и промышленнаго города, гдѣ на берегу Волги съ ранняго утра и до поздняго вечера, копошится народъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ и гдѣ къ пристанямъ ежечасно пристають пароходы, привозящіе въ Саратовъ массу пассажировъ и отвозящіе меньшее-же количество! А рѣка Волга, перемѣнившая свое русло, доставившая столько неудобствъ, течетъ себѣ величественно, тихо, плавно, не обнаруживая ничѣмъ ни насмѣшки, ни соблазнованія о печальной судьбѣ города, громко прозваннаго поволжскими жителями «столицею Поволжья». — Печально и грустно, но не легко устранимо! — Замѣтимъ, между прочимъ, что въ этомъ отношеніи по всему пространству рѣки Волги, не только отъ Нижняго-Новгорода, но даже отъ самыхъ истоковъ ея, не найдется города, который-бы находился въ такомъ неудобномъ, въ такомъ плохомъ положеніи относительно Волги, какъ Саратовъ. Спасеніе, избавленіе какъ гражданъ, имѣющихъ постоянныя дѣла на Волгѣ, — такъ и пріѣзжихъ — богатство города. Оно даетъ возможность сдѣлать затрудненіе чуть-ли не удобствомъ. Стоитъ только обратить внима-

ніе на идущихъ съ пристаней, т. е. съ прогулки мирныхъ гражданъ, на значительное количество велосипедистовъ, на своихъ «двухколесныхъ фаэтонахъ» совершающихъ здѣсь ристалища.

Отъ Саратова до такъ называемой «дельты» Волга въ отношеніи своихъ измѣненій не представляетъ для насъ какого-либо важнаго интереса. Правда, измѣненія встрѣчаются на каждомъ шагу, но всѣ они въ общихъ чертахъ сходны съ описанными нами измѣненіями и потому описаніе ихъ привело-бы только къ повторенію одного и того же.

Что касается дельты Волги, то объ ней можно сказать, что она принадлежитъ не къ случайному образованію дѣйствіемъ рѣки, а представляетъ нѣчто существующее съ «начала» Волги. Что Волга оканчивается дельтою—тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ она не составляетъ единственнаго примѣра подобнаго рода. Существуютъ рѣки, которыя при своихъ устьяхъ дѣлятся точно также на массу рукавовъ, соединяющихся поперечными протоками, и такимъ образомъ образующихъ дельту.

Кончая описаніе измѣненій русла и фарватера рѣки Волги, мы должны сознаться, что оно очень кратко, въ немъ недостаетъ многого, пожалуй, и имѣющаго маленькій интересъ. Однако, мы не сожалѣемъ объ этомъ упущеніи, потому что чрезъ это получилось бы лишнее, ненужное прибавленіе фразъ. Въ описаніи нашемъ читатель находитъ все самое важное, самое интересное, начиная съ общихъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу, рѣки измѣненій и кончая исключительными случаями. Послѣдніе собственно и составили для насъ матеріалъ, который переданъ, хотя и въ сжатой, но достаточно ясной формѣ, дающей возможность читателю весь процессъ послѣдовательнаго измѣненія представить себѣ наглядно и, затѣмъ, уяснить всѣ послѣдствія этого измѣненія.

Краткій очеркъ губернскихъ городовъ низоваго Поволжья.

Нижній-Новгородъ.

Этотъ замѣчательный городъ, въ историческомъ и торговомъ отношеніи, основанъ между 1219—1222 г. великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ. До 1612 года исторія Н.-Новгорода не представляетъ особаго интереса. 1612 годъ выдвинулъ его изъ ряда другихъ городовъ тѣмъ, что онъ сдѣлался избавителемъ отечества отъ нашествія враговъ-поляковъ, едва не покорившихъ Россію подъ свое владычество.

Нижегородскій мясникъ Козьма Мининъ-Сухоруковъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій первые подняли знамя за освобожденіе родной земли и блестяще совершили свой великій подвигъ. Въ 1878 году былъ освященъ памятникъ Минину и Пожарскому, воздвигнутый въ Н.-Новгородѣ въ воспоминаніе великихъ событій 1612 года.

Расположенный при сліяніи рѣкъ Волги и Оки, городъ раздѣляется послѣднею на двѣ части: собственно—городъ и ярмарочную сторону. Ежегодно съ 20-го Іюля здѣсь начинается величайшая въ Россіи «Нижегородская ярмарка», благодаря которой Н.-Новгородъ приобрѣлъ всемірную извѣстность.

Исторія Н.-Новгорода, какъ губернскаго города, начинается съ 1719 года. Изъ городскихъ зданій замѣчательны: Кремль съ дворцомъ, расположенный на высокомъ,

правомъ, нагорномъ берегу Волги, часовая башня, Спасо-Преображенскій кафедральный соборъ, находящійся въ самомъ Кремлѣ. Основаніе этого храма относится къ первой четверти XIII-го столѣтія. По желанію Константина Васильевича, отца великаго князя Дмитрія III-го, въ Преображенскій монастырь была перенесена изъ Суздаля икона Нерукотвореннаго Спаса, отъ которой соборъ сталъ называться Спасо-Преображенскимъ. Въ нижней части собора помѣщается усыпальница нижегородскихъ князей, княгинь, архіереевъ и Козьмы Минина. Надъ послѣднею помѣщается величественный саркофагъ, присланный изъ Кіева. Ежегодно 22-го Октября въ соборѣ совершается празднество, установленное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память избавленія Москвы и Россіи отъ поляковъ. Изъ другихъ зданій города замѣчательны: Архангельскій соборъ, Строгановская церковь во имя Рождества Богородицы и соборъ во имя Александра Невского. На вершинѣ Дятловыхъ горъ, называемой «Гребешкомъ», сохранились остатки знаменитой Муравьевской башни. У подножія горъ—старый Благовѣщенскій монастырь. Въ городѣ находится театръ, биржа, отдѣленіе Государственнаго банка, почтово-телеграфная контора, горный институтъ Императора Александра II-го, окружный судъ, казначейство и много другихъ правительственныхъ учрежденій.

Жителей въ Н.-Новгородѣ насчитывается до 67,000 человѣкъ.

По живописному своему положенію, Н.-Новгородъ можетъ стать на ряду съ самыми красивыми городами Поволжья. Съ Волги виденъ Кремль съ его бѣлыми стѣнами, украшенными многочисленными красивыми башнями. Ко всему этому, если прибавить просторъ двухъ рѣкъ Оки и Волги, съ двухъ сторонъ омывающихъ высокій кремлевскій берегъ, то картина становится еще восхитительнѣе. На ярмарочной сторонѣ виднѣется великолѣпный по сво-

ему наружному виду новый «Главный домъ», пассажъ и другія торговыя зданія, около которыхъ копошятся десятки тысячъ народа во время ярмарки.

Около 20-ти верстъ ниже Н.-Новгорода, внизъ по теченію Волги, въ луговой сторонѣ ея расположенъ Макарьевскій Желтоводскій монастырь, иначе называемый «Старый Макарій». Здѣсь получила начало знаменитая Нижегородская ярмарка, иначе называемая «Макарьевскою». Торгъ продолжался здѣсь до 1816 года, когда всѣ ярмарочныя зданія были истреблены пожаромъ и ярмарка переведена въ Н.-Новгородъ. Въ настоящее время монастырь годъ отъ году все болѣе и болѣе приходитъ въ ветхость.

Казань.

Извѣстно, что Казань — прежняя столица татарскаго царства. Городъ расположенъ въ семи верстахъ отъ Волги, по лѣвому берегу рѣки Казанки. По преданію, въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи въ старину жили болгары. Когда же татары или монголы покорили Русь, то и болгары принуждены были признать ихъ владычество. На мѣстахъ, занимаемыхъ прежде болгарами, завоевателями было основано новое Казанское царство съ г. Казанью, столицею его. Событія эти относятся къ XIII — XV столѣтіямъ. Въ 1552-мъ году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный задумалъ покорить Казань и двинулся къ ней съ большимъ войскомъ. Послѣ долгой осады городъ былъ взятъ приступомъ и присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ. Губернскимъ городомъ Казань считается съ 1714 года. Памятниками прежней столицы грознаго царства является Кремль, расположенный на возвышенномъ мѣстѣ, обнесенный стѣнами и украшенный башнями, изъ которыхъ зна-

менита башня Сююмбеки, царицы татаръ, которая, по преданію, погибла во время покоренія Казани. Городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ и по своей обширности можетъ считаться однимъ изъ главныхъ городовъ Поволжья. Въ немъ числится до 133,000 жителей. Казань также можетъ считаться и центромъ умственной дѣятельности Поволжья. Здѣсь находится масса учебныхъ заведеній: университетъ, ветеринарный институтъ, духовная академія и др. Изъ городскихъ зданій замѣчательны по красотѣ отдѣлки: зданіе университета, пассажъ, дворецъ, гостинный дворъ, театръ, зданіе женскаго института и духовной академіи. Далѣе замѣчательны по древности монастыри: Богородицко-Казанскій, Іоанна Предтечи и Спасо-Преображенскій. Казань украшена множествомъ садовъ и скверовъ, изъ которыхъ замѣчательнымъ является «Ботаническій садъ», расположенный по берегу озера «Кабана». Здѣсь можно встрѣтить массу рѣдкихъ растений и цвѣтовъ, приобрѣтенныхъ заботами университета.

Съ Волгой городъ соединяется конно-желѣзною дорогою, которая проходитъ по дамбѣ, соединяющей городъ съ Адмиралтейской слободою и сооруженной на протяженіи трехъ верстъ для постоянного сообщенія на случай весенняго разлива Волги. Около дамбы ближе къ слободѣ сооруженъ памятникъ «въ память воиновъ-русскихъ, павшихъ подъ Казанью».

Не смотря на дальнее разстояніе, съ Волги городъ представляетъ живописную картину съ массою церквей, колоколенъ, мечетей, башенъ и другихъ строеній. Азіятскій отпечатокъ годъ отъ году изглаживается все болѣе и болѣе и Казань представляется чисто европейскимъ городомъ.

Симбирскъ.

По правому берегу рѣки Волги расположенъ губернскій городъ Симбирскъ. Основаніе его относятъ къ 1648-му году.

Прежде на этомъ мѣстѣ ютилась черемисская деревушка «Тагай», взамѣнъ которой впослѣдствіи и былъ сооруженъ городъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича здѣсь находилась военная линія для охраны границъ государства. Слѣды ея замѣтны еще и въ настоящее время во многихъ мѣстахъ Симбирской губерніи въ видѣ небольшихъ четырехугольныхъ укрѣпленій, отъ 25 до 50 саж. длиною. Собственно говоря, для путешественниковъ городъ не представляетъ особаго интереса, какъ по своему мѣстоположенію, такъ и по отсутствію въ немъ какихъ-либо древнихъ или новыхъ достопримѣчательностей. Изъ городскихъ сооружений можно указать на Троицкій соборъ, Николаевскій Кааедральный и Спасскій монастырь, дворецъ и знаменитую Карамзинскую библіотеку, находящуюся близъ городского сквера, въ срединѣ котораго возвышается памятникъ историку Н. М. Карамзину. Симбирскъ имѣетъ большую хлѣбную пристань и производитъ солидную отпускную торговлю. Еще болѣе онъ приобрѣлъ значеніе своею «сборною» ярмаркою съ ея громаднымъ торговымъ оборотомъ. Количество жителей города простирается до 40,000 человекъ. Городъ соединяетъ съ собою воспоминаніе о временахъ Пугачевского бунта. Здѣсь въ 1775 году былъ представленъ Суворовымъ графу Панину въ желѣзной клѣткѣ мятежникъ Емелька Пугачевъ и затѣмъ отправленъ отсюда въ Москву.

Самара.

Въ луговой сторонѣ рѣки Волги, при впаденіи въ нее р. Самарки, расположенъ г. Самара. Отсюда, также, какъ и отъ Симбирска, вдоль рѣки Самарки почти на протяженіи 300 верстъ въ старинныя времена тянулась военная линія для защиты границъ государства. Здѣсь, затѣмъ, въ 1616 году происходила битва казаковъ съ крымскими татарами, окончившаяся полнымъ пораженіемъ послѣднихъ.

Въ 1850-мъ году Самара назначается губернскимъ городомъ. Главное значеніе этого города заключается въ томъ, что онъ является самымъ главнымъ рынкомъ для пшеницы по всему Поволжью. Благодаря этому торговому назначенію, Самара приобрѣла издавна названіе «житницы Россіи». Кромѣ торговли пшеницею въ городѣ сильно развито также мукомольное дѣло. Здѣсь встрѣтите громадныя паровыя мельницы для обработки пшеницы, которая въ изготовленномъ видѣ громадными партіями или «караванами» отправляется въ разные уголки великаго отечества для продажи. Самара представляетъ изъ себя настоящій поволжскій портовый городъ по отпуску хлѣба. Насколько громадна здѣсь отпускная торговля, можно судить уже по тому, что въ 1891—92 г. сооружена при Волгѣ искусственная «гавань» для болѣе безопасной стоянки безчисленнаго количества судовъ, предназначенныхъ для нагрузки, на случай волненія на Волгѣ. Кромѣ торговли пшеницею и мукомольнаго дѣла, Самара извѣстна своими кумысо-лечебными заведеніями, въ большомъ количествѣ находящимися въ городѣ и уѣздѣ. Въ Самарской губерніи находится значительное число цѣлебныхъ минеральныхъ источниковъ. По своему картинному положенію, изящной архитектурѣ церквей и зданій, Самару можно причислить къ разряду лучшихъ городовъ Поволжья. Наиболѣе заслуживаетъ вниманія по своей отдѣлкѣ и изяществу Спасскій соборъ, построенный на возвышенномъ мѣстѣ. Изъ сооружений замѣчательнъ памятникъ Царю-Освободителю, открытый 30-го августа 1889 года.

Въ Самарѣ насчитываютъ около 75,000 жителей.

Саратовъ.

Въ царствованіе Θεодора Іоанновича, по его повелѣнію, на лѣвомъ берегу Волги былъ заложенъ городъ съ наименованіемъ «Саратовъ». Вновь основанному городку

недолго пришлось занимать предназначенное мѣсто. Вскорѣ здѣсь появились татары и Саратовъ былъ разгромленъ дикими варварами, нещадившими ничего. Послѣ разгрома города, по распоряженію правительства, Саратовъ былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ находится и по настоящее время. Много пришлось перенести городу отъ губительныхъ пожаровъ, которые такъ часто превращали его въ пепелище; однако Саратовъ, благодаря своему благоприятному географическому положенію въ торговомъ отношеніи, скоро обстраивался и, наконецъ, достигъ того, что сдѣлался «столицею» Поволжья. Это одинъ изъ самыхъ богатыхъ и обширныхъ городовъ не только приволжскихъ, но и всѣхъ губернскихъ городовъ Россіи. Главное богатство Саратова заключается въ торговлѣ хлѣбомъ, рыбою и саломъ, которую онъ ведетъ съ «верховьемъ» и другими русскими городами. Особенныхъ, достойныхъ вниманія, древностей въ городѣ нѣтъ, но взамѣнъ этого взоръ привлекаютъ великолѣпныя постройки, которыми изобилуетъ Саратовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны: Соборъ, биржа, пассажъ, музей, театръ и многія другія. Вообще своимъ внѣшнимъ обликомъ Саратовъ напоминаетъ европейскій, благоустроенный городъ. Значеніе его еще болѣе увеличилось съ проведеніемъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги, соединяющей его съ центральною и сѣвѣрною Россіею. Въ немъ насчитывается около 120,000 жителей. Со стороны Волги Саратовъ представляетъ чудную картину. Расположенный по склону горъ, окружающихъ его съ трехъ сторонъ, городъ виденъ какъ на ладони. Грандіозная архитектура церквей, масса изящно отдѣланныхъ зданій, виднѣющаяся повсюду зеленъ отъ посаженныхъ вдоль тротуаровъ деревьевъ, отъ городскихъ и частныхъ садовъ, къ довершенію всего, зеленыя горы, окружающія городъ, все это придаетъ ему живописный, восхитительный видъ, благодаря которому Саратовъ можно считать самымъ живописнымъ, красивымъ городомъ всего Поволжья.

Астрахань.

Астрахань губернской городъ, расположенный на лѣвомъ берегу главнаго русла Волги, въ 90-ти верстахъ отъ впаденія ея въ Каспійское море. Астрахань обязана своимъ основаніемъ татарамъ, которые, послѣ покоренія Россіи, основали на мѣстѣ нынѣшней Астраханской губерніи Астраханское царство и вновь основанный городъ сдѣлали его столицею. До 1557-го года существовало это татарское величественное гнѣздо. Въ этомъ году, т. е. пять лѣтъ спустя послѣ покоренія Казани, по повелѣнію великаго князя Іоанна Васильевича, русскія войска двинулись противъ астраханскимъ татаръ и побѣжденное царство подпало скорѣ подъ власть русскаго князя. Изъ послѣднихъ татарскихъ царей по своей дѣятельности болѣе всѣхъ замѣчательны Касимъ и Дербышъ. Подъ владычествомъ русскихъ царей Астрахань, благодаря своей громадной промышленности и торговлѣ съ азіатскими народами, начала приобрѣтать все болѣе и болѣе торговое значеніе. Сюда стали стекаться купцы почти со всей Волги, а также другихъ городовъ Россіи, и городъ вслѣдствіе увеличившейся торговли богатѣлъ, распространялся и украшался богатыми постройками. Главная торговля—рыбная, но на ряду съ нею можно поставить и другія, не менѣе значительныя отрасли ея, какъ: торговля фруктами и разными азіатскими товарами. Насколько значительны здѣсь рыбныя промыслы, можно судить по тому, что астраханскою рыбою снабжается не только сѣверо-западный край Россіи, но также средняя полоса ея и все Поволжье съ прилегающими къ нему губерніями. Короче, Астрахань можно назвать «столицею рыбнаго царства». Изъ достопримѣчательностей города заслуживаетъ вниманія старинный, построенный въ 1602 году, соборъ во имя Успенія Пресвятой Богородицы, въ которомъ находится икона Владимірской Божіей Матери, при-

сланная въ даръ Іоанномъ IV* вскорѣ послѣ покоренія Астра-
хани. Далѣе замѣчателенъ Кремль съ его стѣнами, дости-
гающими четырехъ слишкомъ сажень высоты и двухъ саж.
ширины; «плезирь-яхта» Петра Великаго, портъ и Варва-
ціевъ каналъ. Прелестнымъ сооруженіемъ представляется
также недавно воздвигнутый памятникъ «Царю-Освободи-
телю Александру II-му». Въ общемъ городъ Астрахань не
можетъ похвалиться красотою своего мѣстоположенія, но
въ замѣнь этого являются богатая постройка, которыя
встрѣчаются на каждомъ шагу, и благодаря которымъ
городъ можетъ стать на ряду съ весьма немногими русскими
городами. Жителей насчитывается въ Астрахани до 75,000.

(Изъ «Астраханской краеведческой коллекции»)

ПЛѢННИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

(Изъ преданія Жегулевскихъ горъ).

Широко, глубоко, далеко несетъ свои величественныя воды кормилица Волга-матушка. Необъятна она въ своемъ царственномъ величїи и красотѣ. Невольно приковываетъ она къ себѣ взоръ и заставляетъ любоваться своею чудною, божественною красотою.

Утреннїе лучи восходящаго солнца отразились въ зеркальныхъ водахъ рѣки и освѣтили правый, нагорный берегъ ея, съ громадными холмами, утесами, долами и буераками. Вдоль самага берега, у подножія холмовъ и утесовъ, шла вереницею артель бурлаковъ, тянувшихъ бичевою громадную баржу, нагруженную разнаго рода дорогимъ азіатскимъ товаромъ. Не слышно ни стопа, ни вздоховъ этихъ бѣдняковъ—могучихъ тружениковъ, лишь только до слуха достигаетъ тя-

желое дыханіе отъ сильной, непомѣрной, тяжелой натуги. Великъ путь совершили они отъ Астрахани до Самары, но еще длиннѣе покажется онъ отъ Самары до Макарья, такъ какъ нечеловѣческій трудъ день-ото-дня все болѣе и болѣе истощаетъ силы этихъ могучихъ приволжскихъ богатырей.

Баржа принадлежала московскому купцу Гордѣю Каллистратовичу Антропову. Въ старые годы онъ проживалъ въ Москвѣ, гдѣ велъ значительную торговлю панскими товарами. Частыя поѣздки въ Макарьевъ на ярмарку познакомили Гордѣя Каллистратовича съ астраханскими купцами и ихъ дѣлами, слѣдствіемъ чего было то, что въ одинъ прекрасный день почтенный купецъ объявилъ всѣмъ своимъ чадамъ и домочадцамъ о непреклонномъ намѣреніи перебраться на постоянное жительство въ Астрахань и попытать свое счастье на чужой сторонѣ.

Предположеніе Гордѣя Каллистратовича оправдалось. По пріѣздѣ въ Астрахань онъ завелъ обширную торговлю съ азіатами, началъ снимать ватаги для рыбныхъ промысловъ, а товаръ отправлять въ Макарьевъ на ярмарку. Уже много лѣтъ производилъ онъ подобные обороты и постоянно съ солиднымъ барышомъ для себя. Въ тѣ времена еще не было пароходовъ на Волгѣ; баржи поднимались вверхъ по рѣкѣ бичевою, либо завоznымъ якоремъ, почему сплавъ производился крайне медленно. Кромѣ того плаваніе было не безопасно вслѣдствіе частаго нападенія приволжскихъ разбойниковъ, въ тѣ времена свирѣпствовавшихъ

по берегамъ рѣки Волги. Гордѣю Каллистратовичу были извѣстны продѣлки этихъ удалцевъ, поэтому имъ заранее принимались мѣры для безопаснаго плаванія его судовъ. Обыкновенно на переднее судно каравана кромѣ товара грузилось нѣсколько бочекъ вина, разнаго рода явствія и цѣнные подарки для поднесенія въ даръ молодцамъ-ушкуйничкамъ вслучаѣ ихъ нападенія на караванъ. Такъ и въ настоящее время старшему прикащику Игнатьичу былъ данъ строгій приказъ, какъ только замѣтитъ удалыхъ молодцевъ, немедленно нагрузить въ лодку вина, явствій и подарковъ и ѣхать съ поклономъ къ атаману разбойниковъ. Игнатьичъ выслушалъ приказъ и, помолясь на востокъ, велѣлъ передней баржѣ поднимать якорь, твердо увѣренный въ себѣ: ему не впервые приходилось исполнять подобные строгіе приказы. Самъ Гордѣй Каллистратовичъ помѣстился на послѣдней баржѣ каравана со старшимъ своимъ сыномъ, и всѣ двинулись въ дальній путь. До Самары плаваніе совершилось какъ нельзя лучше: погода стояла прекрасная и попутный вѣтеръ способствовалъ быстротѣ хода каравана. Однако, несмотря на видимыя удачи, Гордѣю Каллистратовичу чувствовалось не по себѣ: грудь щемила тоска; какое-то грустное предчувствіе тяготило его душу. Частенько ходилъ онъ по палубѣ баржи, погруженный въ тяжкія думы; нехотя отвѣчалъ на вопросы окружающихъ, стараясь удаляться отъ всѣхъ, и наединѣ предавался своей грусти.

Около Самары задняя баржа накатила на мель, и съемка ея заняла не мало времени, почему пришлось

далеко отстать отъ прочихъ судовъ, скрывшихся изъ глазъ гдѣ-то вдали за крутыми уступами рѣки. Вотъ, наконецъ, баржа снова тронулась въ путь и стала подплывать къ Жегулевскимъ горамъ. Безвѣтріе настало полное; не слышно было ни шума развивавшагося на мачтѣ флага, ни плеска воды, производимаго дуновеніемъ набѣжавшаго вѣтерка; только лоцманъ изрѣдка нарушалъ это спокойствіе обычнымъ своимъ крикомъ: «наддай, ребяташки, наддай». Вдругъ среди этой мертвой тишины, гдѣ-то вдали, въ горахъ, послышался пронзительный свистъ, отозвавшійся нѣсколько разъ эхомъ среди ущельевъ сосѣднихъ горъ. Въ одно мгновеніе картина измѣнилась. Раздался плескъ отъ ударившейся объ воду баржевой бичевы, брошенной бурлаками, и крикъ ихъ о подачѣ лодки. Тотчасъ по приказанію хозяина баржа стала на якорь и отъ нея направилась къ берегу лодка. Но едва она успѣла причалиться къ нему, какъ изъ-за ближайшаго уступа горы выскочило челоуѣкъ съ двадцать разбойниковъ, которые стремглавъ бросились къ лодкѣ. Молча стояли на берегу гребцы и бурлаки, объятые ужасомъ при видѣ полупьяныхъ разбойниковъ, не смѣя вступить даже за свою собственность — лодку.

— «Садись, молодцы-разбойнички, кто за веслицы, кто на кормицу; запѣвай пѣсенку про удалы наши славны подвиги!» крикнулъ атаманъ.

Быстро было исполнено приказаніе начальника; всѣ посѣли въ лодку, отчалили отъ берега и затянули хоромъ свою разбойническую пѣсню, оставивъ артель

бурлаковъ и гребцовъ, обезумѣвшихъ отъ страха, ожидать конца драмы.

— «Наваливай на баржу!» крикнулъ атаманъ.

И лодка подъ ударами весель мощныхъ гребцовъ стремительно понеслась къ судну. Первымъ на палубу вскочилъ атаманъ, а за нимъ послѣдовали остальные ушкуйники.

— «Выходи, хозяинъ, чествовать питьемъ, ѣдой, да одѣляй гостей золотой казной!» грозно заревѣлъ разбойникъ.

Гордѣй Каллистратовичъ молча подошелъ къ атаману и отвѣсилъ ему низкій поклонъ.

— «Аль богатъ не въ мѣру сталъ, что про насъ думать пересталъ?» обратился съ гнѣвомъ атаманъ къ Гордѣю Каллистратовичу. «По нашему жить въ ладу, такъ жить по братски, а не то хомутъ на шею, да подъ небеса въ гости», добавилъ, все болѣе и болѣе свирѣпѣя, разбойникъ.

— «Говори, почему забылъ прошлые годы?»

— «Не забылъ я ихъ», отвѣтилъ съ поклономъ Гордѣй Каллистратовичъ; «приготовлены у меня на передней баржѣ для васъ, удалыхъ молодцевъ, и дороги подарки, и золота казна, и явствія, и вина заморскія, — да почему вы не приняли дара съ нея, я не вѣдаю».

— «Врешь, купецъ; не наживи себѣ конецъ!» крикнулъ разбойникъ. «Вынимай казну и расплачивайся за свои грѣхи. Судовъ мы твоихъ не видали и никакихъ даровъ не получали».

На самомъ дѣлѣ случилось такъ, что, когда переднія баржи проходили мимо разбойничьяго притона, сторожевой разбойникъ вздремнулъ и онѣ безпрепятственно уплыли вверхъ по рѣкѣ. Не случись несчастья съ судномъ Гордѣя Каллистратовича подъ Самарою, онѣ самъ не попалъ-бы въ руки разбойниковъ и ему не пришлось-бы испытать того удара, который готовился ему въ будущемъ.

Гордѣй Каллистратовичъ велѣлъ принести ларецъ съ казною. Атаманъ выхватилъ его изъ рукъ хозяина и самъ принялся считать казну.

— «Мало», гнѣвно крикнулъ онѣ; «давай еще!»

— «Больше нѣтъ», тихо промолвилъ Гордѣй Каллистратовичъ.

— «Эй, молодцы, пошарь-ка по баржѣ, не найдется-ли чего нибудь получше!»

Разбойники бросились исполнять приказаніе атамана, но вмѣсто богатой казны привели изъ трюма сына Гордѣя Каллистратовича, отдохавшаго тамъ и не слыхавшаго шума тревоги.

— «Не нашли ничего, удалой атаманъ, а вотъ»...

— «Это кто такой?» спросилъ атаманъ.

— «Сынъ мой», боязливо отвѣтилъ Гордѣй Каллистратовичъ.

— «Вотъ и казна!» вскричалъ разбойникъ. «Эй, ребята, скрути шелковыми веревочками руки молодцу, да посади его въ лодку. А тебѣ, старикъ, отъ меня наказъ. Если хочешь возвратить сына, то исполняй мой

приказъ. Сейчасъ тебѣ путь свободенъ. Поѣзжай въ Нижній и продавай товаръ. Когда станешь собираться домой, припаси казны вдвое, чѣмъ беру я сейчасъ. Подѣдешь къ этому самому мѣсту, свисни въ мой атаманскій свистокъ, который я даю тебѣ на этотъ случай, и я сейчасъ-же явлюсь къ тебѣ съ твоимъ сыномъ. Только знай напередъ, если ты задумаешь силою вырвать его изъ моихъ рукъ, вотъ этотъ самый ножъ сначала побываетъ въ горлѣ твоего дѣтища, а тамъ ужъ получишь его цѣликомъ. Назначаю тебѣ срокъ ровно черезъ два мѣсяца. Затѣмъ прощай, добрый купецъ!» закончилъ атаманъ и направился къ лодкѣ.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ Гордѣй Каллистратовичъ, прикованный къ своему мѣсту грозными словами атамана. Онъ какъ-бы остолбѣлъ: ни единого слова, ни единого вздоха не вырвалось изъ его наболѣвшей груди. Наконецъ, когда лодка была уже около берега, онъ словно очнулся: бросилъ дикій взоръ на Жегулевскія горы, присѣлъ на тюкъ и, понуривъ голову, остался недвижимымъ въ этомъ положеніи.

Ожидавшіе на берегу конца драмы гребцы, по приказанію атамана, сѣли въ лодку и направились къ судну. Бурлаки-же понадѣвали лямки и приготовились въ путь. Тихо, плавно поплыла баржа встрѣчь воды, оставляя за собою мѣсто, гдѣ только что произошло столь грустное событіе.

Между тѣмъ шайка разбойниковъ подъ предводительствомъ атамана направилась въ горы, ведя за собою связаннаго плѣнника. Вдругъ атаманъ остановился и приказалъ завязать глаза взятому заложнику.— Пошли далѣе. Черезъ часть ходьбы шайка вошла въ узкое могильное ущелье и вскорѣ остановилась передъ отвѣсной, каменной стѣной. Атаманъ нажалъ плечомъ и искусственная, потайная дверь съ шумомъ отворилась, скрипя заржавленными петлями. Всѣ направились по открывшемуся, мрачному корридору и вскорѣ очутились передъ второю дверью. Отворивъ ее, разбойники вошли въ обширную, освѣщенную факелами, богато-убранную пещеру.

— «Развязывай молодцу глаза, да приготавливай намъ обѣдъ. Хочу чествовать нежданнаго гостя», приказалъ атаманъ, сядя на шелковыя подушки, лежащія на дорогомъ персидскомъ коврѣ.

Два разбойника вышли въ одну изъ трехъ дверей пещеры, продѣланныхъ въ ней въ разныя стороны, а остальные, скинувъ съ себя оружіе, сѣли въ кругъ противъ своего атамана.

— «Вотъ тебѣ и хата, честной купецъ; живи, не тужи; въ обиду не дадимъ», обратился атаманъ къ сыну Гордѣя Каллистратовича. «Поживешь, погостишь у насъ, да и отправишься съ Богомъ домой. И времени ждать не долго, всего два мѣсяца», утѣшалъ плѣнника атаманъ. Въ это время принесли вино и разныя явствія. Начался пиръ по случаю счастливаго окончанія молодцаго дѣла.

Такъ потекла жизнь сына Гордѣя Каллистратовича—Александра Гордѣевича—среди свирѣпой, буйной, безшабашной толпы разбойниковъ. Безконечно долго тянулось время для плѣнника въ безпредѣльной тоскѣ по родной сторонѣ и въ страхѣ за свое будущее, вполнѣ зависѣвшее отъ произвола головорѣзовъ. Жгучая боль разжигала грудь молодого Антропова и не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью.

Однажды вечеромъ шумно ввалилась въ пещеру толпа разбойниковъ, возвратившихся съ промысла.

— «Ну, молодой купецъ, поздравь меня съ неопѣнимой добычей», крикнулъ атаманъ Александру Гордѣичу. «Сегодня у меня будетъ такой пиръ, какого не запомнятъ Жегули».

И вотъ началась безумная попойка, во время которой атаманъ вдругъ потребовалъ, чтобы привели на осмотръ взятую имъ съ боя добычу.

Четыре разбойника вышли изъ пещеры и черезъ нѣсколько минутъ ввели дѣвушку замѣчательной красоты и подвели ее къ атаману.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, съ опущенными глазами стояла блѣдная плѣнница. Страхъ передъ грозными разбойниками леденилъ ее сердце и она не могла произнести ни единого слова.

— «Садись рядомъ со мной, красавица; не бойся; вѣрь моему атаманскому слову, что никто изъ насъ не причинитъ тебѣ никакой обиды. Я своей головой отвѣчаю за все. Только полюби меня, красна-дѣвица», закончилъ ласково опьянѣвшій разбойникъ.

Молча сѣла близъ атамана красавица, боясь ослушаться приказанія грознаго повелителя. Лишь изрѣдка она бросала несмѣлые взоры на окружающихъ, желая ознакомиться, какъ со своими властелинами, такъ и съ окружающею обстановкою.

Пиръ продолжался. Наконецъ разбойники напились до такой степени, что каждый изъ нихъ повалился на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, и въ пещерѣ воцарилось молчаніе, нарушаемое храпомъ спящихъ ушкуйниковъ. Лишь только одинъ сторожевой не спалъ и слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ.

Все время молодой Антроповъ не сводилъ глазъ съ плѣнницы. Онъ хорошо понималъ, какая участь готовится ей, и жгучая боль отъ своего горя увеличивалась страданіями другаго существа. Красавица устремила на него свои каріе глаза и взглядъ ихъ встрѣтился. Они ясно поняли другъ друга, однако страхъ передъ окружающимъ не позволялъ имъ перемолвиться ни единымъ словомъ.

Частенько послѣ этого случалось молодцу встрѣчать красавицу на пирахъ разбойничьей шайки. И каждый разъ Антроповъ все болѣе и болѣе заглядывался на плѣнницу. Въ сердцѣ его загорѣлось чувство безграничной, безпредѣльной любви къ ней. Единственною, завѣтною мечтою молодаго Антропова сдѣлалось освобожденіе любимаго существа изъ ненавистнаго гнѣзда и, затѣмъ, если Богъ благословитъ, тихая, семейная жизнь съ любимою дѣвушкой. Эта мысль не давала ему покоя; но сколько ни думалъ Александръ

Гордѣичъ, онъ не могъ придумать опредѣленнаго плана для освобожденія обожаемой красавицы.

А между тѣмъ конецъ его собственной неволи приближался. Онъ хорошо зналъ, что отецъ не замедлитъ прибыть съ выкупомъ въ Жегули, а разбойникъ по своей алчности не задержитъ его у себя, однако разлука съ нею не давала молодому Антропову покоя. Его перестала веселить мечта о близкомъ освобожденіи и онъ со страхомъ сталъ ожидать другой разлуки.

Оставалось до срока два дня. Александръ Гордѣичъ сидѣлъ въ пещерѣ, глядя задумчиво на ту дверь, откуда обыкновенно являлась красавица. Вошелъ атаманъ.

— «Что молодецъ не весель, что головушку повѣсилъ?» обратился разбойникъ къ Антропову. «Не тоскуй; почитай, два мѣсяца прожилъ, а два дня—пустяки».

— «Не о томъ думаю, атаманъ; а вотъ, хочу я серьезно поговорить съ тобою. Понравилась мнѣ ваша жизнь разгульная, молодецкая; по сердцу пришлась свобода вольная; не хочу я отправляться домой, а хочу просить тебя: прими меня къ себѣ въ шайку удалецкую», закончилъ Антроповъ.

Атаманъ долго, изумленно смотрѣлъ на плѣнника; наконецъ, обратившись къ нему, сказалъ:

— «Трудна жизнь наша разбойничья; не всякій можетъ исполнить все, что требуется для того, чтобы поступить къ намъ въ товарищи. Не для всякаго по

мысли отречься отъ отца, матери и всего, что есть за-вѣтнаго. Подумай объ этомъ хорошенько, добрый молодецъ!»

— «Думалъ я и готовъ на все. Отрекаюсь отъ отца, отъ матери, лишь-бы пожить только жизнью разгульною-молодецкою», отвѣтилъ Антроповъ.

Въ это время въ пещеру вошли остальные разбойники. Атаманъ объявилъ имъ о рѣшеніи Александра Гордѣича и спросилъ ихъ на счетъ согласія.

— «Какъ не согласиться принять въ товарищи такого бравого молодца», крикнули разбойники. «Не выдастъ онъ въ минуту трудную. Согласны принять».

Началось приведеніе новообращеннаго къ разбойничьей присягѣ, а затѣмъ послѣдовалъ по этому случаю пиръ.

Прошло два дня. Съ Волги раздался пронзительный свистъ. Дрогнуло сердце молодого Антропова, но онъ не подалъ присутствующимъ вида. Онъ понялъ, что этотъ свистъ раздался съ баржи его отца, прибывшаго съ выкупомъ.

— «А вотъ и твой батюшка!» сказалъ атаманъ, обращаясь къ Антропову.

— «У меня нѣтъ отца», отвѣчалъ тотъ.

— «Молодецъ! Честь и хвала тебѣ, храбрецъ-ушкунничекъ», крикнули разбойники.

— «Иду привѣтствовать честнаго купца, да пожелать ему счастливаго пути до Астрахани», объявилъ атаманъ и, сопровождаемый десятью разбойниками, направился къ выходу.

Старику Гордѣю Каллистратовичу онъ объявилъ, что изъ жалости отпустилъ его сына домой съ недѣлю тому назадъ, видя его страшное душевное мученіе, и снабдилъ его на дорогу казной, хлѣбомъ и явствіями. Сдѣлалъ онъ это въ надеждѣ, что Гордѣй Каллистратовичъ не замедлитъ отдать условленный выкупъ.

Обрадованный старикъ, не подозрѣвая обмана, вынулъ мѣшокъ съ казною и подалъ разбойнику. Затѣмъ, простившись другъ съ другомъ, оба пошли въ разныя стороны: разбойникъ въ горы, а старикъ къ лодкѣ, стоявшей у берега.

Прошло около мѣсяца. Однажды разбойники собрались на какой-то отважный промыселъ. Молодой Антроповъ остался сторожить пещеру. Едва затихъ вдали шумъ шаговъ шедшихъ ушкуйниковъ, онъ бросился къ двери, изъ которой такъ часто выходила плѣнница, и вошелъ въ ея помѣщеніе.

— «Спасайся, красавица! Бѣжимъ изъ этого вертепа; путь свободенъ!» вскричалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, началъ помогать дѣвушкѣ одѣваться.

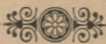
Они вышли изъ пещеры и направились извилистою тропинкою къ чащѣ лѣса. Но едва только бѣглецы подошли къ опушкѣ, какъ изъ лѣса выбѣжали разбойники, преслѣдуемые солдатами. Атаманъ замѣтилъ Антропова и, понявъ всю истину коварной измѣны, быстро

подскочилъ къ нимъ. Сверкнулъ ножъ и обѣ жертвы пали мертвыя къ ногамъ разбойника.

Вскорѣ всѣ ушкуйники были переловлены и перевязанные отправлены, куда слѣдуетъ.

Старикъ Антроповъ по прибытіи въ Астрахань не нашелъ дома своего сына; онъ понялъ обманъ и вскорѣ съ тоски сошелъ въ могилу.

материалы, собранные в Астрахани, в
этом отношении, являются весьма ценными
и интересными, так как они представляют
собой первый опыт краеведческой работы
в Астрахани, и потому заслуживают
внимания.

Составитель: А. И. Антонов
Издание: 1900 г.
В Астрахани: в типографии
А. И. Антонова.

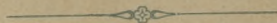
ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Книгу «По Волгѣ» можно получать во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Поволжья, а также и на пароходныхъ пристаняхъ.

Складъ изданія въ г. Хвалынскѣ, Саратовской губерніи

У

АЛЕКСѢЯ ПАВЛОВИЧА ХРѢНОВА.

❖ Цѣна 1 рубль. ❖